

ТРАДИЦИОННАЯ ОХОТНИЧЬЯ КУЛЬТУРА

по археологическим,
фольклорно-этнографическим
и языковым данным

Материалы всероссийской
научной конференции
Строгановские чтения — VI
(Усьолье, 25-26 октября 2014)

УСОЛЬСКИЙ
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ МУЗЕЙ

”ПАЛАТЫ СТРОГАНОВЫХ”

ТРАДИЦИОННАЯ ОХОТНИЧЬЯ КУЛЬТУРА

по археологическим, фольклорно-этнографическим
и языковым данным

Материалы всероссийской научной конференции
Строгановские чтения — VI
(Усолье, 25-26 октября 2014)

*Научный редактор
доктор филологических наук И.А. Подюков*

Усолье, 2015

Традиционная охотничья культура по археологическим, фольклорно-этнографическим и языковым данным [Текст]: Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Строгановские чтения» – VI. 25-26 октября 2014. — Усолье: МБУК Усольский историко-архитектурный музей «Палаты Строгановых», — Усолье: МБУК УИИМ «Палаты Строгановых», 2015. — 90 с.

Фото на обложке: «Усольское общество правильной охоты», 1903 г.

На снимке (слева направо) — рабочий усольских промыслов Булычев П.Ю., лесничий Строгановских дач Ивановский С.Н., управляющий Усольско-Лёнвинскими соляными промыслами Абамелик-Лазарева Зубарев П.Н., служащий БСЗ Калюш А.И., учитель Усольского двухклассного земского училища Шампуров П.Л., фельдшер усольской земской больницы Ковров С.А., рабочий БСЗ Кропачев И., служащий БСЗ Чебыкин Я.М., служащий лесничества Кирилов Н.Н., справа сидит служащий БСЗ Горбунов. БИХМ, Ф.177.04. КП-907.3

Содержание

З.С. АНТИПИНА, А.В. ФИРSOVA

ОБРАЗ ОХОТНИКА-ПРОМЫСЛОВИКА В БЕЛЛЕТРИСТИКЕ XIX – нач. XX в. И ЕГО ВОПЛОЩЕНИЕ
В СОВРЕМЕННЫХ ТУРИСТСКИХ ОБЪЕКТАХ ВЕРХНЕКАМЬЯ5

Р.В. БАГДАСАРОВ

ОБРАЗ СВ. ХРИСТОФОРА И ЕГО ОХОТНИЧИЙ КУЛЬТ В ПРИКАМЬЕ.....6

О.Н. ВАРНАКОВА

ПРОМЫСЛОВЕЕ ЗВЕРОВОДСТВО И РЫБОЛОВСТВО В СЕВЕРНЫХ УЕЗДАХ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ
XVIII – нач. XX в. (по материалам Соликамского и Чердынского уездов) 11

М.Г. ВЕРШИНИНА

ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В РЕЧИ ОХОТНИКОВ (по данным «Охотничьего словаря
Прикамья») 18

В.В. ГОЛОВИН

«ОХОТНИКИ НА ПРИВАЛЕ» ВАСИЛИЯ ПЕРОВА: ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ОЧЕРК-КОММЕНТАРИЙ21

Т.П. КЫЛОСОВА

ВОСПРИЯТИЕ ЛЕСА В КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ТРАДИЦИИ ПО ДАННЫМ ЯЗЫКА И ФОЛЬКЛОРА 40

Л.М. ПАНТЕЛЕЕВА

ОХОТНИЧЬЯ ЛЕКСИКА В ПЕРМСКИХ ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ XVI – нач. XVIII в.43

И.А. ПОДЮКОВ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОВАРЯ ОХОТНИЧЬЕЙ РЕЧИ48

М.Е. САВЕЛЬЕВ

ОХОТНИЧЬИ ПРИМЕТЫ И ЗАГОВОРЫ В ФОЛЬКЛОРНОЙ ТРАДИЦИИ КОМИ-ПЕРМЯКОВ.....52

Е.Н. СВАЛОВА

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В ОХОТНИЧЬЕЙ СУБКУЛЬТУРЕ54

А.И. ТЕРЮКОВ

РИСУНКИ НИКОЛАЯ ШАХОВА ИЗ СОБРАНИЯ МУЗЕЯ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ ПЕТРА
ВЕЛИКОГО (КУНСТКАМЕРА) РАН КАК ИЛЛЮСТРАЦИЯ ОХОТЫ НАРОДОВ НИЖНЕГО ТЕЧЕНИЯ ОБИ57

М.А. ТОМИЛИНА

ВЫРАЖЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СМЕРТИ/ГИБЕЛИ В РУССКОЙ И КОМИ-ПЕРМЯЦКОЙ ОХОТНИЧЬЕЙ ТРАДИЦИИ68

Г.Н. ЧАГИН

ОБРЯДЫ И РИТУАЛЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОХОТОЙ, У КРЕСТЬЯН ВЕРХНЕЙ КОЛВЫ И ПЕЧОРЫ70

А.В. ЧЕРНЫХ

ОХОТНИЧИЙ ПРОМЫСЕЛ В КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ РУССКИХ ПЕРМСКОГО ПРИКАМЬЯ73

В.В. ШИЛОВ

ОХОТНИЧЬИ ХОЗЯЙСТВА УСОЛЬСКОГО РАЙОНА ПЕРМСКОГО КРАЯ В XXI ВЕКЕ.....76

К.Э. ШУМОВ

ОХОТНИК И ПАСТУХ: МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ (на материалах сказочной прозы Северного Прикамья)79

Ю.К. НИКОЛАЕВ

ГОРОДСКИЕ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ОХОТЫ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ 83

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ81

Старобрянец-медвежатник Клестов Ф. (Усть-Ульвич, д. Гашкова, Красн. район).
Экспедиция Ф.Коновалова, 1936 г. УИАМ, ФЗ 4, ОП. 5

З.С. Антипина, А.В. Фирсова,
Пермь

Образ охотника-промысловика в беллетристике XIX – нач. XX века и его воплощение в современных туристских объектах Верхнекамья

Туристская деятельность в северных районах Прикамья имеет давние традиции, при этом многие современные маршруты проходят вдоль старинных путей освоения этой земли. Сегодня, во время двухдневного маршрута в Чердынь, экскурсоводы уделяют особое внимание характеристике древней государственной дороги, которая в XVI в. шла из Москвы в Вологду, Великий Устюг, Соликамск, а затем вверх по Каме, Вишере и ее притокам Велсу, волоком через горы в Лозьву и бассейн Оби¹. Старая дорога определяла столичное значение Чердыни. Во время поездки в Соликамск и Верхотурье центральной фигурой повествования становится Артемий Бабинов — первопроходец нового тракта. В XVIII веке центр деловой активности сместился в сторону медеплавильных заводов, к Кунгуру и к новому центру губернии — Перми. Территории севернее Соликамска стали притягательны для ученых, путешественников, писателей. Суровая и ландшафтно-выразительная страна манила путешественников XIX века, которых мы можем **квалифицировать как туристов**, ибо они ехали сюда **за впечатлениями**, и под впечатлением создавали развернутые очерки о природе, хозяйственной жизни, этнографии и фольклоре народов Верхнекамья².

Ландшафт Верхнекамья, в путевых очерках приобретает смысловую насыщенность, а природные объекты – яркую индивидуальность. Жанр литературного очерка XIX века сопоставим с беллетризованным путеводителем конца XX в. (*путеводителем в духе эссеистики Петра Вайля*). Писатели той эпохи отбирают яркие и типичные объекты территории — **идентификаторы места** (*genius loci*).

Одним из центральных компонентов культурного ландшафта Верхнекамья становится **образ охотника-промысловика**. Социальный портрет и детали промысловой деятельности местного охотника встречаем в Очерках Вишерского края Николая Белдыцкого. Автор охватывает долину реки от деревни Морчаны (современный Красновишерск) до поселка Усть-Улс. Описывая хозяйственную жизнь жителей этой волости, Белдыцкий во многом подражает манере повествования Ф.М. Решетникова в «Подлиповцах» и жители Морчан также обездолены – нет у них мягкого климата, нет производственных навыков. Но их выручает рыболовство, охота и лесные промыслы, и здесь северный житель — вынослив, ловок, умён.

Из очерка Белдыцкого мы узнаем, что охота у вишерцев производилась два раза в году — весной и осенью. «Предметами охоты» были: лоси, медведи, соболи, куницы, белки, россомахи, горностаи, главным образом, рябчики. В Покров-день охотники собирались в артели по три-шесть человек, **женщины отсутствовали**. Заготавливались припасы: черные сухари, масло, крупы, лыжи, ружья, одежда. Артель в лодках поднималась к верховьям рек, на лыжах переваливала Урал и начинала охоту. Припасы и снаряды везли на длинных и узких санках – «нартах». В лесу, в известных местах, строили балаганы. Осенью больше всего стреляли рябчика, белку и пушнину. Самая трудная охота в осенний сезон была на соболя; его выслеживали и ставили тенета. К 6 декабря старались вернуться в свои деревни, осенний промысел заканчивался. В среднем количестве осенний промысел давал на каждого охотника рябчиков 100-150 пар, пушнины 3 пары, белки 100-300 шт.

В феврале готовились к самой охоте на лосей, оленей и медведей. Ехали рекой, старались добраться до оставленных осенью лодок. На лыжах продолжали путь, волоча за собой тяжело нагруженные нарты. К концу зимы снег на восточном склоне Урала становился гораздо глубже, чем на западном. Лоси и олени перекочевывали на сторону более мелких снегов и вишерские охотники,

1 Торопов С.А. По голубым дорогам Прикамья. Пермь, 2011

2 См: Берх В.Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей (1821); Гофман Э.К. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой (1853); Белов А.Д. Два-три слова о Чердынском уезде в промышленном отношении (1860); Мамин-Сибиряк Д.Н. Старая Пермь (1883); Вишеславцев В.И. Очерк из путешествия к Уралу по реке Вишере (1895); Мейер Ф. По Вишере (1898), Белдыцкий Н.П. Очерки Вишерского края (1899). Ончуков Н. На горной Вишере (1902) и др.

пользуясь этим обстоятельством, начинали охоту. Убитого лося или оленя разрезали обыкновенно на 12 частей, возвращались к своим становищам за нартами и перетаскивали свою добычу на громадные расстояния. Около становьев устраивали, так называемые, «лабазы» — помещения на высоких столбах. На одном месте охотники жили недолго, поохотившись в окрестностях стана, направлялись дальше к северо-востоку. Таким образом, добыча их оказывалась разбросанной в разных местах. К середине марта предстояла трудная работа: из лабазов достать добычу к верховьям рек, где осенью были оставлены лодки. Вишерцы запряглись в нарты и тащили за 100-150 верст свою добычу по частям к лодкам. Здесь для мяса и шкур устраивали особое помещение — «чамью», состоящую из деревянного сруба длиной около сажени, шириной аршина два и высотой в сажень. Срубы эти ставились прямо на землю, и в них, как в ящик, клали мясо; сверху прикрывали чамью в защиту от хищников толстыми плахами. К концу апреля вся добыча вишерцев доставлялась к верховьям Вишеры или ее притоков. На лодки весь груз не помещался, и охотники заранее устраивали себе плоты из брёвен. К Николину дню (9 мая) все оказывались дома, и охота прекращалась до осени. Весенний промысел давал в среднем количестве на каждого охотника: лосей — 3-5 штук, медведей — 1/2-1 шт., пушнины — 2 пары, рысей — 1-2 шт., оленей — 3-5 шт.

Этнографическая зарисовка Н. Белдыцкого позволяет реконструировать сезонный ход охоты, ее маршруты и технологию. По сути — это идея инвестиционного проекта по созданию тематического туристского парка Охоты в Верхнекамье. Отдельные разрозненные объекты по данной тематике мы встретим во многих районных краеведческих музеях: Красновишерском, Кудымкарском, Очерском, в архитектурно-этнографическом музее Хохловка. Здесь созданы экспозиции, посвящённые снаряжению прикамских охотников (шабур, лузан, кожаные пояса, пороховницы, лыжи подбитые мехом, лодки); орудия промыслов (наконечники стрел, рогатины, луки, кремневые ружья, тенета, силки, перевесы, сети); объекты охоты (чучела промыслового зверя и птицы); сооружения (лабазы, ноды, ледники). В случае «выхода» экспозиций за рамки музейного пространства в подлинный ландшафт долины Вишеры, в сочетании с современными туристскими технологиями (историческая реконструкция, игра-квест, мастер-класс) может быть создан интерактивный тематический парк, посвященный традиционным промыслам Верхнекамья.

Литература

- Белдыцкий Н.П.* Очерки Вишерского края. Пермь, 1899.
Белов А.Д. Два-три слова о Чердынском уезде в промышленном отношении. Пермь, 1860.
Берх В. Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. С-Петербург, 1821.
Вышеславцев В.И. Очерк из путешествия к Уралу по реке Вишере. — Пермские губернские ведомости. 1 декабря 1895 г.
Гофман Э.К. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Т. 1. СПб, 1853.
Мамин-Сибиряк Д.Н. Старая Пермь. Чердынь, 1994.
Мейер Ф. По Вишере. — Пермские губернские ведомости. 8 января (№ 5).
Ончуков Н. на горной Вишере. — Новое дело, 1902, № 10.
Торопов С.А. По голубым дорогам Прикамья. Пермь, 2011.

**Р.В. Багдасаров,
Москва**

Образ св. Христофора и его охотничий культ в Прикамье

1. Духовный поиск св. Христофора

Греческие сказания о святом Христофоре начинают распространяться во Франции начиная с IX века; первая развёрнутая компиляция относится к XI веку, а наиболее продуманное изложение разнородных сведений о нём предпринято Яковом де Ворагинем в его «Золотой легенде» (XIII в.) [The Golden Legend...].

Существенная черта образа Христофора — его принадлежность к воинскому сословию. Подобно другим воинам-мученикам, он исповедует Христа как своего военачальника, царя. Однако в случае Христофора драматизируется сам его выбор служения Христу военачальником. Этот выбор раскрывается через метасюжет, занимающий значительную часть жития. Поиск сильнейшего властелина, к которому можно поступить на службу, является метафорой духовного поиска высшего покровительства.

Будучи на службе у некоего царя-христианина, Христофор слушает придворного певца и видит, как в момент упоминания дьявола тот творит крестное знамение. Страх царя служит причиной, из-за которой Христофор отправляется на поиски более сильного патрона — дьявола. Христофор обнаруживает его в пустыне среди группы воинов. Наиболее ужасный из них обращается к святому: «Я тот, кого ты ищешь». Но уже через некоторое время, увидев в пустыне крест, дьявол вынужден оббежать его, прихватив с собой Христофора. Из объяснений дьявола святой узнаёт о силе Христа и покидает его, чтобы найти нового господина. В процессе поиска Христофор присоединяется к отшельнику. Видя, что тот не может следовать путём молитвы, отшельник даёт Христофору совет сделатьсь перевозчиком на опасной реке, где погибает множество путешественников.

Святой исполняет совет. Именно с этого момента события его жития известны наиболее широко. Важнейшим испытанием для Христофора является перенос через бурлящую реку младенца, оказавшегося необычайно тяжёлым. Переноса его, Христофор преодолевает боль и напрягает все свои силы. Христос (выясняется, что это он принял облик младенца) одаривает святого способностью к чудотворению. Это только усиливает парадоксальное обстоятельство: Христофор не только впоследствии претерпевал мучения за Христа (как большинство мучеников); сам Христос явился таинственным источником его мучений накануне обращения.

Третью и четвёртую часть жития составляет рассказ о прибытии св. Христофора в Ликий, о его заступничестве за христиан, чудесном обращении 200 воинов и мученичестве.

2. Св. Христофор и Св. Мина

То обстоятельство, что в источниках отсутствуют упоминания о могиле святого Христофора, заставляет тщательнее рассмотреть его исторический прототип. Наиболее убедительной сегодня представляется гипотеза о тождестве Христофора с коптским святым Меной (Миной), чья могила IV в. известна. В пользу этого свидетельствует сходство прозвищ: *Reprobras* у Мены и *Reprobus*, «отверженный» у Христофора (*Репреѳос*, Репрев в славянских житиях; ср. лат. *hergobus* «отверженный, осуждённый, дурной»). Оба, Мена и Христофор, были воинами, служили в римской армии.

Согласно греческим и латинским преданиям, Христофор принадлежал к 3-й Валерийской когорте Мармарики, области, располагавшейся между современными Ливией и Египтом, которая была сформирована при Диоклетиане. Христофор-Репрев пострадал в Антиохии во время гонений на христиан при императоре Деции Траяне. В Антиохии же пострадал и Мена. Прозвище Христофор («христоносец») замещало чужеземное имя, плохо запомнившееся жителям Антиохии. Дэвид Вудс предполагает, что его мощи были перевезены в Александрию священномучеником Петром, папой Александрийским, где стали уже известны как принадлежащие Мене. Важной чертой культа как Христофора, так и Мены (Мины) является их покровительство путешественникам [Woods: 170-186].

Таким образом, прозвища Христофор («христоносец») и Репрев («отверженный») объединяют жития Христофора и Мены. Являются ли эти святые одним лицом или двумя, ещё предстоит выяснить. Наложения одноимённых святых нередки в христианской агиографии: Николай Мирликийский III-IV вв. и Николай Пинарский VI века; Параскева из Иконии III века, Параскева Римская II века, Параскева-Петка преподобная XI века и др.

3. Псоглавие: латинские истоки

Наиболее интригующей деталью образа святого Христофора является его миксантропичная внешность на целом ряде иконных типов: изображение мученика с головой пса (в некоторых случаях, коня). Одним из источников такой иконографии является приписывание Христофора к библейским хананеям. Этноним *cananeus* (лат. «хананит») могло быть истолковано как «собачий».

Ханаане в Библии упоминаются как правило в негативном ключе: проклятие праотца Ханаана Ноем, завоевание Ханаанской земли израильянами, нечестие местного населения, присущие ему человеческие жертвы, зоофилия, из чего вытекали специфические условия по отношению к завоёванным, в частности, полное истребление «всего дышащего» в случае сопротивления (Нав 6:20, 10:30). Эти условия выполнялись лишь частично, израильяне смешивались с ханаанами, что рассматривалось пророками как коллективный грех народа Божия (ср. рассказ о Сусанне и старцах из Книги Пророка Даниила, гл.: «Семя ханааново, а не иудино...»). Таким образом, идентификация Христофора как хананея в ряде житий общалась с прозвищем Репрев («отверженный»).

Эпизод с женой Хананеянки (Мф 15: 21-28) в латинских версиях Евангелия имеет дополнительный оттенок: «И выйдя оттуда, Иисус удалился в страны Тирские и Сидонские. И вот, женщина Хананеянка, выйдя из тех мест, кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется. Но Он не отвечал ей ни слова. И ученики Его, приступив, просили Его: отпусти её, потому что кричит за нами. Он же сказал в ответ: Я послан только к погибшим овцам дома Израилева. а она, подойдя, кланялась Ему и говорила: Господи! Помоги мне. Он же сказал в ответ: нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Она сказала: так, Господи! Но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их. Тогда Иисус сказал ей в ответ: о женщина! Велика вера твоя... и т.д.

В латинском тексте аллегория «хананеи = псы» выглядит как оправданное этимологией отождествление: «...нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам» (*Non est bonum sumere panem filiorum, et mittere canibus*). Поэтому ответ матери-хананеянки является развитием этой аллегории: «Она сказала: так, Господи! Но и псы [в латинском тексте: «щенки» (*catulis, catellis*)] едят крохи, которые падают со стола господ их (*At illa dixit: Etiam Domine: nam et Catellae dunt demicis qua escidunt de men sa domini suorum*)». В латинской версии Хананеянка не противоречит Христу, а смиренно уточняет, что просит не за взрослую Хананейку (*Chananea*), которая бы соответствовала «собаке» (*canis*), а за девочку, которая ещё только «щенок» (*catellus*), а потому вправе надеяться на исцеление. Эта игра слов исчезает при изложении эпизода на другом языке, что свидетельствует в пользу того, что символика «хананеи = псы» в латиноязычной среде обладала наибольшей глубиной.

Другой чертой внешности св. Христофора, которая акцентирована в описании иконописного подлинника, является высокий рост: 5 или 12 локтей (в пересчёте на современные меры: 2,3-5,4 м).

4. Псоглавец-Христофор — покровитель охотников

В Лицевом Строгановском подлиннике, изданном С.Т.Большаковым под редакцией А.И.Успенского, псоглавие Христофора упомянуто, хотя само изображение даётся в человеческом виде по образцу великомученика Димитрия Солунского: «9 мая. Святаго мученика Христофора, глава у него песия, во бронях, в руке крест, а в другой меч в ножнах <...>, а инде пишет Христофора млад, аки Димитрий Селунский <...>» [Подлинник-1998:97].

Несмотря на попытки Синода в начале XVIII века полностью запретить «противные естеству, истории и истине» иконные изображения, в число которых попал и Христофор-«псоглавец», его миксантропичная иконография продолжала воспроизводиться, причём, достаточно просвещёнными живописцами. К последним, безусловно, следует отнести и полно-

СВЯТЫЕ ФЛОР, ХРИСТОФОР И ЛАВР

Автор С. Головин

Дерево, масло. XIX в.

фигурное изображение св. мученика Христофора Михаилом Казариновым в Никольской церкви села Ныроб в 1722-1725 годы. Образ Христофора расположен в юго-западном углу четверика и был неоднократно описан в литературе. Вот каким застал его врач В.И. Попов в 1930-е годы: «На южной стене, в верхнем ярусе особое внимание обращает на себя икона святого Христофора с собачьей головой. На ней внизу надпись: «Яко песию голову имяше». Изображён он в мантии тёмно-красного цвета, в тёмно-зелёном кафтане с серой меховой опушкой. Красиво дополняет костюм его белое кружево над правым плечом. В правой руке он держит меч, а в левой — крест. Голова собачья с оскаленными клыками в обрамлении золотом сияющего нимба. По одежде своей Христофор напоминает испанского рыцаря».

Далее В.И. Попов проводит параллели между изображением Христофора и древнеегипетским культом шакалового Анубиса, выступавшего посредником при переходе мёртвых в загробный мир. Заметим, что подобную параллель можно обнаружить и в житии мученика, где он переводит путников через опасную реку.

Однако для местного населения св. Христофор приобрёл значение в другом качестве: «Здесь он несёт совсем иную службу, являясь покровителем охотников. Перед началом промысла охотник считает непременно долгом отслужить молебен святому Христофору. Бьёт ему земные поклоны и просит святого осчастливить его в предстоящей охоте. Церковный ритуал в честь покровителя охотников, святого с собачьей головой, попом даёт большой доход. По окончании молебна поп напутственное слово говорит охотнику. Кропит его святой водой и тонкую политику ведёт, чтобы при удачной охоте его бы, попа, охотник не забыл: белочку или рябчика, на худой конец, ему бы подарил. Кончился молебен, уходит охотник из церкви. В душе уносит надежду, что теперь уж ему подфартит. Вернётся домой он с богатой добычей» [Попов: 39, 41].

Как представляется, охотничий культ Христофора мог иметь и более специфические черты. К иконе святого псоглавца по естественной ассоциации обращались именно как к собачьему покровителю, ограждающему четвероногих помощников охотника от сглаза и других негативных воздействий. Отвод собак, согласно поверьям, угрожал животным в случае магического наведения: «Отражением такого мышления является выражение отводить собак, которое используется в пермских говорах в значении 'лишать собак чутья магическим способом' («Колдун собак отводил. Наладит собаку — не будет искать белку, не будет чують»)» [Охотничий словарь Прикамья, Отвод собак // в печати].

Подобного наваждения можно было избежать с помощью превентивной процедуры «подкуривания», сохранившейся в описании информатора из дер. Потаскуевой в 5 км от с. Сыпучи (Красновишерский р-н Пермского края): «Мой отец, Собянин Тимофей, жил в д. Потаскуевой в 5 км от с. Сыпучи. Весь век занимался охотничьим и рыбацким промыслом. Был он суеверным, и мне пришлось наблюдать в лесу, на охоте, действие, которое у нас называют «подкуривать», т.е. лечить себя, ружьё и собаку от сглаза со стороны, от сглазившего постороннего охотника. Эта процедура такова: «считают, что ружьё не бьёт дичь, собака не ищет дичь или охотник блудит, не может выйти на правильный путь, значит надо «лечить» себя от сглазу. Это лечение проходит в тайге так: с 9-ти пихт ломают по одному сучку сухих прутьев обязательно с красной хвоей. Причём, правило предрассудка требует то, чтобы сухие прутья были расположены на северную сторону. С одной берёзы срывают сухое бересто в том расположении, где берёзовый ствол сам по себе от каких-то причин разодран. Собирают перо и шерсть из сумки или лузана, оставшееся там от прежней охоты, 5-10 волосинок со своей головы, часть волос от собаки. Всё это перемешивают и кладут на костёр, предварительно зажигая сухую бересту. Через дым перебрасывают собаку, и охотник с ружьём тоже старается перейти и окурить себя от собранных воедино всех колдовских предметов. После «окуривания» охотник считает себя свободным от всех колдовских напастей и с уверенностью идёт продолжать охотничий промысел» (запись от 4.04.1946) [ЧКМ. в/х 21/26].

Таким образом, охотничий ритуал, связанный с культом св. Христофора в Прикамье, реконструируется как состоявший в своей полной версии из двух половин. Первая половина связана с молебном у образа святого в храме, вторая с магической процедурой, проводившейся в лесу и непосредственно предшествовавшей охоте.

Литература и источники

Записки врача В.И. Попова // ЧКМ. 983

Запись от 4.04.1946 // ЧКМ. в/х 21/26

Охотничий словарь Прикамья / И. А. Подюков (науч. ред.), А.М. Белавин, Е.Н. Свалова, С.В. Хоробрых, А.В. Черных; Перм. гос. гум-пед. ун-т. Пермь, 2013.

Подлинник иконописный / изд.Большакова С.Т.,Успенского А.И. М., 1998.

The Golden Legend or Lives of the Saints. Compiled by Jacobus de Voragine, Archbishop of Genoa, 1275. Englished by William Caxton, first edition 1483. Temple Classics edited by F S Ellis, first issue of this Edition, 1900. Printed in Great Britain by T. and A. Constable LTD. At the University Press, Edinburgh. Reprinted 1931.

Woods David. St. Christopher, Bishop Peter of Attalia, and the Cohors Marmaritarum: A Fresh Examination // Vigiliae Christianae. Vol. 48. 1994. № 2.

**О.Н. Варнакова,
Березники**

Промысловое звероловство и рыболовство в северных уездах Пермской губернии XVIII — нач. XX вв. (по материалам документов Соликамского и Чердынского уездов)

Население северных волостей Соликамского и Чердынского уездов Пермской губернии (Пермский край) издавна промышляло охотой и рыбалкой. Необозримые лесные богатства, составляющие 81,1 % удобной земли [Материалы к оценке земель 1905], а также полноводные воды Камы, Колвы, Чусовой, Яйвы, Чашкинского и Чёрного озёр благоприятствовали развитию здесь промысловых рыболовных и охотничьих обществ, доставляли постоянный источник пропитания местному люду, средства обогащения — землевладельцам. Исторические источники донесли до нас сведения о водившихся в местных водоёмах осетрах, таймене, белорыбице, севрюге, стерляди, сомах, судаках, окунях, язях, налимах, карасях и т.д. [Историческое описание г. Соликамска 1830], на которых, например, монахи Пыскорского монастыря ещё в XVI в. имели «без оброчное» разрешение по ловле [Словцов, 1867]. Строгановские промысловики-охотники заготавливали в лесах для продажи и сдачи в казну пушнину, дичь, гусиный и лебяжий пух.

О широкой деятельности по заготовке пушнины и пуха в Верхнекамских уездах рассказывают, например, многочисленные предписания Г. Д. Строганова, сделанные в Чусовское правление в 1702-1705 гг. Судя по ним, приказчик Савва Кузнецов получил следующее предписание: «...августа 9 числа по нашему указу писано о покупке товаров, а именно: куницы, шкуры боброва, белки, волков, росомах и ныне тем о сём подтверждением тех товаров доставить...»; «...присылать <....> десяти пар соболей, да девяносто хвостов собольих <....> пуху гусиного 300 пуд...»; «...наперёд сего писано к вам от нас о лосиных головах нам бы <....> по прежним и по сему нашему указу трёх лосиных голов промыслить сколько можно и прислать к нам беззамедлительно, а коего числа и с кем <....> сколько тех лосиных голов послано к нам будет о том к нам писать...»; «...купить лебяжьих сколько гнёзд можно и прислать их к нам от них же. А почему цене те лебеди куплены будут за каждое гнездо с тем к нам послано будет о том нам писать лично...»; «<....> а лосиные вам головы и ноги с копытами прислать. <...> по сему нашему указу купить и прислать к нам на лодях хвостов собольих, а <....>, чтоб ценой пара была от

1,5 до 2,5 рублей...» [ГАПК Ф. 672. О.1. Д.79. Л.1-4, 78,97]. В 1705 г. Строганов требовал купить и прислать в Нижний Новгород «...200 хвостов собольих пышных...»; «... а о покупке товаров вам наше подтверждение — неотложно вам в том попечение по купли товаров выбрать из крестьян знающих добрых и надёжных и обещаю им за труды по четыре деньги с рубля покупать самых добрых куницу, бобров, <....>. Самоллично вам в покупке оных товаров иметь старание и потом посланный показать тех товаров реестром писать...». Являясь поставщиком казённого пуха, Г.Д. Строганов приказывал прикупить «гусяного пуху пудов 10 и прислать за казённой печатью в мешках по 5 пуд» [ГАПК Ф. 672. О.1. Д.79. Л.55, 58, 78, 105].

Другой пермский землевладелец и «петербургский Крез» В.А. Всеволожский в начале XIX в. требовал от Пожевского правления постоянную поставку дичи к Петербургскому двору. Рапорты приказчика Фёдора Мальцева из Новоусольской канцелярии в Пожевское главное управление В.А. Всеволожского от 1822 г. сообщают: «По ордеру оногo правления от 13 числа сего октября за № 3407 для отправки к его превосходительству в Санкт-Петербург постреляно по сие число двумя стрельцами рябчиков 11,5 пар и с которых внутренность выброшена и заложена молодою пихтою, и при сём закупоренным и перекладенными пихтовой молодой хвоею в ящичке посылаются. Но чтобы касается до засыпки оных снегом, то оные в рассуждении ныне тёплой дождевой погоды и мокрого снегу оным не засыпаны для того, чтобы оный в ящичке не растаял и рябчики от этого не опрели, а в холодное время будут рассыпаться и с снегом. Октября 24 дня 1822 г.»; «...для отправки в Санкт-Петербург настреляны с 28 октября 25 пар рябчиков, которые закупорены в ящик... Ноябрь 10. 1822 г.» [ГАПК. Ф. 176. О.1. Д.83. Л.46, 47]. В реестре Пожевской заводской конторы [ГАПК. Ф. 176. О.1. Д.83. Л. 237] на отпущенные в январе 1822 г. в Санкт-Петербург к его превосходительству Всеволоду Андреевичу под присмотром служителя Нифана Четина прописана доставка «рябчиков залитых в коровьем масле в кадках - №1-3 — 50, №4-5 -57 по 20 пар, масла в них — 7 пуд.; рябчиков в коробах лубяных не очищенных в перьях №6 — 200; мёду патоки в дуплах липовых — 5 пуд; уложенных в ящик деревянный орехов кедровых — 20 фунт., шишек кедровых — 20 фунт». В ряде литературных источников о барском доме имения Рябово Н.В. Всеволожского описываются праздничные столы, на которые «выносили, бывало, громадную рыбину (таймень или нельма), полученную с Урала, с трудом удерживаемую четырьмя кухонными работниками».

На протяжении десятков лет М.М. Голицын требовал поставку из Пермских вотчин для Московского домового расхода столовые припасы, состоящие из мёду патоки, варёных ягод (малина, костяника, чёрная смородина, морошка), сушёной малины, брусники, а также — рябчиков; пуха гусяного, кожи медвежьей и лосиной. В одном из писем от 1794 г. он собственноручно рекомендует — «...ягод варёных малины, чёрной смородины, брусники, морошки ... налить в 33-х ручках, которые обмазаны приличной замазкой и закрыты холстом, узавязаны бечёвками и закупорены в ящичках, зашитых рогожами...» [РГАДА.Ф.1263. О.10. д. 1056. Л.1,2,5].

Охота на зверя была прибыльным делом. «Цена звериной кожей, смотря по доброте различна», — пишет Н.С. Попов в «Историко-географическом описании Пермской губернии» (1800 г.), — «...лосиная шкура стоит от 8 до 15 руб., оленья — от 3 до 5 руб., медвежья — 5, 10, 15, 30, 40 руб., рысья — от 2 до 4 руб., волчья — 1 сорт 5 руб., второй — 3 руб., лисы обыкновенной, сиводушки, чернобурой — 4, 5, 10, 20, 30, 60 руб., куницы — 2-2,5 руб., соболя Чердыннского 1 сорта — 10 руб., 2-го сорта — 8 руб., 3-го сорта — 4 руб., выдры — 5-15 руб. (по сорту), норки 100-180 коп., барсучья кожа от 20 до 50 коп., заячья (беляк) зимняя — 10 коп, летняя — 5 коп., зайчатина белая — 20 коп, серая — 10 коп, бобровая — от 5 до 10 руб., росомахи от 5 до 10 руб.» [Попов, 1800: 66]. В это же время корову можно было купить за 7-8 руб., рабочая лошадь стоила от 5 до 7 руб. [Попов, 1804:124-125].

Интенсивное развитие промышленного производства, строительство медеплавильных, железоделательных и солеваренных заводов привело к постепенному истощению лесных угодий. Особенно заметным это было в Соликамском уезде, где леса частной собственности составляли 78,5% [Материалы к оценке земель Пермской губернии, 1905: 192]. Солепромышленники Усольско-Лёнвинских и Соликамских промыслов ежегодно заготавливали здесь до 200 тыс. сажень дров. Сокращение лесных массивов вело к уменьшению промысловых угодий. Местные жители замечали, что уже в конце XIX в. «рыбы в Каме, против промыслов, очень мало. Тщетно рыболов сидит с удюю в руках. Только при весенней убыли воды попадает мелкая стерлядь. Выше и ниже промыслов рыба попадает успешнее, особенно в притоках Камы и после весеннего половодья. В это время залавливаются по 13-ти фунт стерляди в р. Яйве, а лещей попадает иногда до 600 шт. В одну тоню», «господского рыболовства и звероловства нет; крестьяне же и заводские ремесленники ловят рыбу в свободное время и большей частью для домашнего употребления» [Шишонко, 1887: 402]. По данным В.Н. Шишонко [Шишонко, 1889: 637], в 1858 г. крестьяне и заводские ремесленники заготовили зверя в следующих объёмах (табл. №1):

Таблица №1

Количество охотников и объёмы заготовки зверя в Пермской губернии в 1858 г.

	ОХАНСКИЙ УЕЗД	ПЕРМСКИЙ УЕЗД	СОЛИКАМСКИЙ УЕЗД
ЧИСЛО ОХОТНИКОВ	57	33	8
Белки	1300	4315	300
Куницы	—	10	2
Норки	10	2	—
Выдры	—	1	3
Лисы	8	19	2

«...Звероловство и птичья охота постепенно падают и уменьшаются, что зависит от быстрого истребления лесов в губернии...», — отмечено в Календаре Пермской губернии за 1883 г. [Календарь Пермской губернии, 1883: 27]. По сведениям земских управ, опубликованным в Адрес-календаре Пермской губернии [Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1892 г., 1895: 25], в уездах было отстреляно следующее количество зверя и птицы (табл. №2):

Таблица №2

Количество охотников и объёмы заготовки зверя и птицы в Пермской губернии в 1892 г.

	ОСИНСКИЙ УЕЗД	ОХАНСКИЙ УЕЗД	СОЛИКАМСКИЙ УЕЗД	ПЕРМСКИЙ УЕЗД	ЧЕРДЫНСКИЙ УЕЗД
ЧИСЛО ОХОТНИКОВ	1262	807	1128	1167	2241
зайцев	11923	7830	4832	2713	7165
белок	16460	9805	9392	25231	100228
куниц	140	43	134	677	388
лис	98	67	9	54	40
медведей	12	—	17	33	55
лосей	5	—	50	7	193
горностай	26	65	35	49	303
рябчиков	—	9721	25290	53606	59193
тетерева, утки, куропатки	20910	3819	2404	2891	5314

Для регламентации вырубki древесины в общей (5 владельцев) промысловой лесной даче (80 тыс. десятин) Соликамского уезда в январе 1871 г. учреждается лесная стража во главе лесничим. В 1891 г. управляющие Усольско-Лёнвинских солевых промыслов запрещают самовольную вырубку леса вблизи промысла. Жителям Нового Усолья и Ленвы разрешалось самостоятельно заготавливать не более 1 сажени дров. Остальное количество дров, необходимых для отопления, строительный лес они должны были приобретать через лесничего. «Этой мерой заводоуправляющие пытались достигнуть сбережения последних лесов, которые при бесхозяйственной и безалаберной вырубке истощены вблизи Усольских промыслов до того, что лет через 10-15 останутся одни пустоши...» — писала «Екатеринбургская неделя» в 1891 г. Несмотря на запретительный характер вырубki леса, Соликамский и Чердынский уезды оставались главными поставщиками древесины, использовавшейся для торговли и внутреннего потребления предприятий Верхнекамья. В 1895 г. из Чердынского уезда было поставлено 1 617,7 куб. сажени строевого леса, 7 799,7 куб. сажени дров, из Соликамского уезда соответственно — 24 811,96 куб. сажени и 22 705,33 куб. сажени дров [Материалы к оценке земель Пермской губернии 1905: 262-263].

В конце XIX в. в городах и селениях Пермской губернии создаются первые общественные организации по защите леса и его обитателей. Служащие, учителя, врачи и другие представители местной интеллигенции создают «Общества любителей охоты» и «Общества правильной охоты». Одной из первых таких организаций, вероятно, нужно считать Пермское общество любителей охоты, созданное в 1893 г. В приведённом ниже докладе, представленном на первом общем собрании общества 1 марта 1893 года [ГАПК. Ф. 292. О. 1. Д. 3. Л. 1-3], даётся характеристика состояния охотничьих угодий в губернии на этот период времени:

«Милостивые Государи! 20-25 лет этому назад Пермская губерния в отношении охоты и охотничьих угодий, по праву, могла стоять в числе первых. Масса пернатого и животного царства, их разнообразие, близость выводных мест от вполне удобных путей сообщения и жилых мест давали возможность каждому охотнику — богатому и бедному, свободному или обремененному работой и служебными обязанностями, — воспользоваться свободной минутой, забыть всё: дрязги, неприятности, часто тяжёлые невзгоды и отдаться вполне тем наслаждениям, которые так милы и дороги охотничьему сердцу. В то дорогое время не требовалось ни крупных денежных затрат, ни того переутомления, с каким сопряжены охоты в настоящее время. не было надобности ехать или идти, как например Пермскому охотнику, за 20-30 верст, когда под самыми городами в 5-10 верстах каждый мог вволю, что называется, отвести душу. Кто из здешних старожил-охотников не помнит как, почти за чертой города, били дупелей, бекасов, тетеревей, вальдшнепов и глухарей на току; били не случайно, а постоянно, затрачивая на это удовольствие несколько часов времени. Кто не помнит, что в 10-15 верстах от города устраивались прекрасные облавныя охоты по зверю, когда в обходе насчитывали очень часто по 10-15 штук волков и когда в 25-30 верстах в Юговской и башкирских лесных дачах убивалось промышленниками охотниками много медведей, лосей, оленей, куниц и даже соболей. Охоты эти были доступны и сурьезному интеллигентному охотнику и доставляли ему часто минуты высококачественного наслаждения. Словом всё что так мило и дорого охотничьему сердцу, всё что могло волновать охотничью душу и оставить в памяти массу ярких картин пережитых охот, могла дать Пермская губерния еще так недавно. Трудно было поверить, если бы в то время кто-нибудь сказал, что скоро в Пермской губернии и для городских охотников настанет конец охотничьему благополучию. Да и как было верить, когда кругом куда не повернешь кишела птица, когда в час-два времени можно было убить столько, что нынешние грандиозные охоты

представляют только жалкое подобие прежних охот. а между тем конец пришёл и даже скорее, чем можно было / ожидать. Чрез 20 лет те благословенные места, которые еще теперь живы в памяти и заставляют замирать охотничье сердце, только от одного воспоминания, превратились в пустыню, где разве только ранней весной вы услышите крик перепелов и изредка бекаса. Наши знаменитые заюрчимския и заосиновския луга и согры не только не манят больше охотника, но напротив леденят душу того, кто бывал на них в старое доброе время. Вот, милостивые государи, в каком положении наше охотничье хозяйство в настоящее время не только около Перми, но и во всей Пермской губернии. Многие предполагают, что все зло заключалось и заключается в истреблении птицы и зверя в незаконное время и незаконными способами, но этот взгляд, по мнению Правления, не совсем верен или лучше сказать полон. Падению нашего охотничьяго благополучия помогало всё: агенты правительства, культивирование сельско-хозяйственных угодий, климатические условия, гастрономические вкусы наших граждан и, наконец, наш крестьянин промышленник, истребляющий всё и всякое время ради заработка.

Правление позволит себе подробнее развить как общия, так и частныя причины падения нашего охотничьяго хозяйства, преимущественно в населенных местах Пермской губернии. Всем Вам известно, милостивые государи, что только 2–3 года этому назад, в печати, благодаря нашим же собратьям по оружию, был поднят вопрос об охотничьем хозяйстве и сделан упрек правительству за игнорирование этой отрасли естественнаго богатства, могущего дать государству как материальный доход, так и содействовать естественным путем развитию лесного и сельского хозяйства. Высшие правительственные сферы, сознавая справедливыя заявления печати, сочувственно отнеслись к более подробному развитию законов об охоте, которые и обнародованы были в 1892 году. Хотя законы эти выработаны были в главных деталях и требуют еще крупной над ними работы; но все-таки это уже не то чем пользовались мы до этого времени. Главным и незаменимым является закон по отношению полицейских и лесных властей; за неисполнение своего служебнаго долга по отношению преследования виновных за неисполнение законов об охоте. Закон возлагает очень тяжелую ответственность. Полнейшее равнодушие агентов правительства к соблюдению закона об охоте, для которого было отведено в нашем законодательстве только несколько статей, принесли охотничьему хозяйству на долю непоправимый вред. на отсутствие зверя и птицы в Пермской губернии, а в особенности в окрестностях г. Перми, главное влияние оказали культивирование сельско-хозяйственных угодий и страшное истребление лесов. Осушенные болота и согры, а затем обезлесение берегов больших и малых рек и озер уничтожили естественныя места для вывода молодых, почему вся птица переселилась в менее заселенныя места, где сохранилось еще много неосушенных болот, дающих ей возможность кормиться вплоть до отлета. на отсутствие хороших болотных и луговых угодий нам указывает отсутствие птицы даже во время осенних пролетов. Против этого — чисто естественнаго зла бороться мы не в силах и, следовательно, этом горю может помочь только время, когда народ придет к сознанию, что обсушивание луговых мест и полное истребление лесов и кустарников составят крупную ошибку, которую придется исправлять десятками лет. Наконец, главная причина истребления дичи в подгородних местах происходит от охоты в незаконное время. Эта причина в полной зависимости во первых — от наших гастрономических вкусов, а во вторых — от отсутствия в народной массе понятий о том вреде, который она приносит, покупая дичь добытую промышленниками в незаконное время. Против этого зла мы можем и должны бороться. Для этого не требуется денег нужна только полная солидарность во взглядах, частица труда и маленькая храбрость отказаться от тех условных обычаев, которые будто-бы обязывают нас во время разных парадных обедов, есть самим и угощать своих гостей дичью, которая часто добывается за дорогую цену и в невозво-

ленное время. Эта-та прихоть и заставляет крестьянина-промышленника под страхом ответственности, но в виду хорошей платы, истреблять все что не подвернется лучшее под руку, не будет спроса — не будет истребления, а не будет того и другого только тогда, когда мы все, милостивые государи, неуклонно в течение нескольких лет будем действовать исключительно в этом направлении...»

В том же докладе были обозначены и главные задачи членов общества охоты: 1) энергичная деятельность по вовлечению новых сторонников по охране лесных угодий; 2) выявление нарушителей законов об охоте среди охотников; 3) привлечение к ответственности продающих и покупающих дичь в неустановленное законом время; 4) строгое слежение за выполнением обязанностей и «охотничьих законов» низшими полицейскими и лесными властями; 5) сбор сведений о состоянии охотничьих и лесных угодий, звероловстве и торговле дичью; 6) борьба с браконьерством [ГАПК. Ф. 292. О. 1. Д. 3. Л. 4-6]. Этими же задачами, по-видимому, руководствовалось и «Усольское общество правильной охоты», созданное в 1896 г. в селе Новое Усолье [Пермские губернские ведомости 1896: 2]. Отмечая вторичное утверждение общества 26 апреля 1899 г., «Пермские губернские ведомости» сообщали о значительном количестве его членов — 50 человек, в числе которых были и женщины [Пермские губернские ведомости 1899: 3]. В 1911 г. председателем «Усольского общества правильной охоты» являлся управляющий Пермским имением Е.А. Балашовой, горный техник Б.Ф. Урбанович, помощником председателя состоял управляющий Усольско-Лёнвинскими соляными промыслами Абамелик-Лазарева П.Н. Зубарев, членами общества были служащие Березниковских солеваренного и содового заводов А.И. Мельников, А.И. Калюш и др. [Уральский торгово-промышленный адрес-календарь 1911: 427]. Подобные общества работали в г. Соликамске («Соликамское общество охоты...»), г. Чердыни и других городах и селениях. Адрес-календарь Пермской губернии за 1913 г. фиксирует 8 таких общественных организаций [Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии 1914: 319].

Первые общества охотников и рыболовов носили общественный характер. Статус государственной организации они приобрели в 20-е годы XX в., когда партийные руководители Верхне-Камского округа¹, озабоченные вопросами снабжения населения продуктами питания, создают государственные охотоведческие и рыболовецкие союзы и артели. В 1928 г. в округе было создано 59 артелей охотников объединяющих 2756 членов Кизеловской, Чердынской, Усольско-Лёнвинской и др. волостей [Верхне-Камский округ 1928: 24]. Индустриализация района, строительство промышленных объектов Березниковского химического комбината и Соликамского калийного завода, увеличение численности населения округа в связи со строительством города Березники ставили перед ними ответственную задачу — «организовать рыболовство и охоту так, чтобы уже в 1933 г. дать рабочим большое количество мяса и рыбы» [Ударник 15.11.1933]. «Управление рабочего снабжения» Березниковского химкомбината получило для эксплуатации 25 озёр, на которых постоянно работали 4 артели (п. Орёл, Пешково, Тамань, Дедюхино). В 1930 г. из рек и озёр ими выловлено 19, в 1931г. — 46, в 1932 г. — 25 тонн рыбы [Ударник. 30.03.1933; Экономико-статистический справочник за 1935-1936 гг. Л.83.]. По договору с кооперацией и «Заготпушниной» охотники, промышлявшие в приуральской тайге северной части района, добывали белку (60-95 тыс. шкурок в год), зайца (6-10 тыс.), куницу (до 200 шт.), лису (30-50 шт.). Пушной зверь, пользовавшийся большим спросом на мировом рынке, приносил государству немалые доходы. «Свердловская область² должна в этом году заготовить миллион крысиных и хомяковых шкурок

1 Верхне-Камский округ образовался в 1923 г. и включал территории современных Усольского, Соликамского, Кизеловского, Чердынского и др. районов.

2 Березниковский район до 1938 г. входил в состав Свердловской области (часть бывшего Верхне-Камского округа).

и 1 миллион кротовых. На них мы можем получить из-за границы много нужных для нашего социалистического строительства машин и станков» — писала местная газета «Ударник» 23 апреля 1934 г. [Ударник 23.04.1934].

Общества охотников и заготовителей интенсивно работали в годы Великой Отечественной войны. Выполняя продовольственную программу, они решали вопросы по охране охотничьих угодий и подкормки диких животных, проводили мероприятия, связанные с вовлечением населения в деятельность по увеличению запасов охотничье-промысловой фауны.

В наши дни задачи охраны леса и его обитателей становятся первостепенными. Выбросы вредных веществ химических производств, активные антиклещевые мероприятия по обработке лесов, агрохимизация сельскохозяйственных земель, бесконтрольная вырубка лесов и незаконный отлов зверя в 50-90-х гг. XX в. нанесли значительный урон местной флоре и фауне, повлияли на исчезновение целых видов растений, животных и птиц. Чтобы противодействовать этому, уже в начале 60-х годов XX в. в Пермской области была введена лицензионная охота на медведя, полностью запрещена охота на лося. С нач. 2000-х ведётся жёсткая борьба с браконьерством. 3 октября 2013 г. Правительство Пермского края утвердило Постановление о государственной программе по «Воспроизводству и использованию природных ресурсов» [Программа «Воспроизводство...»]. Предполагается, что мероприятия программы, вступившей в силу 1 января 2014 г., будут способствовать охране и восстановлению водных объектов, воспроизводству и устойчивому использованию охотничьих и лесных ресурсов, повышению эффективности федерального государственного охотничьего надзора, сокращению потерь лесного хозяйства от пожаров, болезней и незаконных вырубок леса, повышению его продуктивности и качества, сохранению и росту численности основных видов охотничьих ресурсов.

Литература и источники

- Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1914 г. Пермь, 1914.
Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1892 г. Пермь, 1895.
БИХМ (БКМ) КП- 608. Историческое описание г. Соликамска. 1830 г. Л. 72-74.
Верхне-Камский округ. Усолье, 1928.
ГАПК. Ф. 176. О. 1. Д. 83. Л. 46, 47.
ГАПК. Ф. 292. О. 1. Д. 3. Л. 1-6.
ГАПК. Ф. 672. О. 1. Д. 79. Л. 1-4, 55, 58, 78, 97, 105, 237.
Календарь Пермской губернии на 1883 г. Пермь, 1883.
Материалы к оценке земель Пермской губернии. Пермское Предуралье. Пермь, 1905. Вып. 4.
Пермские губернские ведомости. Пермь, 1896. №228.
Пермские губернские ведомости. Пермь, 1899. №104.
Попов Н.С. Историко-географическое описание Пермской губернии, сочинённое для атласа Пермской губернии 1800 г. Пермь: Типография губернского правления. 1801. 220 с.
Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии, сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного Экономического Общества, сочинённое в 1802 и 1803 годах в г. Перми. Ч. 2. Пермь: Типография губернского правления. 1804. 400 с.
Программа «Воспроизводство и использование природных ресурсов». URL: <http://www.perm.ru/files/gosprogramma.pdf> (дата обращения: 20.10.2014).
РГАДА. Ф. 1263. О. 10. д. 1056. Л. 1, 2, 5.
Словцов И. Пыскорский Преображенский ставропигиальный 2-го класса монастырь. Пермские епархиальные ведомости. Пермь, 1867. №32.
Ударник. 15.11.1933.
Ударник. 30.03.1933;
БИХМ. Ф. 173. О. 3. КП-5016/7. Экономико-статистический справочник (паспорт г. Березники) за 1935-1936 гг. Л. 83.
Уральский торгово-промышленный адрес-календарь на 1911 г.
Пермская летопись. Шишонко В.Н. П. 5, ч. 2. с 1695-1701 гг. Пермь: Типография губернской земской управы, 1887.
Пермская летопись. Шишонко В.Н. П. 5, ч. 3. с 1682-1725 гг. Пермь: Типография губернской земской управы, 1889.

Звукоподражательная лексика в речи охотников (по данным «Охотничьего словаря Прикамья»¹)

Слуховое восприятие в деятельности охотников играет чрезвычайно высокую роль, что находит прямое отражение в промысловой речи. Чуткий слух, способность точно распознавать звуки окружающей среды являются залогом успешной охоты. Охотники, выслеживая или преследуя зверя или дичь, вступают в особую коммуникацию с окружающим миром, с природной средой. Высокая роль, отведенная звучанию и способности услышать, отражается на «охотничьем» лексиконе. Так, в охотничьей речи используется слово «отслушать», одно из значений которого 'не услышать голоса собаки из-за расстояния или шума ветра' (*Отслушаешь собаку, можешь потерять, её зверь уводит*). Демонстрирует значимость звуковых сигналов для поведения на охоте термин «подслух», который используется для обозначения процесса предварительного, разведывательного слушания: *Косачи токуют на открытых местах. а глухарь, он же среди леса токует. У него тока такие, что если ты летом не знаешь, что тут ток, так ты не поймёшь ничего. Обычно узнают, специально ходят на подслух.*

Будучи информативными, звуки, служащие ориентации охотника во время промысла, фиксируются в речи в виде ономатопопов (первообразных звукоподражаний и звукоподражательной лексики). Именно поэтому посредством анализа ономатопопов можно определить, что именно и как именно слышит охотник. Так, если обычный человек слышит лишь, что медведь «рычит», то охотник через звукоподражания передаёт разные звуковые нюансы его поведения: *Вдруг слышу: рох-х. Поглядел — медведь! В кустах-то тожо чё-то: рох-рох.*

Особое место в аудиальной палитре занимает звуковое поведение лесных птиц, в первую очередь, голосовое: *Интереснее всего глухарь токует. Я даже брал сына малого на подслух, жену один раз. Это очень же интересно.* Голос глухаря представлен самым разными звукоподражаниями, в том числе первообразными: *Глухарь — он как скрипит: крыш-крыш; Глухарь так керкает — кхр-кр; Собака на его лает, а он ее дразнит — кечкат, кеч-кеч-кеч; Глухарь сначала ишелкат, потом кышкат — вот как коробок спичек, киш-киш-ки.* Глухариную песню в целом характеризуют такие ономатопопы, как «крешкать», «ургать»: *Глухарь-от крешкать начинает, накликает, что ли; Глухари ишо токо ургать зачали, он уж стрелил и спугнул их* [СПГ: 479]. Слуху становятся доступны мельчайшие детали звукового поведения глухаря, даже щелчки клюва — «чумкать», «штóмкать»: *Глухарь чумкает, ну, одним словом, щёлкает клювом* [СПГ: 535]; *Бывает слышно, как глухарь штóмкает где-нибудь на опушке* [СПГ: 561].

На основе анализа зафиксированных ономатопопов можно выделить такие значимые звуковые доминанты глухариной песни, как (1) щелкающий звук «токать», «тюкать», «кеч-кеч-кеч»: *Первая песня у глухаря — тэк! тэк! Как токает*; (2) глухой скрежещущий звук «скиркать», «скрежить» и (3) шум, шуршащий звук «кш-кш-кш», «кышкать». Голос самца отличается от голоса самки: *Глухарки... коткают, но уже немножко звук другой — кэт-кэт.* Так, слух охотника улавливает различные нюансы голосового поведения птицы. Для сравнения приведем несколько орнитологических описаний голоса глухаря: «Во время тока самцы издают звуки, напоминающие щелканье и точение ножа на камне. Самки квохчут» [Бёме, Кузнецов 1981: 22]; «Слышать голос глухаря можно только на току, в остальное время

1 В статье использованы материалы подготовленного к изданию «Охотничьего словаря Прикамья» (авторы — Белавин А.М., Подюков И.А., Свалова Е.Н., Черных А.В., Хоробрых С.В., Пермь, 2014).

птицы чрезвычайно молчаливы. Токовая песня короткая, всего несколько секунд, ее можно условно подразделить на две части. Первая часть «щелканье»: сухие двойные щелчки, которые сначала следуют с некоторым интервалом, затем все быстрее и быстрее и сливаются в сплошную щелкающую трель. Всё «щелканье» слышится примерно как «тк...тк...тк-тк-тк-тк-тк-тк-тк-тк-тк-тк-тк-тк-тк-тк-тк-тк-тк-тк» и без всякой паузы переходит во вторую фазу песни, которую называют «скрежетанием», «точением» или «скирканьем», и передать это буквами невозможно, длится эта фаза 3 секунды... Вся песня звучит несколько странно и имеет какой-то «механический» характер... Потрясенный собакой глухарь издает особый скрипучий звук... Глухарка в подобной ситуации низко квохчет: «ок... ок...» [Рябицев 2001: 155]; «Песня глухаря состоит из своеобразного щелканья, звучащего как глухое «ка-ду... ка-ду...», сливающегося затем в короткую трель, и последующего скрежещающего звука «скжищи-скжищи-скжищи» («точение»), во время которого птица совершенно не слышит» [Флинт, Бёме, Костин, Кузнецов 1968: 177].

Описание охотниками глухариной песни почти не уступает по точности характеристике орнитологов. Более того, охотники распознают как отдельную часть песни издаваемый птицей шум, шуршащий звук («кш-кш-кш»), который не отмечается в описаниях орнитологов. Охотник не менее, а иногда и более чутко различает нюансы голоса птицы. Такая чуткость прагматически обусловлена, ведь от способности улавливать различия в характере песни птицы нередко зависит успех охоты. Так, нюансы голосового поведения глухаря становятся информативными: *Молодые глухарки отличаются тем, что у них нет скрежета, только щелканье. Поэтому они все время как щелкают, хорошо слышат.*

Не менее точно охотник распознает и голос тетерева. «Весной самцы на току издают булькающие или как бы бормочущие звуки, имеющие слегка меланхолический оттенок...» [Рябицев 2001: 155]. Выделяется несколько характерных звуков голоса тетерева:

(1) «бормотанье», звуки, «напоминающие воркование голубя» [Бёме, Кузнецов 1981: 34], «...можно различить в нем повторение одной и той же глуховатой фразы: «карру-кукарру-карррррр» [Рябицев 2001: 152];

(2) громкий резкий звук — «трубнить», «тюргать»: *Косач играет когда — трубнит, далеко слышно; Вечером тоже тетерева прилетают на ток, тюргают. Но тетерок уже нет. При этом голоса самцов отличаются от голосов самок: Тетерки идут на ток пешком или летят. Идут и коткают — кот-кот-кот;* «время от времени бормотание прерывается звонкими выкриками «ку-каррр» и экспрессивными шипящими звуками, которые принято весьма точно изображать как «чуффышшш»...» [Рябицев 2001: 152];

(3) глухой хриплый звук — «пышкать», «чуфыкать», «чуфышкать»: *Сначала тетерев чуфышкает, потом идет бормотание,* — «своеобразный звук «чуффши» [Флинт, Бёме, Костин, Кузнецов 1968: 174];

«Голос самки — квохчащее мелодичное «кок, кок...» [Рябицев 2001: 153]: *Тетерки идут на ток пешком или летят. Идут и коткают — кот-кот-кот.*

Так охотник улавливает разницу между голосами тетерок и тетеревов, а также между различными этапами пения тетерева.

Помимо ономатопов, изображающих голоса глухаря и тетерева, в речи охотника встречается множество звукоподражаний, имитирующих голоса уток. Важным оказывается специфический голос птицы в период спаривания. По данному критерию имитируемые голоса можно разделить на обычный, нормальный — «кречкать»: *Утки летают и крещкают*, — и призывный крик селезня «шарпать», «швяк», «швякание»: *Утка зовёт покрякивает, а селезень отвечает — сипло так шипит, шарпает; У селезня крик сипловатое такое шипение, с обрывом — ш-швяк, ш-швяк, швяканье.* Кроме того, голос утки изображается в ряде ономатопоэтических номинаций типа:

(1) «крикунок», «крикуша» [Фасмер II: 376-377], «крякаш», «крякуша», «кряковая утка» [Преображенский I: 400-401] — утка кряква, «голос самки — общеизвестное кряканье, как у домашней утки. У самца вместо кряканья — приглушенный бархатистый звук «шааак» или «шваарк» [Рябицев 2001: 62]: *Есть у нас, только больше бывает чернять, крикуша, дальше чирочки.*

(2) «чурок», «чир» (преобразованное «чирок», связывается с «чирикать», см. [Фасмер IV: 366]): *Много уток: чурки, селезни, гагара, черни. Чурки — они маленькие уточки, по берегам реки живут.*

(3) «свистунок» [Преображенский III: 261] — чирок-свистунок: «...чистые свистовые звуки, обычно повторяемые несколько раз подряд, «трик, трик...» [Рябицев 2001: 69].

Названия птиц вообще часто имеют звукоподражательное происхождение: «кулик» [Фасмер I: 410-411], «сокера» (вероятно, от «сокотать» 'болтать (по-сорочьи), гоготать', [Фасмер III: 709], «хлёт» (от «клет», которое связывается с «клеск», [Фасмер I: 218]). Это обусловлено тем, что именно голос становится главным различительным признаком птицы, ее вида, ее поведения, ее состояния.

Наряду с голосами птиц, важную роль играют и изображения звуков животных: *Медведь только свистит и керскает, как сорока. Так, слуху охотника доступны нюансы их звукового поведения во время брачных игр, при кормлении: Зайчики тоже бобочут: бо-бо-бо, по веснам да чё. Она вон как бобочут. Он весной бобкатся, когда бегат за зайчихой; Сохатой-от..., токо щелкоток идёт, бьёт копытом деревину [СПГ: 565]; Он сначала на четвереньках так ходит, пробует, потом ему где-то понравилось, он набок присаживается и вот так раз хррхрхр — брусничит. и овес тоже аж слышно, как лыщет — шьуич-шьуич-шьуич... (о медведе). Использование таких звукоизображений в охотничьих рассказах делает описание красочным, достоверным.*

Важную роль в процессе охоты играет звуковая коммуникация охотника с собакой: *Скажешь собаке — ту-ту-ту, и она вперед. Термин «отслушать» характеризует особое внимание охотника к собаке, способность по лаю определить, что она нашла зверя, какого зверя она гонит: Отслушаешь собаку, поймешь, что она зверя задержала; Собака гонится по нюху. Зверь не боится ее. А догоняет, начинает греть, цели добилась, дает знать хозяину. На белку гонится — одним лаем, на птицу — иначе лаем, на медведя лаем как на человека. Для обозначения разных способов голосового поведения собак в речи охотников функционируют онома топы «вывывать», «туткать»: В зависимости от зверя собака вывывает по-разному. Белку так тявкает, на лося, когда стоит, грубо лаем, когда он побежал, она взвизгивает; на белку собака не туткат, она сразу лаем. А медведя найдёт — завоет, затуткат, а потом залаем. Различение нюансов лая собаки также становится необходимым условием успешной охоты,*

Помимо звуков птиц и животных, в речь охотника эксплицируются звучания различных приспособлений, которые также являются неотъемлемой частью процесса охоты: (1) выстрел — «голк» [Преображенский I: 139], «стукнуть», «жагать»: *Иду и чую, что сзади меня где-то вдали, видно из оружия, понесся голк, а немного погодя передо мной воткнул подстреленный глухарь;* (2) звук манка — «пикюлька», «пис», «писк», «писка», «пискать» [Преображенский II: 62]: *Рябчики на пикюльки ловятся; Делают свисток, пис называется — свистит как рябчик же. Из глухариного пера делают. Палочку приделывают, вырезают чуть-чуть дырочку. Палочку к дырочке поставят; У отца такой писк был, он посвистит, и тетёрки прямо сами летят на писк-от. а он токо бух-бух — убиват.*

Таким образом, охотник в лесу предельно настроен на «слушание» и дифференциацию звуков природы. Звуковое поведение самого охотника минимализировано, в лесу он выступает как источник ограниченного количества звуков. Они прежде всего обеспечивают речевую коммуникацию с собакой. В рассказах об охоте фиксируется большое количество звуковых

обозначений выстрелов, подражаний голосам обитателей леса. В то же время аудиальное восприятие охотника, обусловленное спецификой его деятельности, характеризуется стремлением к детализации и нюансировке, к максимальной точности фиксации в речи звука птицы или животного. От чуткости слухового восприятия охотника зависит успех охоты.

Список литературы и источников

Бёме, Р.Л., Кузнецов, А.А. Птицы лесов и гор СССР: Полевой определитель. Пособие для учителей / Р. Л. Бёме, А. А. Кузнецов. М.: «Просвещение», 1981. 223 с.

Преображенский, А. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. / А. Преображенский. 1910-1914.

Рябицев, В.К. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: Справочник-определитель / В. К. Рябицев. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 608 с.

СПГ — Словарь пермских говоров: т. 2 / Г. В. Бажутина и др.; отв. ред. А. Н. Борисова, К. Н. Прокошева. Пермь: «Книжный мир», 2002. 576 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х тт. / М. Фасмер. М.: Прогресс, 1986-1987.

Флинт, В.Е., Бёме, Р.Л., Костин, Ю.В., Кузнецов, А.А. Птицы СССР / В. Е. Флинт и др.; под ред. Г. П. Деметьева. М.: «Мысль», 1967. 637 с.

**В.В. Головин,
Санкт-Петербург**

«Охотники на привале» Василия Перова: историко-культурный очерк-комментарий

Эта хрестоматийная картина известна всем. Она смотрит на нас с настенных ковриков и школьных репродукций, коробков спичек и портсигаров, чеканок и подстаканников, фляжек и подносов. Есть пазлы и прочие «привальные» сувениры. Кажется, все знают ее до мельчайших подробностей. И каждый может сказать, мол, выпили три охотника и сидят балагурят. Но разве только это? Можно присмотреться и начать задавать себе вопросы: почему у одного из них дымится рука? Какая порода собаки? Что за пояс у охотника слева?

Каждая деталь картины есть реплика. Реплика нам. И если разобраться в этих репликах, то восприятие картины станет значительно острее и точнее.

Ответим на первый ряд вопросов: кто, где, когда? Кто охотился? Есть версия, что Василий Перов изобразил на картине своих знакомых Д.П. Кувшинникова (рассказчик), В.В. Бессонова (лежащий) и Н.М. Нагорнова (слушатель). Это утверждение дочери Н.М. Нагорнова Анны Николаевны Володичевой звучит так: «Кувшинников Д.П. был одним из ближайших друзей моего отца. Они часто ездили на охоту по птице. У отца была собака, и поэтому собирались у нас: Дмитрий Павлович, Николай Михайлович и доктор Бессонов В.В. Они изображены Перовым («Охотники на привале»). Кувшинников Д.П. рассказывает, отец и Бессонов слушают. Отец — внимательно, а Бессонов — с недоверием...». Но отметим, что это письмо искусствоведу В. Маштафарову датируется 1962 годом, то есть прошел почти век после написания картины. И опубликовано оно только однажды — в альманахе «Охотничьи просторы» за 1963 год [Маштафаров 1963]. Не смахивает ли это на семейную легенду? Поиск прототипов — дело неблагодарное и далеко не всегда научное, зато популярное. Прототипа даже деду Мазаю нашли, а сколько их у Татьяны Лариной? Но если нет свидетельства автора, упоминаний в современных картине мемуарах или хотя бы бесспорного сходства — утверждать нельзя. Тем более, когда имеем дело с артефактом. Но поскольку у нас есть портрет В.В. Бессонова кисти В. Перова, покажем эту гипотетическую пару:

Перов В.Г.
Бессонов В.Г.
1869. ГТГ.

У нас есть фотография Д.П. Кувшинникова — предполагают, что он еще и прототип врача в чеховском рассказе «Попрыгунья»), и сравним и другую пару:

Кувшинников
Дмитрий Павлович

Другая расхожая версия: охотник-балагур — это Н.А. Некрасов. Немного похож, но брови разные.

Авторы комментариев к артефактам должны соблюдать одно важное правило. Если предположение не подтверждено прямыми или группой косвенных аргументов — утверждать нельзя, даже если очень хочется. А так можно до многого договориться: если правый

охотник — Н.А. Некрасов, то почему левый — не В.Г. Белинский? Он действительно чем-то похож на критика. Так что на картине — просто охотники.

Следующий вопрос — где охотятся? Ответить на этот вопрос могут помочь нюансы пейзажа, ареалы добытой дичи, локальные признаки одежды и порода собаки — по типу охоты с ней, связанной с особым пространством. И мы имеем право говорить только то, что отчетливо видим. Без притягивания. Охотничья практика самого Перова нам не поможет — он видел охотников в Самарской губернии, охотился в Нижегородской, где служил и управлял имениями его отец, очень любил подмосковную охоту. Пейзаж на данном полотне тоже не показатель. Охотники сидят на холме или на высоком острове (лесное объемистое место, где водится дичь), на заднем плане скорее болото с участками снега или воды. Виден низкий туман. Таких мест в России хоть отбавляй. Начнем сужать пространство. Отметим Сибирь (на голове охотника, который в центре, особый головной убор — грешневик или гречник, а его в Сибири не носили; чаще его носили архангелогородцы и олончане (см.: [Дмитровская 1902]). Д.К.Зеленин в своем блестящем труде «Восточнославянская этнография» называет его северорусским головным убором [Зеленин 1991: 254]. Вот как такая шляпа выглядела «вживую»:

Но, судя по дореволюционным фотографиям, да и по картине И. Е. Репина «Бурлаки на Волге» (бурлак с трубкой), шапка-грешневик была распространена значительно шире. Армяк, в который одет носитель грешневика, также был распространен по всей России.

Посмотрим по ареалам добытой дичи и летающих птиц. Чтобы не останавливаться специально, отметим, что добыты тетерев, тетерка и заяц. А летают только вороны, никаких

вальдшнепов, куропаток, фазанов и уток, как утверждают некоторые искусствоведы, здесь и в помине нет.

Вороны нам не помогут, а тетерев (*Lyrurus tetrix*) южнее севера Курской, Воронежской и Саратовских губерний не водится. Южная граница действия на картине Перова ясна. Добыт заяц-русак (*Lepus europaeus*), а не заяц-беляк. Русак значительно крупнее беляка и добыт именно он, поскольку лежащая на нем тетерка занимает лишь треть спины. Определяется русак и по окрасу. Кончики и оторочка ушей, полоса на хребте не меняют своего темного цвета при линьке. И это видно на картине. У зайца-русака более южный, чем у беляка ареал обитания. Севернее Ладоги, Онеги он не скачет. На юге — до Прикаспия и Закавказья. Северная граница ясна. Более того, цвет русака на картине можно определить как глинисто-буро-серый — а это свидетельство о его более южном обитании, «северный» русак значительно бледнее. Сопоставляя ареалы добытой дичи, учитывая окрас добытого зайца и пейзажные характеристики, скорее всего следует предположить, что это средняя полоса России. Слишком большая территория, но точнее не скажешь.

Когда происходит событие? Есть островки снега, нет никакой зеленой растительности, все голое. Боровая дичь вылиняла (самка и самец тетерева четко отличаются), заяц линяет. Ради истины рассуждения можно допустить весну, хотя конечно, это очень поздняя осень: весной охотиться на самок тетеревов с собаками было категорически запрещено законом. Весной бьют только тетеревов-самцов на токах. Как на картине графа В.Л. Муравьева (см. ниже).

Осенняя охота на болотную, боровую и полевую дичь и зайца начиналась с Петрова дня (29 июня ст.ст./ 12 июля н.ст.); отсюда и поговорка «Дождется кулик Петрова дня». Закрывалась первого марта. Это правило существовало в империи с 1744 (!) до 1892 года. Добавим, что с Петрова дня били только бекасов и дупелей, а по «обычному праву» (народным юридическим обычаям), то есть законам, которые устанавливает само общество и которые не регламентировались императором и государством, на тетеревов начинали охотиться только с Рождества Богородицы, то есть с 8 сентября. А на зайца начинали охотиться еще

позже, с Семенова дня (1/14 сентября). Вспомним «Войну и мир»: «Старый граф, всегда державший огромную охоту, теперь же передавший всю охоту в ведение сына, в этот день, 15-го сентября, развеселившись, собрался сам тоже выехать». А музыкальная картинка из цикла «Времена года» Петра Чайковского так и называется «Сентябрь. Охота», включает призывные звуки охотничьих рогов и предпослана эпитафией из «Графа Нулина»:

*«Пора, пора! рога трубят;
Псарь в охотничьих уборах
Чем свет уж на конях сидят,
Борзые прыгают на сворах».*

Были, конечно, и браконьеры — вспомним экологический памфлет дедушки Мазаля. Но благородные охотники, а таких на картине, по крайней мере, двое, этим не занимались...

Добавим ещё один, возможно, бесспорный аргумент в сторону поздней осени. Заяц-русак очевидно линяет. Дольше всего летний мех при осенней линьке зайца-русака остается на спине и на голове, и мы это видим: брюхо и круп уже вылиняли в белый зимний цвет. Начинает линять русак в сентябре, заканчивает в ноябре, а если тепло — то и в декабре. Итак, сделаем следующий вывод: собрались охотники очень поздней осенью где-то в средней полосе, добыли тетеревов и русака, выпили и балагурят под галдеж ворон.

Теперь ответим на вопросы действия, и для этого надо разбирать серьезные проблемы (порода собаки и тип охоты, характеры персонажей, ружья и амуниция) и останавливаться на мельчайших подробностях (поведение ворон, «дырки и блеск» головных уборов). Для удобства обозначим охотников «никами»: рассказчик (слева), простолюдин (лежащий в центре), слушатель (справа).

Как и на кого охотились охотники? Все было бы просто, если бы не собака и сочетание зайцев и тетеревов. А так не понять — это псовая (охота с борзой) или ружейная охота по перу. Из-за того, что порода собаки не очевидна, мы вынуждены допустить, что возможны три варианта:

1. Это борзая собака, и она добыла зайца, а тетерева подвернулись случайно, как это называется у охотников, «по ходу»;

2. Это легавая собака (сеттер), а зайца добыли по ходу;

3. Встретились две компании охотников (пара и один), один борзятник, другие ружейные. Один (одни) добыли зайца, другие (другой) — боровую дичь, выпили и балагурят.

Разберемся с собакой, которая что-то вынюхивает или пожирает в пожухлой траве. Перов представил нам ее крайне непонятно, очевиден только круп и прут, в смысле, зад и хвост. *Щипца* (морды), который бы все разрешил, не видно. На первый взгляд — это борзая, но если изучить историю английских легавых — особый английский сеттер XIX века, которые уже не встречаются. Два рисунка для сравнения (масть пускай не смущает, бывают и абсолютно белые).

За борзую и псовую охоту говорят следующие доводы: 1. Экстерьер собаки, особенно уши и высокие ноги. 2. Добыт заяц-русак, а из-под легавой (сеттера) добывать зайца — *mauvais top*. 3. Охотник рассказчик одет в темный свободный двубортный кафтан до колен, который очень похож на костюм борзятника и рядом лежит черная барашковая шапка, которую также любили поклонники псовой охоты. 4. На груди рассказчика — бинокль, необходимый для выслеживания зверя. Ружейные охотники его используют реже. 5. Присутствует рожок. Звуковые сигналы — неременный атрибут псовой охоты. 6. У предполагаемого охотника-борзятника-рассказчика нет портупей с пороховницей. Хотя это очень слабый аргумент, ружье-то у него есть. Три аргумента сильных, два — так себе, один — совсем слабый.

В пользу сеттера и ружейной охоты говорят следующие аргументы:

1. Экстерьер точно подходит к забытой, но популярной во время написания картины легавой собаки — особого английского сеттера. Об этой породе пишет самый авторитетный специалист по охотничьим собакам Леонид Павлович Сабанеев [Сабанеев 1896]. Жирным шрифтом мы будем отмечать все, что точно подходит к изображенной на картине Перова собаке. Л.Сабанеев отмечает, что в 60 гг. XIX в. в Москве и в Петербурге чаще всего действительно встречались прежние английские сеттеры, среди которых были **белые черноглазые**, также он говорит, что его коллеги видели объявление о продаже **совершенно белого сеттера с черными глазами**. Описывая их экстерьер, он отмечает **оттопыренные уши, что плечи очень пологие, т. е. косые**. Подтверждает мнение Эдуарда Лаверака (известнейшего заводчика, как говорят, «отца» английских сеттеров), что, если у этих собак **более согнуты коленки**, тем лучше, так как получается более сильный и пружинистый рычаг, что лучше **хвост опущенный книзу**, чем приподнятый. Говорит, что **«хорошие сеттера несут хвост очень низко — волочат его и что хвост у них часто бывает очень длинен»**, **«шерсть, начиная от затылка, слегка волнистая, длинная и шелковистая, как и на всем туловище. Уборная псовина на передних ногах до лап и на гачах должна быть довольно густая»**.

Все подходит, нелишне вспомнить, как мучился герой повести Г. Троепольского «Белый Бим, Чёрное ухо», изучая экстерьерные прототипы своего сеттера до ветхозаветных времен.

2. Добыты тетерева, с борзой на них не охотятся.

3. Два ружья лежат, одно в кустах. Все при ружьях, а при охоте с борзой ружья не требуются! Борзая работает не чутьем, а «взрячую», увидев зверя, догоняет и «берёт» его. А легавая ищет, причуивает дичь, становится в неподвижную стойку, к ней подходит охотник, командует «пиль!» — собака бросается в сторону дичи, она взлетает, и охотник «бьёт» по ней.

4. На картине полно атрибутов ружейной охоты, при которой нужен сеттер, а не борзая. На траве лежат два одинаковых ружья. О ружьях и всей охотничьей амуниции мы скажем позже и подробнее, но сейчас отметим, что это были очень удобные короткобойные ружья, выстрел из которых давал достаточно высокую площадь поражения цели (осыпь дроби) на дистанцию до 30 м. Превосходные стволы для стрельбы по птице, когда её поднимает собака, а не по зайцу, стрельба по которому часто требовала более дальнего и резкого выстрела. Есть ягдташ с сеткой у охотника-слушателя. Сетка нужна только для мелкой дичи — бекасов, дупелей, которых также бьют из-под легавой собаки. Зайца в сетку не затолкнешь, его носили на специальном ремешке через плечо или «вторачивали» (прикрепляли) к седлу.

5. На картине нет ни одного (!) обязательного атрибута псовой охоты (есть только бинокль, который может пригодиться для высматривания зайца, но атрибутом псовой охоты его не назовешь). Нет лошади, нет арапника — длинного охотничьего кнута на коротком кнутовище с свинцовым набалдашником (*убойкой*), который применялся для *порсканья* зайцев (подбадривание борзых свистом кнута), а убойка служила для добывания пойманного зверя. Нет *сворки* — особого шнура для собаки. И самое главное — ни у кого нет ножа или кинжала борзятника, длинного, обоюдоострого. Носился такой нож на поясе с левой стороны, обязательно в ножнах. Без него псовый охотник не выйдет, иначе можно зверя не добрать. Редкая борзая апортирует. Охотнику, что, бегать вокруг, когда борзая приняла зверя и пытаться долбить по нему из ружья, рискуя ранить или не дай Бог, убить собаку? А если по красному приняла (лисицу) — как с ней без ножа? Покусает. О волке молчим. С одной борзой на него не пойдешь. Взяв даже зайца, охотник должен был поощрить борзую собаку частью передней лапы зайца (пазанком). Это обязательно. Недаром Н.А. Некрасов фиксирует это в своей «Псовой охоте» (1846):

Зверь отседает — и в смертной тоске

Плачет помещик, припавший к луке.

Зверя поймали — он дико кричит,

Мигом отпазончил, сам торочит...

Отрезать можно только ножом. А угощать легавую наоборот — не дай Бог. Охотники жутко боялись, если легавая собака попробует зайца, поскольку после этого, почуяв зайца, она бросала искать дичь и гонялась за косым. Собака окончательно портилась (догнать она его, конечно, не могла — легавая не борзая).

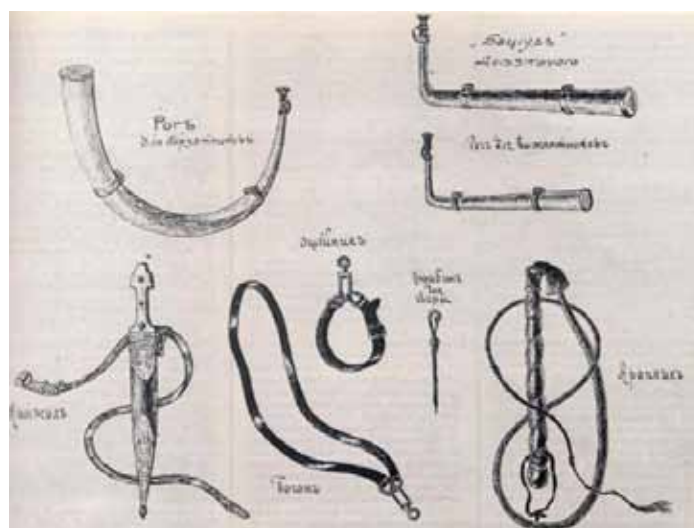
На всех старых фотографиях псовой охоты такой нож присутствует! Вот фотографии лучшей и последней в России Першинской охоты (Тульская губ.).

И на всех картинах лучшего живописца псовой охоты Н.Е. Сверчкова.

Без ножа борзятника не было бы ритуала, а без них псовая охота — не охота. По образцовой книге Губина [Губин 1891] охотник должен был соскочить с лошади, принять зайца от собак, *отколоть* его (воткнуть нож в грудь между плечами на 1½-2 вершка в глубину в вертикальном направлении), *отпазанить* (отрезать пазанок — В.Г.) и *второчить* (прикрепить — В.Г.) в заднее *тороко* (ремешки позади седла — В.Г.) к седлу за задние ноги... Ниже изображено должное снаряжение охотника-борзятника. На картине Перова нет ни одного такого предмета.

И вообще, вокруг борзой находятся другие атрибуты (смотри рисунок из третьего номера журнала «Охота и охотничье хозяйство» за 1998 год).

Тут не ягдташ, а седло, и зайцы второчены, и передняя лапа зайца без пазанка...

6. Раны зайца. Передние *пазанки* (часть лапы от когтей до голенного сустава) зайца целы. Ритуал борзятника не соблюден. След крови виден только у морды, что типично после ружейного выстрела.

7. Даже на зайца одну борзую собаку не берут, брали хотя бы пару собак или *сворку* — две пары борзых на шнуре, а на картине одна. Заяц лихо бегаёт, делает всякие выкрутасы, даже сальто, резко поворачивает. Охотники именовались *односворными*: две-три собаки, лошадь, один охотник, без обслуги; *мелкотравчатыми*: две-три своры борзых, две-четыре лошади, до трех человек обслуги, чаще один; владельцами «комплектной охоты»: 5-12 свор борзых (20-36 собак), стаи гончих (18-40 собак) и целый штат обслуги (*тенетчики, борзятники, выжлятники, заездной, доезжачий, ловчий, стремянной*), обоз для «отъезжих полей», верховых и упряжных лошадей. Представляем односворного от А.С. Степанова, мелкотравчатого от Н.Д. Кузнецова и комплектную охоту от А.Д. Кившенко.

Дубровский был односворным барином («Его состояние позволяло ему держать только двух гончих и одну свору борзых»), Троекуров — владельцем комплектной охоты. Термин «одноборзый» или «однопсовый» в русском литературном языке и русском охотничьем диалекте не присутствует. Более того, кто-то должен выгнать зайца на борзую собаку. На картине нет гончих собак, которые этим и занимались (см. как у Дубровского) и нет, на худой конец, мальчишек с трещотками, как в пушкинской «Барышне-крестьянке»: «В одно ясное, холодное утро (из тех, какими богата наша русская осень) Иван Петрович Берестов выехал прогуляться верхом, на всякой случай взяв с собою пары три борзых, стремянного и несколько дворовых мальчишек с трещотками» [Головин 2011].

Есть и другие, хоть и не такие значимые, аргументы в сторону ружейной охоты с сеттером.

8. На costume охотника-рассказчика, которого можно принять за борзятника, нет стоячего воротника, а он у псового охотника именно такой — см. картины и фотографию першинской охоты выше. На это указывает и вышеупомянутое руководство П. Губина: «... кафтаны должны быть сшиты по талии, двубортные, на крючках, со стоячим воротником». Барашковую шапку любили и ружейные охотники. Ее брал на ружейную охоту сам В. Перов, приводим фрагмент его карандашного автопортрета «На тяге» (т.е. ружейная охота). В руках у него такая же барашковая шапка.

То же на фрагментах портретов и фотографий последних государей на ружейных охотах, где они все в барашковых шапках.

9. Охотники-борзятники не носили таких длинных сапог, как у перовского охотника. Болотные сапоги носили только доезжачие, следившие и управлявшие гончими собаками.

На картине гончих собак нет. За зайцами борзая гонится по «отъезжим полям», а не по рекам и болотам. Для охоты по перу, как раз нужны удлиненные кожаные сапоги (тогда резиновых не было). Бекас и дупель не зря именуются «болотной дичью», да и тетерев там сидеть не прочь.

10. На картине присутствует рожок валторновой формы. Но при охоте с борзыми обычно применялся не рожок, а рог, и не «валторновый», как на картине, а рог «полумесяцем». У борзятников (приставленных к борзым) — круглый, у выжлятников (приставленных к гончим) — прямой:

Соколов П.П.
Охота на волка. 1873. ГТГ.

Это связано с особыми звуками сигналов и их силой. Лучшие и самые точные живописцы псовой охоты Н.Е. Сверчков и П.П. Соколов писали только такие рога. Более того, наш рожок лежит на ягдташе (чистый аргумент в пользу охоты по перу), что указывает на его принадлежность не предполагаемому борзятнику-рассказчику, а охотнику-слушателю. А он однозначно ружейный (по ягдташу, пороховнице и т.п.). Валторновый рожок у ружейного охотника на картине В. Перова вполне мог служить для «отзыва» собаки и обозначения места охотника. Такой рожок всегда носили охотники-гончатники и нередко ружейные охотники с собаками.

Сверчков Н.Е.
Охотник, застигнутый выюгой. 1872.
Тулский областной художественный музей.

11. Добытая дичь свалена в одну кучу, никакой раскладки зайца и тетеревов отдельно нет, что точно свидетельствует, что добыта она одной компанией или одним охотником. Значит, перед нами один тип охоты. С борзой (псовая охота) добыть тетеревов трудно даже случайно (она бы бегала и распугивала дичь), а с сеттером зайца можно. Легавая собака его случайно причует, стронет, и охотник бьет по нему, чтобы не устраивать бесполезной гонки собаки, которую очень трудно отозвать. Хотя немцы преспокойно охотятся за зайцами с легавыми, российский охотничий этикет этого не поощряет — для этого есть гончие и борзые. Но случайная добыча зайца (и не одного) была у каждого охотника с легавой.

12. Последний аргумент за сеттера шуточный. Как мы говорили, картину Перова часто копировали (через трафареты) — на коврики, простыни. Так вот, на большинстве ковриков и наивных картинах проблема собаки решена. Нестыковки типа охоты и породы собаки тут нет. На таких ковриках и картинах по преимуществу отчетливо видна легавая, а не борзая собака, а иногда даже две.

Василий Перов не выписывал на своих картинах четкие экстерьерные признаки собак, что и усложнило нам задачу. Посмотрите, например, «Охоту на медведя зимой» (1879).

Сравнив все аргументы и в пользу борзой собаки и в пользу легавого сеттера, признаем, что они значительно сильнее в пользу последнего варианта — легавого английского сеттера, их в два раза больше. И охотились наши герои примерно так, как на картине А.Д. Кившенко 1888 года (см. ниже).

Итак, сюжет картины Перова, с большой вероятностью, следующий: отохотились по перу с легавой собакой охотники, добыли тетеревов и случайного зайца, сели перекусить и отметить

А.Д. Кившенко. По тетеревиным выводкам. 1888. ГРМ.

охоту, выпили и балагурят. Этот охотничий разговор и его атмосфера уникально воссозданы на перовском полотне, именно эта жанровая сцена сделала картину столь популярной. Ф.М. Достоевский так отреагировал на нее в «Дневнике писателя»: *«Картина давно уже всем известна: «Охотники на привале»; один горячо и зазнамо врет, другой слушает и из всех сил верит, а третий ничему не верит, прилег тут же и смеется... Что за прелесть!..»* [Достоевский 1873].

Чтобы усилить наше эмоциональное впечатление, попробуем разобраться во всех деталях этого разговора и во всех деталях ему сопутствующих. Охотники уже перекусили.

На измятой газете лежат обтянутая кожей фляжка на ремешке, металлическая стопка, буханка хлеба, яйцо, огурец, головка чеснока, горбушка хлеба и справа — объединенная ножка какой-то птицы, скорее всего курицы. Во фляжке, скорее всего, по охотничьей традиции, водка («водка не чай — охотники найдутся»). Стопка, наверняка, серебряная. Так требовал охотничий этикет — поздравить охотников «с полем» и выпить «на крови» (добыча есть!) из серебряной стопки. Не выпить «на крови» нельзя, иначе следующая охота пустой будет (следовало даже затянуть: «Выпьем, брат-

цы, на крови»). Кругом беспорядок — корки и крошки хлеба, разбросанная скорлупа, объеденные кости курицы. Обнаружив такое, отчаянная ворона пикирует на съестные остатки, несмотря на наличие в двух-трех метрах от нее собаки. Это замечательная сцена, которая оживляет картину (ворона в левом верхнем углу).

Охотник — рассказчик, конечно, из «господ», бывалый и опытный охотник. Он одет в принятую у охотников удобную и теплую одежду — двубортный стеганный кафтан, в стеганные штаны и высокие охотничьи кожаные сапоги с очень низким каблуком — так гораздо меньше устаешь. Подкладка кафтана кое-где протерлась — стало быть, далеко не первое «поле». На истершемся ремешке висит бинокль с выдвигающимися линзами, как у подзорной трубы (швейцарский или немецкий, других не было). Эта форма ранних биноклей, характерная для первой половины XIX века, также свидетельствует об опытности охотника — картина написана в 1871 году.

Охотник должен одеваться по-охотничьи. А это значит функционально, чтобы было стрелять удобно, было тепло и ног не намочить. Кожаные сапоги обильно смазывали жиром, и вода с них стекала. Также нужно одеваться элегантно, по охотничьей моде, для «благородных» ружейных охотников того времени — непременно с галстуком и шейным платком. И это соблюдается: на охотнике-рассказчике идеально белая сорочка с галстуком, завязанным узлом «художничий». Существует 85 типов галстучных узлов, наш выбрал такой. Шейный платок лежит рядом, в шапке.

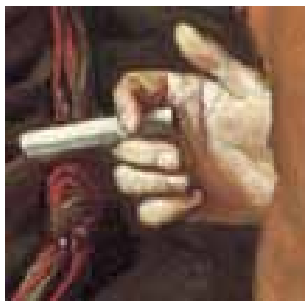

Василий Перов очень любил надевать на своих страстных героев такой сиреневый платок, вспомним его «Рыболова» (1871. ГТГ).

Похоже, для многих своих «азартных» картин — «Птицелова», «Рыболова», «Охотников на привале» Перов использует одну «натуру» для кафтанов, шейных платков и сапог...

У нашего героя горят глаза, он активно жестикулирует. Такие жесты называют жестами-иллюстраторами. Они сопровождают речь и теряют смысл вне речевого контекста, могут обозначать размер, форму предмета, действие. Судя по глазам и рукам он «на пике» рассказа, вот-вот что-то произойдет... и его рассказ вкушает более молодой охотник-слушатель. Слушает с напряжением, верит и удивляется до такой степени, что даже приоткрыт рот. Ни на что не отвлекается. Даже забыл прикурить сигарету, хотя зажег трут! Посмотрите внимательно на его левую руку: в ней огниво, в котором тлеет трут и еле видна струйка стелющегося дыма.

В правой руке — сигарета; скорее всего сигарета, а не папироса: не заметна мундштучная часть, в которой нет табака. Конец гильзы, с которого курят, заштрихован, тёмный,

что свидетельствует о наличии в нём табака, то есть скорее это сигарета. Сигареты очень быстро распространились в России после Крымской войны, их вполне могли курить охотники на привале. Охотник так заколдован рассказом, что даже открыл рот, так увлечён, что даже забыл прикурить сигарету, хотя уже зажёл трут в огниве. Он даже чуть-чуть нагнулся вперёд. Явно, что это кульминация монолога, вот-вот что-то случится! Василий Васильевич Стасов сказал значительно лучше и точнее, рецензируя этот эпизод в картине В. Перова — «всё это до того верно и правдиво, что картина перестает быть картиной»... Но известный критик, на наш взгляд, допустил в этой рецензии ряд незначительных неточностей: «...маменькин золотушный сынок, в охотничьем дубленом тулупчике, с истасканным уже лицом, и от внимания забывший поднести огонь спичечницы, чтоб зажечь себе папирску...» [Стасов 1952:7]. От спичечницы был бы огонь, она бы давно загасла, а здесь явный тлеющий дымок от трута. Так что это огниво. Что касается «папирски», может быть, Стасов и прав. Но «маменькиным золотушным сынком» охотника-слушателя критик назвал совершенно напрасно. Во-первых, он одет с гонором, в добротную овчинную бекешу — короткий кафтан с меховой отделкой с узорно стеганым стоячим воротником. Очень популярная, удобная и модная среди охотников одежда на протяжении всего XIX века, достаточно вспомнить известную картину Е.Ф. Крендовского «Сборы на охоту» (1836, ГТГ).

На голове у него кожаный дорогой картуз, также очень популярный тогда у всех охотников. Картузы шились из кожи, у них был плоский круглый верх на высоком стоячем околыше и широкий твердый козырек. Но для характеристики персонажа надо обратить внимание на отчетливо видимый блеск на козырьке. Такой козырек назывался «форменным», изготавливался из плотной кожи и покрывался лаком так, чтобы сверкать при свете. А это особый шик. Такие козырьки даже полировали тряпочкой, хранимой в кармане. Сорочка у охотника также безукоризненно белая с зеленым галстуком, завязанным узлом «романическим» или «эпикурейским». Высокие каблуки на сапогах свидетельствуют или о желании «повысить» свой рост или о неопытности (поэтому так и слушает бывалого), поскольку с такими каблуками устаешь значительно быстрее.

Охотник-слушатель прекрасно экипирован. Рядом с дорогим кожаным ягдташем классической формы с сеткой для мелкой дичи и рожком, лежит ружьё английской фирмы Enfield. Рядом с охотником-рассказчиком — такое же.

Это охотничьи двухствольные дульнозарядные ружья с капсюльными ударными замками (у них в ствол сверху засыпался порох, потом вставлялся пыж, который досылался шомполом) шомпол видно, он крепится ниже стволов. Потом в ствол насыпалась дробь, потом пыж, который вновь досылался шомполом, чтобы дробь не высыпалась. Затем на брандтрубку (полая стальная трубка, передающая в капсюльном замке огонь от капсюля основному заряду пороха в стволе) надевался капсюль и взводился курок. Увидев дичь, охотник жмёт на спусковую собачку, происходит спуск курка и удар его по капсюлю. Искра от капсюля через брандтрубку воспламеняет пороховой заряд в стволе, который и «толкает» дробь. Ружьё на картине очень хорошо выписано, и такая форма курка и брандтрубки, особый изгиб ложи характерны только для ружей этой фирмы, произведенных в 50–60 гг. XIX века в Лондоне или Бирмингеме. Для любознательных добавим — приклад изготовлялся из ореха и покрывался натуральной олифой. Длина стволов 600 мм, без дульного сужения в конце ствола, диаметр канала стволов — 18,78 мм, то есть оно крупнокалиберное, можно положить побольше дроби. Выбор для охоты по перу с легавой собакой идеальный — такой сильный изгиб ложи обеспечивал отменный баланс ствола, очень удобно целиться. Стволы достаточно короткие — также удобно целиться. Цилиндрические стволы (один диаметр на весь ствол, нет дульного сужения в конце ствола — «чока» для более дальнего и резкого выстрела) давали верный выстрел с большей осыпью дроби. Словом, в хороших руках это было очень добычливое ружьё, при выстреле оно могло даже исправить мелкие ошибки охотника при прицеливании (большая осыпь дроби). Ружьё было очень надёжное, крепкое (цельё несъёмное), долго не портилось и не царапалось — защищала олифа на деревянных частях. Скорее всего, достоинства ружей этой фирмы ценил и сам В.Перов, как страстный охотник и сотрудник журнала Л. Сабанеева «Природа и охота». Такой же ствол мы видим на уже упомянутом его карандашном охотничьем автопортрете. Возможно, собственное ружьё художника служило «натурой» для хрестоматийной картины.

Перов В.Г.
На тяге. Рисунок карандашом. 1879.

Для такого ружья нужны специальные емкости для хранения пороха, дроби и капсюлей. Они есть — на кожаном поясе охотника-слушателя слева закреплена классическая латунная английская капсюльница с завинчивающейся пробкой. Отвинчиваешь пробку — берешь капсюль и надеваешь на брандтрубку. Капсюльница совмещена через перегородку с кожаной дробовницей с отвинчивающейся боковой латунной пробкой с крышкой-дозатором для легкой «выдачи» положенного количества дроби — как в современных сахарницах. Пороховница, по всей видимости, у него на поясе, — на правом боку. Так что перед нами внимательный, правильно, хорошо и дорого экипированный, элегантно и даже щегольски одетый охотник-слушатель, а не «золотушный маменькин сынок».

Следующий, лежащий по центру охотник, конечно, простолюдин. Благородные в армяке не ходят и кушаками не подпоясываются. Кроме героя картины И.Е.Репина «Не ждали», Стасов великолепно описал в своей рецензии этого охотника: *«Рожа хохочущего мужика, немножко подмигивающего и скалящего белые зубы, вырезывается по самой середине картины из-под смятого и дырявого гречневика, сдвинувшегося у него на лбу в сторону»* [Стасов 1952:7]. М.Е.Салтыков-Щедрин назвал этого персонажа *«ямщиком, лежащим около охотников и как бы приглашающий зрителя не верить лгуну-охотнику и позабавиться над легковерием охотника-новичка»* [Салтыков-Щедрин 1970:232]. Почему ямщиком понятно — мужик одет в армяк, а в России это и кучерской кафтан и крестьянская одежда. В таком сочетании (армяк, кушак, гречник на голове) была одежда на половине простой России.

Итак, этот охотник явно простолюдин. Может, проводник, может, какой-нибудь Мазай. Но головной убор вызывает некоторые вопросы. Это помятый и выдавший виды грешневик (гречник), сшитый из шерсти, состриженной с молодой овцы-ярки, из так называемого поярка. Назывался так по схожести с постным пирогом из гречневой муки, который имел форму сужающегося столбика. Но к этому гречнику следует присмотреться более внимательно — он весь в дырках.

Может, моль поела, не исключено. Но «решето» в верхней части гречника очень напоминает след дробового выстрела. След старой и известной охотничьей забавы — подкидывания шапки и стрельбы по ней влет на спор. Кто на что спорил — неизвестно, может, благородные в споре между собой подкидывали шапку простолюдина, может быть, он сам.

За отворотом армяка торчит рукоять охотничьего ножа, который при данной верхней одежде тогда носили не за кушаком, а на льняной плетеной веревке на шее. С ружьём простолюдина сложнее, оно еле видно в кустах. По стволу видно, что это двустволка с шомполом, дульнозарядная. Более ничего не скажешь. Но самое показательное у охотника-простолюдина — это его жест и выражение лица. Ухмылочка. Почёсывание уха. Это уже жест-символ. Символ недоверия. Неприличный жест для

«благородных». А простолюдину не повадно «барина» подсмеять оскалом и почесыванием уха. Сравнятся как бы. Или даже возвысится. Но — «не любо — не слушай, а врать не мешай».

Картина Перова «Охотники на привале» — образец жизнеподобия. Каждая деталь в строку, благодаря им картина не только видится, но еще чувствуется и слышится: галдеж ворон, запах тлеющего трута, сырость осенней земли и, конечно, монолог рассказчика. В. Стасов так представил картину: «Мы считаем, что его «Привал охотников» — высшая из всех картин, до сих пор им написанных, как и по размерам своим это самая большая между ними. Мы думаем, что этот враль-охотник, рассказывающий с азартом, с искренним одушевлением, растопырив пальцы и вытаращив глаза, какие-то чудные свои похождения, неслыханные и невиданные небывальщины, — талантливейший *pendant* к гоголевскому Ноздреву, между тем как хохочущий про себя, почесывающий ухо крестьянин-охотник, только что не говорящий: «Ах, батюшки! что только этот человек городит!..» [Стасов 1952:7]. А Ф. Достоевский: «Что за прелесть! Конечно, растолковать — так поймут и немцы, но ведь не поймут они, как мы, что это русский враль и что врет он по-русски. Мы ведь почти слышим и знаем, об чем он говорит, знаем весь оборот его вранья, его слог, его чувства...» [Достоевский 1873].

Не знаю я, пойдем ли мы, что говорит азартный охотник-рассказчик, это ведь разговор охотников, на охотничьем языке. Допустим такое: «Стою, молчунов вижу, кричан слышу, ерши видать стронули. Рогатину к дереву. Жду. Чую, Марья Ивановна близко, прямо по лазу. Смотрю — а она с пестуном на меня валит. Вот-вот. Я дудергу навёл, ждал, живить боялся. Раз-раз. Готова. А пестун на меня. Я за лядунку, в снег провалился. А пестун на меня махами... Слава Богу, заводчик не пропуделял»¹.

Ни немец не поймет, ни русский...

Прекрасная картина, но требует пристального взгляда. Такая выписанность и точность деталей и их понимание не позволяют нам смотреть на «Охотников на привале» как на легкую жанровую сценку. Не дают права воспринимать персонажей с некоторой издевкой, как простых типов «вруна», «скептика» и «простака». «Типов» на картине нет — есть неоднозначные характеры, а десятки деталей и нюансов подтверждают их сложность и многогранность.

Литература

- Головин В.В. «Барышня-крестьянка»: Почему Баратынский ржал и бился. // Русская литература. 2011. № 3. С.119-135.
- Губин П. Полное руководство к Псовой охоте. М., 1891.
- Дмитровская Е. Русские крестьяне Олонецкой губернии. // Живая старина. 1902. — №2. — С. 131-138.
- Достоевский Ф. По поводу выставки // Гражданин. 1873, 26 марта. № 13. С. 423-426.
- Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.:1991.
- Маштафаров В. Прототипы «Охотников на привале» Перова. // Охотничьи просторы. 1963. № 19. С. 197-198.
- Сабанеев Л.П. Собаки охотничьи, комнатные и сторожевые. Кн. 1. Легавые. М., 1896.
- Салтыков-Щедрин М.Е. Первая русская передвижная выставка. // Собр. соч. Т.9. Критика и публицистика (1868—1883). М.1970.
- Стасов В.В. Передвижная выставка 1971 года. // Избранные сочинения в 3-х томах. Т.1. Живопись. Скульптура. Музыка. М.1952.

1 Речь идет об охоте на медведя («Марья Ивановна») в окладе. Кричане (крикуны) — люди, стоящие по задней, противоположной стрелкам, стороне оклада; в их задачу входило криком, шумом, не сходя при этом с места, не дать зверю выйти из оклада и сориентировать ход зверя на стрелков. Крыловые-молчуны стояли по краям оклада от стрелков. Они были одеты в белое, т.е. замаскированы, и молча стояли за деревьями. Если зверь через них начинал выходить из оклада, они не более чем выходом из-за дерева и легчайшим постукиванием по дереву обозначали свое присутствие, вынуждая зверя двигаться опять-таки на стрелков. Ерши действовали внутри оклада, и их задача была ходом, тихим криком и постукиванием поднять зверя с берлоги. Заводчики — обычно два человека, которые от вершины оклада расставляют кричан и крыловых. Лаз — путь, по которому обычно идет зверь; от умения находить лаз во многом зависит успех на охоте. Пестун — годовалый, перезимовавший с медведицей молодой медведь. Дудерга — ружье. Живить — сделать подранка. Лядунка — коробочка для капсулей. Пуделять — мазать.

Восприятие леса в коми-пермяцкой традиции по данным языка и фольклора

В мифологиях многих народов лес — это и одно из основных мест пребывания сил, враждебных человеку, и одновременно своеобразное божество, дающее человеку защиту и пропитание. Культуру народов, живущих в окружении лесов, их отношение к жизни, к миру, во многом определял лес, поэтому народы коми, например, часто называют себя «люди леса» (*яг морты*).

В коми-пермяцком языке немало фразеологизмов и устойчивых фольклорных выражений, связанных с темой леса. Их анализ даёт возможность понять особенности восприятия леса коми-пермяками, символические смыслы, которые народ вкладывает в те или иные лесные номинации. Так, в ряде устойчивых выражений дерево понимается как символ жизни человека, его процветания. Выражение *отка ну*, букв. «одинокое дерево» (*Отка нуон сю жизнь оис Егорыс, некинос эз вайотвы* — Чинагорт, Юсьвинский район), характеризует одинокого человека, у которого нет ни родни, ни друзей, ни семьи. Смысл сравнения здесь заключается в том, что жизнь одинокого дерева более печальна, чем жизнь деревьев в лесу: по старой русской пословице, *Одинокое дерево ветер валит*, а по известной примете, *в одиноко стоящее дерево чаще всего бьет молния*. Фразеологизм *увтём көз кодъ* (букв. «как ель без сучьев») оценивает крайне худого (*Воснитик воома, увтём көз кодъ* — Сэпыль, Кочевский район). Выражение лишено сложных жизненных ассоциаций, с которыми связан оборот *отка ну*, и строится прежде всего на внешнем уподоблении ствола дерева тощему человеку. В то же время можно предполагать, что и в нём отразилась традиционная символика ели: «У коми-зырян и коми-пермяков ... с ней связывалась идея дороги, перемещения из мира этого в миры иные» [Конаков 1997: 79].

Представление о лесе как опасном пространстве сохраняется в выражениях, с которыми связано само посещение леса. Прежде чем отправиться в лес, человек просит Божьего благословения: «*Благослови, Господи, в лес по ягоды, по грибы*». При этом Бог воспринимается как реальный помощник, проводник: «*В лес заходим, говорим: «Боженька, иди впереди, а мы сзади тебя. Приведи нас к ягодам»* (Зап. от Надымовой Р.Н., 1936 г.р., д. Асаново, Юсьвинский район). Слова «*Боженька, иди впереди, а мы сзади тебя*» соотносятся с распространенным напутствием в дорогу «*Ангел мой, будь со мной. Ты впереди, я за тобой*». И Боженька, и Ангел в данном случае призываются человеком как защитники.

Отправляясь за грибами, ягодами, коми-пермяки обычно берут с собой кусок хлеба: «*Мыйво няньсо? — Ково. Сійо босьвоны. Товаришо*». («Зачем хлеб? Надо. Его берут. В товарищи»). Хлеб в этом случае своего рода выступает как оберег на «чужой», опасной территории, ведь лес, как известно, владение «лесного», который может «подшутить», «повредничать». Хлеб в качестве оберега применяется как коми-пермяками, так и русскими не только во время пребывания в лесу. Например, его кладут в изголовье на ночь, когда беспокойно спится, а также для того, чтобы не видеть плохие сны. Отношение к лесу как к живому существу сохраняется в обычае приветствовать лес: «*Когда заходишь в лес за грибами или ягодами, надо поздороваться с лесом: «Здравствуй, лесок!» Когда уходишь, можно тоже попрощаться с лесом»* (зап. от Баяндиной Т.П., 1941 г.р., д. Баженово, Юсьвинский район).

Как устойчивые формулы используются особые обращения к силам природы, чтобы, например, получить разрешение на сбор ягод или грибов: «*Если в лес идёшь, надо спрашивать: «Лесовик, лесовик, помоги собирать грибы и ягоды»* (Зап. от Савельевой Р.В., 1947 г.р., д. Мосино, Юсьвинский район). Встречается также обращение к самому лесу: «*Охотник подхо-*

дит к лесу и говорит: «Лес, лес, моя девица, корми и пои, напои моё сердце и мою семью своей живицей» (зап. от Исаева А. И., д. Хазово, Кочевский район). Наделение леса женскими качествами связано с типичным осмыслением природы как женского рождающего начала; в мифах именно лес-парма родит Пера богатыря.

Разнообразные формулы используются для привлечения удачи: «Пошёл по грибы, гриб нашёл, говоришь: «Полную корзину» (зап. от Чакилёвой Т.Н., 1933 г.р., с. Архангельское, Юсьвинский район); «Когда в лес захожу: «Тыр доз, дай Бог, тыр доз», значит, полную корзину» (зап. от Климовой Е. В., 1931 г. р., с. Архангельское, Юсьвинский район); «Когда ягоды собирать кодила, дак говорила: «Тыр доз пыдоссянь вевдородз» («Полное лукошко от дна доверху»). Всё равно соберёшь, найдёшь» (с. Архангельское, Юсьвинский район). Человеку, идущему за ягодами и грибами, всегда желают, чтобы он наполнил корзину (Кин муно тшакла, ягодла, пантасиссез сыло бурсьоны, вордоны: тыр доз; «Мы говорим, нашли, значит, первые ягодки, говорим такие слова: «Тыр доз да быр доз, менам доз тырря» («Полное (наполнись) лукошко и разорванное (разорвись) лукошко, моё лукошко переполненное. Чтобы полное лукошко было. Это как поговорка» (Семушева А.А., 1939 г.р., д. Доег, Юсьвинский район). Первые ягоды обязательно брали с особыми действиями ритуального характера: «Когда в лес заходишь, первые ягодки нужно оставлять на пеньке и вспомнить о всех усопших» (зап. от Баяндиной М.А., 1939 г.р., д. Тараканово, Юсьвинский район); «Когда берут первую в году ягодку, стараются срывать ее правой рукой на левую сторону» (Плёсо, Гайнский район). Если в первом случае имеет место жертвоприношение ягод «родителям», т.е. обожествленным предкам, то во втором мы видим «опасность», исходящую от того, что является новым, первым. Обязательное движение рукой справа налево как бы освящает левую сторону, нейтрализует связанную с ней нечистую силу, символизирует приобщение Богу. Когда берут первую ягоду, произносят также слова «Чур моя, чур Богова» (Сёйва, Гайнский район); в этом случае используется слово чур, которое известно как защитительное (чаще используется как оберег от нечистой силы).

Особые ритуальные действия в лесу предпринимаются, если человек заблудился: «Надо одежду наоборот сделать и сказать: «Хозяин, отпусти меня» (зап. в д. Федотово, Юсьвинский район). Отмеченный мотив переворачивания в народной культуре встречается довольно часто и связан с языческими верованиями (иной мир противоположен нашему: живое в нем является мертвым, а мертвое — живым, поэтому и используется такой символический способ перехода в противоположный потустороннему мир). Может использоваться также еще один способ выйти, если заблудился, — нужно расщепить середину ствола небольшого деревца и пролезть в образовавшееся отверстие (так символически человек «превращается» в дерево», как бы «рождается» из него и соответственно получает особую силу). Встречается также использование пояса: «Когда заблудишься, пояс на траву надо положить, и перейти. Поперек тропинки положишь, перешагнешь, да и все» (зап. от Баяндиной М.А., 1939 г.р., д. Тараканово, Юсьвинский район). Пояс коми-пермяк одевал всегда. Это был не просто функциональный элемент одежды, пояс выполнял функцию оберега, талисмана. У разных народов пояс используется в обрядности как предмет, с которым связана идея защиты. Так, у русских поясом выводят человека из пожара; во двор через пояс заводили купленную корову со словами «Как на мне пояс держится, так и коровушка во дворе пусть держится» (Лемзер, Усольский район).

Существует ряд запретов на принесение обитателей леса домой. «Тетя Валя в лесу ежика нашла и взяла с собой. И потерялась, запутала, где-то там, за Харином, даже вышла. Ежика отпустила, вспомнила, что нельзя их брать. И вышла на дорогу, совсем в другой стороне,

километров за шесть. Нельзя брать лесных жителей» (зап. от Баяндиной М.А., 1939 г.р., д. Тараканово, Юсьвинский район). Не зря говорят в народе, что все, что находится в лесу, принадлежит хозяину леса, и если он не разрешит взять что-либо, то из леса ты не выйдешь.

Уход из леса для коми-пермяка — также своеобразный ритуал. «Я когда из леса выхожу, говорю: «Спасибо этому дому, пойду к другому» (зап. от Баяндиной А.О., 1950 г.р., д. Тараканово Юсьв.). В последнем контексте лес представлен как чужой дом, а говорящий как гость в этом доме. В русской традиции, как известно, выражение «Спасибо этому дому, пойдём к другому» используется как благодарность хозяевам за приём, оказанный гостю, гостям.

Как отмечает В. В. Климов, в традиции коми-пермяков разговаривать с лесными обитателями: «... наступила грибная пора, и любитель «тихой охоты» пошёл в лес. Вот и первый гриб перед ним, срезал его — и в лукошко. При этом приговаривает: «Тыр доз, тыр доз!» (полная наберушка). Гайнский грибник ещё на опушке леса начинал разговаривать-сюсюкать с грибами:

*«Лёлё ты, лёлё, куда же ты ходил?
Батюшко-матушко, подслушивай,
Рожки да ушки показывай».*

Эти не совсем понятные современному человеку слова известны многим грибникам и ягодникам. У древнего собирателя лесных и луговых даров было своеобразное табу: то, что собираешься брать, нельзя называть по имени, дабы оно не стало прятаться от тебя. Когда ты обращаешься к предмету своей охоты с ласковой побасенкой, он «выставит рожки и ушки» — явно покажется, да ещё и в сторону «батюшки-матушки» потянется, и ты все сразу увидишь. Известен и другой вариант такого обращения, и опять же в нем ласкают ухо мягкие словечки, которые любо слушать хоть кому:

*«Лёлё да нёнё, послушайте меня,
Рожки выставьте, на небо поглядите»!*

Самые простые словосочетания, будто с малышами разговаривают, не хватает только детского лепета: ляля, нё-нё. Разве можно при таких ласкающих ухо звуках спрятаться в траву! Очень подходящие слова, хорошая этика, умная тактика. Подобная этика породила следующую примету: *Если нашел гриб и поглядел на него, то его надо срезать* (не срежешь — он зачервивеет, и виноватым будешь ты). Есть и такая примета: на грибы, ягоды, не ступают, не пинают их... (см. подробно об обычаях, связанных с традицией собирательства у коми-пермяков: [Климов 2007]).

Лес является для коми-пермяка не только неотъемлемой частью его жизни, но и вторым домом. Коми-пермяки до сих пор сохраняют особое отношение к лесу не просто как к природному объекту, а как к своеобразному божеству, подателю благ. Приведенные формулы общения с лесом и объектами природы, которые отражают пережитки древних анимистических культов коми-пермяков, в современных условиях трансформировались в своеобразный этикет. Смысл всех этикетных выражений в том, что человек в лесу не хозяин и владелец, он такая же часть природы, как и всё, что живет в лесу. Кроме осторожного обращения человека с огнем в лесу, соблюдения тишины и чистоты, бережного отношения к растениям, человек должен жить в гармонии с природным миром, общаясь с ним доверительно. Если в отдельных культурах лес выступает прежде всего как чужое пространство, в традиции коми-пермяков он менее противопоставлен пространству жилому и хозяйственно освоенному, более одушевлен.

Литература

Климов В. Корни бытия. Этнографические заметки о коми-пермяках. Кудымкар, 2007.

Конаков Н.Д. Традиционное мировоззрение народов коми: окружающий мир. Пространство и время. Сыктывкар 1997.

Л.М. Пантелеева,
Соликамск

Охотничья лексика в пермских памятниках письменности XVI – начала XVIII века¹

Профессиональная лексика нашла широкое отражение в пермских памятниках письменности разного времени. Это связано и с промышленно-хозяйственной спецификой региона, и собственно с характером источников, дошедших до наших дней и позволяющих судить о языковых нормах последних пяти столетий. Однако не все тематические группы профессиональной лексики одинаково полно отразились на страницах древних рукописей и печатных изданий.

Номинации тематической группы «Охота» представлены в «Словаре лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века» небольшим количеством слов (всего около 50 лексических единиц). В это число входят обобщенные названия основных охотничьих действий (*добывать, ловить, промыслять*), приспособлений (*капкан*), угодий (*путик*), названия промысловых животных и птиц (*белка, бобр, лось, рябь*) и др.

Степень специализации данной лексики была очень широкой, что характерно и для настоящего языкового состояния. Действительно, сегодня слова типа *капкан, добыча, оленина* не требуют от носителей языка знания охотничьей реальности и имеют те же значения, что и в охотничьем субъязыке. Это обстоятельство позволяет рассматривать данные слова как пограничные единицы общенародного языка и профессионального языка охотников.

Среди всей отраженной в Словаре лексики пермских памятников большей степенью специализации, на первый взгляд, отличаются слова **зелень** 'шкурка молодой белки, ещё не утратившей летнего рыжего цвета', **путик** 'охотничий участок в лесу, где ставят капканы, ловушки для птиц', **подпаль** 'шкурка белки раннего (летнего) промысла'. Однако контексты, в которых они зафиксированы, говорят об обратном: «1000 белки **зелени...** 100 зайчин **вешних и чалых...** 400 белки **чистой** (РГАДА, 829, 1284), XVIII в.» [СЛПП I: 212], «**Владеть за Камою рекою против устья Инвенского речка Лух пала в реку Каму санными покосы и рыбными ловли и всякими угодья и **путиками**** (РСС, 2а, 79), 1680» [СЛПП II: 168], «**Пять кунниц летнего лову белок и **подпалей** шестьдесят две** (КСАУ, 229), 1707» [СЛПП II: 52]. Данные слова были известны широкому кругу носителей диалекта. Кроме того, они могли обслуживать сферы торговли и документационного обеспечения. Их реализация не замыкалась в рамках охотничьего языка, а носила межотраслевой характер.

Почему же узкоспециальная лексика охоты не имела обширного закрепления в пермской деловой письменности? Вероятно потому, что специфика данного промысла не предполагала ведения регулярной документации, как того требовали, например, солеварение, медеплавление, судостроение. Единственное, что нуждалось в записи на бумаге, так это количество проданных меховых шкурок и мяса: «**Подал челобитную в отпуску...** с **Кунгура на Ирбитскую ярманку для продажи двести горносталев** (КЗСИ, 910), 1706» [СЛПП I: 122]; «**Взяли...** две **выдры** **ценою в полтора рубли две норки в две гривны** (КЗСИ, 270), 1703» [СЛПП I: 363]. Безусловно, не все словарные иллюстрации охотничьей лексики имеют сугубо торговую характеристику, но многие из них так или иначе связаны с представлением о ценности охотничьей добычи.

Таким образом, в текстах пермских документов XVI - нач. XVIII в. отражался только тот этап охотничьей деятельности, который был связан с реализацией добычи или с приобретением земли для ведения охоты. В рукописи почти не попадала лексика, обслуживающая

1 Исследование выполнено при поддержке грантов РГНФ: 12-34-01043 «Традиционная культура Пермского края по данным лексики говоров и памятников письменности Пермского края» (2012–2014), 14-04-00437 ««Свое» и «чужое» в условиях межкультурного взаимодействия (на материале памятников письменности, живой речи и ономастики Пермского края)» (2014–2015), 14-14-59003 «Светское и духовное в пространстве регионального текста XVIII – XIX веков: лингвокультурологический аспект» (2014–2015).

общение охотников друг с другом во время установки капканов, выслеживания добычи, ее первичной разделки и т.д.

Поиск сведений о субъязыке охотников в других исторических словарях также будет безуспешным. Например, лексика, включенная в «Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.», тематически ограничена теми же группами, что и в «Словаре лексики пермских памятников XVI - начала XVIII века». Данные единицы хоть и обладали региональной ограниченностью (бытовали в северных и сибирских говорах), но не составляли «ядро» охотничьего языка. Ими свободно владели и простые носители говоров, и те из них, для кого охота была основным способом пропитания.

К узкоспециальным единицам языка северных охотников-промысловиков могли бы быть отнесены слова **бобровник** 'ловец бобров', **дохорек** 'шкурка хорька', **зелень** 'беличья шкурка, частично сохраняющая летнюю окраску', **кись** 'шкура, снятая с оленьих ног' [СПЛ], но, по мнению составителей «Словаря промысловой лексики», эти термины народной речи должны рассматриваться как слова, находящиеся на стыке языка охотников и языка мастеров скорняжного промысла, поскольку реалии, обозначенные данными словами, являются обязательными в профессиональной деятельности и тех, и других.

Еще одной причиной отсутствия в исторических словарях узкоспециальной охотничьей лексики являются принципы авторского коллектива в отношении круга публикуемой лексики. Словарный состав таких изданий, как «Словарь русского языка XI-XVII вв.», «Словарь русского языка XVIII в.», «Словарь обиходного русского языка Московской Руси (XVI-XVII вв.)» и других, ориентирован на общерусский нейтральный пласт лексики с вкраплениями диалектных единиц и единиц обиходно-разговорного языка. Узкоспециальная лексика промыслов и ремесел, а также складывающаяся терминология отдельных видов деятельности принципиально не отбирается в словарный состав словарей. Исключения делаются только для тех лексем, употребление которых в текстах источников носит многократный характер.

Указанные обстоятельства не делают абсолютно недоступными для изучения язык охотников предшествующих столетий и сведения о значимости охотничьих реалий в духовной культуре коренного населения пермских земель. Наиболее информативными в этом отношении кажутся данные ономастики, а именно — региональной антропонимии.

Русские некалендарные имена, имеющие отношение к охотничьему быту, отмечаются в памятниках письменности очень рано. Сегодня известно большое число имен и прозвищ эпохи Московского централизованного государства, образованных из названий промысловых животных и птиц: **Бобр** «*Бобръ, Московский боярский сынъ. 1446. Летоп. VIII, 118*», **Волк** «*Волк Ухтомский, въ Москве. 1483. Ак. Юр. 440*», **Горностай** «*Горностай, холопъ въ Ручьевском погосте. 1495. Писц. II, 383*», **Лисица** «*Анрейко Лисица, крестьянинъ Шегринскаго пог. 1495, Писц. II, 202*», **Олень** «*Олешко Олень, Енисейский служилый человек. 1660. Доп. 4, 200*», **Перепелка** «*Дашка Перепелка, стремяннаго приказа стрелецкая жена. 1682. Ак. Ист. V, 127*» и многие другие [Тупиков 1903].

Словообразовательную основу данных имен и прозвищ, от которых позже были образованы отчества и фамилии, могли составлять как названия взрослой особи самца, так и названия самки: **Лосев** (от Лось) «*Стешка Лосевъ, крестьянин. 1500. Писц. III, 375*», **Лосихин** (от Лосиха) «*Михайло Федоров сынъ Лосихинъ, Черниговск. боярск. сынъ. 1658. Ю. З. А. IV, 133*» [Тупиков 1903: 627–628].

Имена и прозвища могли быть представлены и неоднословными номинациями, включающими название части тела животного и притяжательное прилагательное: **Волчий зуб** «*Шипошикъ Волчого Зуба сын, крестьянин зап. 1650. Арх. VI, 1, 565*» [Тупиков 1903: 93].

Более того, в рукописях зафиксированы мужское имя **Охота** от слова *охота* «*Охота Савинъ, крестьянин. 1539. Писц. IV, 447*» и отчества **Охотин** (от имени Охота) «*Демехъ Охо-*

тинъ, крестьянинъ. 1500. Писц. III, 424» и Охотников (от имени или прозвища Охотник из слова охотник) «Яковъ Федоровъ сынъ Охотниковъ, Московск. бояринъ. 1566. Гр. и Дог. I, 559» [Тупиков 1903].

Этимологический анализ имен, фамилий и отчеств позволяет восстановить сведения об этнических культурных феноменах, связанных со сферой охоты или порожденных са-кральным отношением к элементам охотничьей культуры. Информативными в этом отношении могут быть рукописи не только центральных регионов Российского государства, но и местные памятники письменности. Так, в пермских памятниках XVI-XVII веков зафиксировано большое количество некалендарных имен из слов, называющих охотничьи реалии. «Вряд ли такие русские имена являлись пережитком тотемизма, т.е. веры в происхождение рода от определенного животного, птицы, рыбы. Для восточных славян он не характерен. Скорее такие антропонимы появлялись в результате веры в силу имени: оно могло стать оберегом человека или сделать его ловким, зорким, здоровым, удачливым» [Полякова 2010: 89].

Имена давались детям с желанием сообщить им определенные свойства, носителем которых является промысловое животное. Например, чтобы мальчик вырос сильным и здоровым, его могли называть **Медведь** «Крестьянин д. Пермская (Слудка) на р. Очере Ларь-ка Леонтьев сын **Медведь**, 1623. К., 179» или **Медведко** «Житель Орла-городка на р. Каме Афонька Степанов сын **Медведко**, 1647. Е., 89» [Полякова 2005: 234].

С другой стороны, ребенок с детства мог быть носителем таких качеств, которые характерны для того или иного животного. Так, бойкого, шаловливого ребенка называли **Барсук**: «Крестьянин д. Лимежа на реке Лимеже **Барсук** Михайлов (Я, 33 об.), 1579» или **Барсучко** «Чердынской деревни Кушпелевы крестьянин **Барсучко** Иванов (Я, 17), 1579» [Полякова 2007: 76], а умного и прозорливого — **Соболь** «Крестьянин городка на р. Чусовой и на р. Усолке Максимко Федоров сын **Соболь**, 1647. Е., 133» [Полякова 2005: 353]. Если мальчик был с длинными зубами, цепкий и хваткий, тогда родители могли его назвать **Белка** «Чердынского уезда погоста Покчи на реке Колве крестьянин **Белка** Данилов сын Азянов (К., 63 об.), 1623» [Полякова 2007: 76] или **Векша** «Чердынец Петрушка Лукьянов сын **Векша**, 1659. Ар., 3, 887» [Полякова 2005: 76]. Ребенка с изъязнами на коже лица в виде веснушек, пятнышек или воспаленных бугорков называли **Рябок** от диалектного слова *рябок* 'рябчик' «Крестьянин д. Беспалова Федька Андреев сын **Рябок**, 1647. Е., 141» [Полякова 2005: 330].

Пермская антропонимия включала также имена **Бурундук** «Десятский вишерских вогулич **Бурундук** Авин (Ш., 1, 177), 1607», **Кунь** или **Кунька** от слова *куница* «Деревни Федоровы на реке Обве **Кунь** Орефин (Я., 42), 222», «Деревни Заболотья, Осиновой, на речке Малой Усолке крестьянин Лучко прозвище Первушко Наумов сын **Кунькин** (К., 144), 1623», **Утка** или **Уть** «Деревни Кудымкара на реке Иньве **Утка** Ивашко (Я, 41), 1579», «Деревни Кувы на реке Куве крестьянин **Уть** Степанов (Я, 41), 1579» и другие [Полякова 2007]. Сегодня сложно предположить, по какому принципу давались эти имена детям. Этимология наименований остается неясной.

Большинство имен, образованных на базе зоонимов, могли лечь в основу фамилий: **Белкин** «Житель Усоля Камского Федька Иванов сын **Белкин**, 1623. КС, 155», **Бобров** «Чердынец Кузька **Бобров**, 1683. РСЧ, 5, 93» или **Бобровых** «Житель Губдорского стана Ивашко **Бобровых**, 1683. РСЧ, 5, 102 об.», **Бурундуков** «Чердынец Данилко Михайлов сын **Бурундуков**, 1623. КЧ, 50» или **Борондуков** «Чердынец Богдашко **Борондуков**, 1682. РСЧ, 4, 5», **Векшин** «Житель г. Кунгура Ивашко Федосиев сын **Векшин**, 1678. III, 5(1), 108», **Рябев** «Крестьянин д. Тимина Степанька Павлов сын **Рябев**, 1678. Б., 201 об.» или **Рябков** «Житель д. Доцаникова Митька Федоров сын **Ряпков**, 1678. Б., 61 об.», **Соболев** «Житель г. Кунгура Гаврила **Соболев**, 1705. КЗСИ, 840» или **Соболевых** «Житель погоста Вильва Иван Артемьев сын **Соболевых**, 1711. Ч., 160 об.», **Уткин** «Крестьянин пог. Янидор Никитка **Уткин**, 1579. Я., 25»

или **Уточкин** «Житель поч. Чащин от Слутки на Увале Васька Нифонтов сын **Уточкин**, 1678. Б., 12 об.» и другие [Полякова 2005].

Наиболее разветвленной в этой группе номинаций является совокупность производных имен и прозвищ от русского зоонима медведь и коми слова ош с тем же значением: **Медведев** «Чердынец Ларька **Медведев**, 1682. РСЧ, 4, 22», **Медведевых** «Крестьянин поч. на Речке Качке над р. Камою Тимошка Степанов сын **Медведевых**, 1678. Б., 142», **Медвидев** «Крестьянин поч. Матвеев верх рч. Шумихи Федька Христофоров сын **Медвидев**, 1678. Б., 11 об.», **Медведевский** «Житель г. Кунгура Федор Никитин сын **Медведевский**, 1685. КА, 53», **Медведкин** «Чердынец Якуш Иванов сын **Медведкин**, 1623. КЧ, 48 об.», **Медведков** «Крестьянин пог. Вильгорт на р. Колве Паньша **Медведков**, 1579. Я., 22» [Полякова 2005: 234]; **Ошев** «Крестьянин д. Усолицева Тимошка Артемьев сын **Ошев**, 1647. Е1, 164 об.», **Ошевкин** «Жительница Чердыни вдова Афросиньца Юрьевская жена **Ошевкина**, 1579. КЧ, 51 об.», **Ошлапов** «Житель Усоля Камского Семачко Яковлев сын **Ошлапов**, 1623. КС, 173», **Ашлапов** «Крестьянин д. Ожга Василей **Ашлапов**, 1782. Кун1, 415 об.» [Полякова 2005: 277].

Производящей базой для фамилий могли служить имена и прозвища, в основе которых лежали диалектные названия животных. Этимологизация этого корпуса антропонимических единиц создает основу для историко-лексикологической реконструкции единиц узкоспециального охотничьего языка. Например, фамилия **Боровиков** «Житель г. Кунгура Василий **Боровиков**, 1686. КА, 110» произошла от прозвища Боровик из слова боровик, которым могли называть не только белый гриб, но и бурового медведя и тетерева косача [Полякова 2005: 55].

Фамилии **Копалин** «Крестьянин сельца Камасино Никифорко Гаврилов сын **Копалин**, 1647. Е., 119» и **Копалиных** «Крестьянин д. за Курью Микифорко Гаврилов сын **Копалиных**, 1678. Б., 193» произошли от прозвища Копала, связанного с диалектными словами *копала* 'самка глухаря' и *копала* 'растрепанная женщина' [Полякова 2005: 179]. Фамилия **Турпанов** «Крестьянин пог. Искор на Черном ручью Васька Терентьев сын **Турпанов**, 1623. КЧ, 83 об.» произошла от прозвища Турпан из слова *турпан* 'дикая (черная) утка' [Полякова 2005: 385]. Фамилия **Свизев** «Крестьянин с. Спасское (Барда) Никита **Свизев**, 1782. Кун1, 193» произошла от прозвища Свизь из слова *свизь* 'вид дикой утки с синим носом и лапами' [Полякова 2005: 338].

В основе фамилий могли лежать не только названия взрослых особей животных, но их детенышей. Например, фамилия **Соболин** произошла от некалендарного имени или прозвища Соболя из слова *соболя* 'соболенок, детеныш соболя' «Крестьянин Сылвенского острожка Федосийко прозвище Пятко Акинфиев сын **Соболин**, 1647. Е., 91» [Полякова 2005: 353].

В фамилиях жителей Пермского края отразились не только названия промысловых животных, но и названия охотников. Так, фамилия **Полевщиковых** «Чердынец Любимко **Полевщиковых**, 1682. РСЧ, 4, 79» произошла от прозвища Полевщик из слова *полевщик*, одно из значений которого 'охотник' [Полякова 2005: 301], а фамилия **Собашников** «Житель г. Соликамска Семен Федоров сын **Собашников**, 1751. ГС, 18 об.» — от прозвища Собашник из слова *собашник*, одно из значений которого 'псовый охотник' [Полякова 2005: 353].

Более того, пермские фамилии становятся источником сведений о промысловых охотничьих ловушках и частях их конструкций. Например, фамилия **Давихин** «Крестьянин д. на Речке Мечке Конашко Савин сын **Давихин**, 1647. Е1, 29» произошла от прозвища Давиха 'тот, кто давит'. В говорах *давихой* называли часть ловушки, дощечку, которая, падая, прижимает зверя, птицу [Полякова 2005: 108].

Фамилия **Иртегов** «Житель Усоля Камского Андрей Иевлев сын **Иртегов**, 1597. КСГ, 5» произошла от коми-пермяцкого дохристианского имени Иртег, корень которого -ирт- мог быть связан с коми-пермяцкими диалектными словами *йирт* 'охотничья яма для зверя' или *йирк кай* 'кулик' [Полякова 2005: 149]. Фамилия **Каборин** «Крестьянин д. Другая Нытва за р. Кама Кондрашка Леонтьев сын **Каборин**, 1647. Е., 126» произошла от прозвища Ка-

бора, возможно, связанного с диалектным словом *кабора* 'ловушка на медведя' [Полякова 2005: 151]. Фамилия **Каранчин** «*Крестьянин д. Плеханова Никифор Каранчин, 1782. Кунг1, 141 об.*» произошла от тюркского имени или прозвища Каранча из слова *каранча* 'ловушка для соболей, горностаев, хорьков и других зверьков' [Полякова 2005: 157]. Фамилии **Пилемов** «*Чердынец Якушко Пилемов, 1682. РСЧ, 4, 54*» и **Пилемовых** «*Крестьянин д. Елфимова Максим Зиновьев сын Пилемовых, 1711. Ч., 8 об.*» произошли от прозвища Пилем из коми слова *пилем* 'ловушка для лесной дичи' [Полякова 2005: 294]. Фамилия **Сильцов** «*Житель поч. Москалев Ефтифей Ефтропьев сын Сильцов, 1711. Ч., 44*» произошла от прозвища Силец из слова *силец* 'силек, петля' [Полякова 2005: 346].

Часть пермских фамилий мотивированы названиями охотничьих инструментов и приспособлений. Например, диалектное название длинной жерди, которой охотники ударяют по стволу, чтобы выгнать белку на открытое место, легло в основу прозвища **Колот** и фамилий **Колотов** «*Чердынец Ивашка Игнатьев сын Колотов, 1623. КЧ, 50 об.*» и **Колотовых** «*Крестьянин поч. Кривошеин Ларька Степанов сын Колотовых, 1678. Б., 78*» [Полякова 2005: 175]. Манак — диалектное название дудочки для приманивания на охоте зверей или птиц — могло лечь в основу прозвища **Манак** и фамилии **Манаков** «*Житель Мотовилихинского завода Василей Манаков, 1795. Пр.2, 76*» [Полякова 2005: 229]. Название небольшого самострела, который ставится перед норкой зверька, стало основой появления прозвища **Черкан** и фамилии **Черканов** «*Житель с. Купросское Михайло Иванов сын Черканов, 1782*» [Полякова 2005: 416].

Отдельного упоминания заслуживают фамилии **Турьшев** «*Крестьянин д. Гайны Петрушка Турьшев, 1680. РСЧ, 3, 23 об.*» от прозвища Турьш из коми слова *турьш* 'кладовая при охотничьей избушке; лесная кладовая на стойках' и фамилия **Сюлборов** «*Житель пог. Вильгорт Коземка Сюлборов, 1682. РСЧ, 4, 54*», связанная с названием охотничьего уголья: *сюлбор* — рябчиковый лес, или лес, где водятся рябчики [Полякова 2005].

Таким образом, этимологический анализ части пермских фамилий позволяет реконструировать такие узкоспециальные апеллативы в языке пермских охотников XVI-XVIII веков, как *давиха, пилем, свизь, силец, сюлбор, колот, соболя, турпан, турьш, черкан*. Эта лексика является не только свидетельством наличия особой речевой культуры охотников, но и позволяет судить о языковых и культурных контактах русского и коми-пермяцкого населения в сфере охоты, а также частично реконструировать особенности языковой картины мира промысловиков. В отношении слов *боровик, кабора, копала, манак, полевищик, собачник*, а также тюркизмов *йирт* и *каранча*, следует сказать, что принадлежность их к словарю охотников носит вероятностный характер. В основу производных на их базе фамилий могли быть положены как специальные слова, связанные с охотничьей деятельностью, так и их омонимы из других сфер.

Так или иначе, историко-лексикологическая реконструкция апеллативов на базе антропонимов является одним из наиболее результативных и оправданных методов по изучению субсловаря охотников XVI-XVIII веков. Специфика охотничьей деятельности во все времена была во многом недоступна для обывателя. Чем больше проходит времени, тем меньше у нас остается свидетельств о той части охотничьей жизни, которая протекает один на один с природой. В ситуации отсутствия лингвистических источников о предшествующих состояниях профессионального языка, лексикологи вынуждены восстанавливать эти сведения посредством этимологизации слов.

Кроме того, этимологический анализ антропонимов открывает возможность изучения взаимовлияния охотничьей и традиционной культуры, результатом которого является появление имён и прозвищ, образованных на базе зоонимов. Это взаимовлияние определяет не только региональную специфику антропонимии, но и основные категории ментальности пермских жителей, выражающихся через отношения «человек — природа».

Обозначенные выводы не исчерпывают информативность пермской антропониимии в плане изучения охотничьей культуры. Дальнейшие исследования в этом направлении могут еще более обогатить нас сведениями о речевой культуре охотников и ее семиотических составляющих.

Литература

- Полякова Е.Н. История имён жителей Пермского края в XVI-XVIII вв.: Монография / Е. Н. Полякова; Перм. гос. ун-т. — Пермь, 2010. 280 с.
- Полякова Е.Н. Словарь имен жителей пермского края XVI-XVIII веков / Е. Н. Полякова. Пермь: Издательский дом Бывальцева, 2007. 464 с.
- Полякова Е.Н. Словарь пермских фамилий / Е. Н. Полякова. Пермь: Книжный мир, 2005. 464 с.
- СПП — Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников XVI - начала XVIII века: в 2 т. / Е. Н. Полякова; Перм. гос. ун-т. — Пермь, 2010.
- СПЛ — Словарь промысловой лексики Северной Руси XV-XVII вв.: в 4 вып. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
- Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен / Н. М. Тупиков. СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1903. 857 с.

**И.А. Подюков,
Пермь**

Региональные особенности словаря охотничьей речи¹

Народные промыслы в России чрезвычайно разнообразны по своим видам и жанрам, формам и местным особенностям. В отдельных территориях в соответствии с местными условиями отличаются видовой состав отстреливаемой добычи, варьируются сроки охоты. Так, Н.Д. Конаков отмечает, что пассивные (самоловные) орудия различного типа широко распространены и используются в промысле именно на территории проживания коми народностей [Конаков 1983]. Как специфическое явление традиционной русской культуры, охотничий промысел характеризуется своей материальной составляющей, обрядово-фольклорной традицией и особым языком, заметно варьирующимся в разных регионах.

Охотничий подъязык есть своеобразная лингвокультурная универсалия, отражающая особый тип социального знания о мире, природе и человеке. В лексике русского охотничьего языка отмечено большое количество «чистых» терминов, профессионализмов, эмоциональной лексики, слов, связанных с действием разнообразных охотничьих табу.

Развитым словарем отличается охотничья речь Прикамья. В нем отражены сведения о промысловых животных, видах охоты, охотничьей традиции и этике, история развития промысла. Одна из особенностей речи пермских охотников — детализированность охотничьих номинаций. Так, при обозначении белки — ценного пушного зверька, одного из основных объектов пушного промысла в России, используются в качестве общих, родовых названий слова *векша*, *бегша* (последний пример — деформация, вероятно, вызванная эвфемическими установками и соотносящаяся с подвижностью зверька — *бегша* букв. «бегающая», по аналогии с диалектной оценкой крикливого *крикша*). Слово *векша* в ряде мест используется как видовое обозначение молодой белки: «*Векшей называем, когда она рыжая, а с двадцатого октября они уже белка*» — Ныроб, Чердынский район). Указания на возраст в названиях белки наиболее часты: *петровка* летняя белка («*В середине лета белка — петровка, красноватым цветом. Ее по закону нельзя бить*» — Мысы, Гайнский район, из указания на Петров день, представляющий разгар лета), *пóдпаль* молодая неспелая белка

1 Статья подготовлена в рамках гранта Программы стратегического развития ПГГПУ 029а-Ф «Этнические культуры Прикамья: генезис и современное состояние».

(«Подпаль — недоспелая белка» — Антипино, Юсьвинский район), *полубель* молодая белка. («Неспелая белка — дак полубель; её за полцены принимают» — Бычина, Красновишерский район), *синюха* белка, мех которой еще окончательно не вызрел («Белка еще не серая, недоспелая — синюха» — Пожва, Юсьвинский район), *зеленая* белка молодая белка с некачественной шкуркой («Не дошла если белка, у нее как сзелена подпух» — Майкор, Юсьвинский район), *красная (рыжая) белка* белка, не достигшая спелости («Белка рыжая, а когда она поспела, она как голубая. Ее сразу отличительная черта — это цвет. Она летом рыжая. Говорят, красная белка. «Чё ты красную белку-то стреляешь?» — Рябинино, Чердынский район). Названия также могут указывать на место обитания: *сосновая (боровая) белка* (белка, которая кормится в сосновом бору: «Есть сосновая белка, у нее мех посветлее, шишками кормится», Чердынь; «В ту осень много было боровой белки. Я убил пятьсот с лишним белок за осень. Изрядно я тогда. Дешевле мне муку дали» — Мысы, Гайнский район), качество меха: *чистая белка* белка с чистой, спелой шкуркой («Чистая белка это считается спелая» — Пожва, Юсьвинский район).

На промысловой речи Прикамья сказалось влияние абортгенных языков Урала — большой удельный вес в ней занимают финноугорские заимствования, поскольку до XVIII века охота и рыболовство были главным занятием коми-пермяков, основного населения края. Тюркские по происхождению промысловые названия в говорах Прикамья менее значимы и очевидно связаны с более поздним временем. Такие заимствования эпизодически отмечаются в разных тематических группах. Это названия объектов промысла, скорее всего, усвоенные для создания эвфемической номинации — напр., *куян* заяц. Заимствование из башкирского языка этого слова (отмечено в южных говорах Прикамья, где русские соседствуют с башкирами), вероятно, находится в русле общей тенденции иносказательного обозначения животного, с которым устойчиво связана идея демонологичности (для любого охотника перебежавший дорогу заяц считается приметой неудачной охоты).

Тюркские элементы используются при назывании ряда значимых для промысла природных объектов. Название следа зверя *сакма (сохма)* (Юсьвинский район), известное и сибирским охотникам, в речи пермских охотников используется для обозначения следа волка (в тюркских языках так обозначается наезженная дорога, ср. также *сокма, сохма* «прибрежная тропа, плотный край берега» — Красновишерский район). Тюркизмы отмечены среди именовании объектов природы: *карш* «засоренный водоем» (ср. восточное *карша* «коряга, суковатый пенёк, подмытое дерево»), *урёма* «пойменный лиственный лес» (ср. татарское *ärgätä* «низкое место около реки, поросшее ольхой»). Используются тюркизмы при наименовании отдельных бытовых предметов (*калауз* «охотничья сумка для провианта, добычи» — из тат. *kalauz* «котомка», ср. коми-язьвинское *кёлагуз* «самодельная кожаная охотничья сумочка для спичек, ниток, иголки и т.д.»). Крайне популярным у охотников заимствованием стало название блюда из свежеподстреленной дичи на костре *шулюм (шулюмка)* (распространено и в Сибири, ср. бурятское *шуле* 'суп с лапшой или с крупой').

Финноугорские названия в охотничьей речи Пермского края семантически более разнообразны. Это названия объектов охоты *пыжик* 'молодой лосёнок' (Юсьва — по М. Фасмеру, хантыйское название олененка [Фасмер 1: 266]; перенос легко объясним тем, что олень и лось относятся к одному семейству плотнорогих), *векша*, связанное с финно-угорским *вашка* «молодая белка» (см. [Фасмер 1: 287]), в отдельных говорах слово сохранило исходное значение и применяется для названия неспелой белки летнего времени (Красновишерск), хотя нередко используется в общеродовом значении 'белка вообще'. Большое количество финноугорских слов отмечено в названии охотничьих сооружений, ловушек и их частей — *лабаз* 'настил на сучьях деревьев или столбах для хранения продуктов, охотничьих припасов, добычи' (ср. коми *lobos* «хижина», родств. венгерск. *lambos* «лиственный»), *чамья (чемья, шамья)* 'кладовка охотника на столбах' (в мансийском языке известно в сходном значении слово *sitijax*), название полосы бересты для постройки охотни-

чьего шалаша *тиска* (красновишерское; словом *тиска* называют бересту для изготовления чумов ханты и манси Урала и Сибири, ср. также у коми-зырян *киска* «шалаш, крытый берестяными полотнищами»; в этом случае реализован типичный для коми языков переход начального [т] в [к], ср. коми-пермяцкое *тепись* - *кепись* «варежка»). Слово *кулом* «ставная сеть» (Коса) восходит к финскому *kalin* «часть невода» (ср. также мансийское *kulr*, венгерское *halo* «сеть»), как и *кулема* «ловушка на мелкого зверя» (по-фински слово *kuolema* переводится как «смерть»). Термин *чэс* «ловушка на боровую дичь, мелкого пушного зверя» соотносится с коми-пермяцким *чӧс*, хантыйским *sesa*, термин *дзуг* «ловушка-силок» (Гайны, Коса) связан с коми *дзугъявны* «путать», название петли на земле на боровую дичь *мулыч* образовано сочетанием *му лэч* (букв. «земля-петля»). Оставляемый в различного рода заграждениях проход для рыбы или зверя, в котором устанавливали ловушки (морды, верши; петли), называется коми словом *ворга* «русло реки» (ср. карельское *orgo*, финское *orki*, эстонское *org* «сырая низина»). Финноугорским является название особого охотничьего костра *нодьа* (в говорах отмечается также в формах *нудья*, *надьё*, *нотьё*, которые фонетически более близки к исходной субстратной форме, ср. финское *nuotio*, карельское *nuodivo*, финское *nuotio* костер на стоянке). Очевидно, из коми языков заимствовано название важной детали из устройства костра-нодьи — приспособления в виде кола для удерживания верхнего бревна *пеши*; термин (Акчим, Красновишерский район) возможно, связан с коми-зырянскими *пеша* подставка для лучины, *пешан* подсвечник).

Ряд финноугорских по происхождению терминов связан с охотничьими лыжами — *камусами*. Используемая для их подбивки шкура, снятая с ног лося, называется *камус* (*камусина*, *камыс* — ср. саамское *kams*; в ряде мест отмечены деформации этого термина, использованные для называния самих лыж — *ка́мбузы*, *ка́мыши*). Широкие охотничьи не подбитые такой шкурой лыжи называются *лямпы* (*лямпа*, *лямба*, ср. коми *лямпа* «лыжи», ненецкое *ламба* «широкая доска» из исходного *лам пу* «плоское дерево»). Узкий кожаный ремень в креплении охотничьей лыжи называется *юкса* (термин встречается у карелов и коми, у сибирского русского населения, эвенков), набойка на охотничьих лыжах — *надлас* (слово отмечено и в речи коми Верхней Печоры).

Заимствования используются для называния ряда природных явлений и объектов — *пыром* «укрытие для мелкого зверя, образованное поваленными деревьями» (ср. коми *пырӧм* «вход» от *пырны* «заходить»), отдельных метеорологических понятий (*хиус* «северный ветер, неблагоприятный для рыбалки» — предположительно заимствование из коми языков, где *jiös* «ледяной»), *шуга́* «скопление рыхлого льда на поверхности воды» (ср. финское *sohjo*, *sohji* «слякоть, ледяное крошево»). Заимствование из коми языков *чаром* (часто в формах *чером*, *черым*, *черим*, *чурум*, ср. также уральск. *чирим*, *чили́м*, *шарым*) обозначает подтаявший и снова замерзший наст, снег в виде ледяной корки.

Наконец, характерной особенностью речи охотников Прикамья можно считать отражение в словаре разнообразных верований и мифологических представлений о зверях, оружии, самом охотничьем занятии. Охотники, сохраняя древний сюжет о том, что медведь когда-то был человеком, иногда переднюю лапу медведя называют рукой («*Медведь и ходит как человек, у него даже переднюю лапу называют рукой, а нижняя часть ступни — ладонь*» — Гайны). Выражение *отводить собак* используется в пермских говорах в значении «лишать собак чутья магическим способом» («*Колдун собак отводил. Наладит собаку — не будет искать белку, не будет чують*» — Красновишерский район). Близко к нему устойчивое сочетание *цель отводить* — «лишать охотника меткости магическим способом» («*Знаю это: железо заговаривают, они цель отводят. Ты думаешь, в глухаря или в белку стреляешь, а ты мимо стреляешь. Тебе там показывается другое. Отводят цель колдуны. Словами заговаривают*» — Косинский район). Ритуальный смысл имеют выражения типа *выпить на звере* выпить после удачной охоты около ошкуренного и разделанного зверя (обычай мотивирован верой в то, что побежденному зверю необходимо оказать почести, помянуть его). Устойчивые сочета-

ния *стрела-молния, грозовая молния, громовая стрела* называют используемый в магической практике (не только охотниками) предмет — окаменелость, получившаяся из сплавившихся от удара молнии песчинок: «*Отец охотник был. птицу он весной-то бил, глухарей, мама всё поминывала, на один выстрел, говорит, двух глухарей. Ему везло. Он, эта, находил молнию-то грозову. Как яичко де круглая. Камень как. И вот он её с собой всё носил, и ему шибко везло. И вот он раз в избушке спал, и она выкатилась и в землю-ту ушла. Ползла она в землю, и всё. И больше ему не стало везти — помощь-та не стала*» (зап. в Косинском районе, д. Мыс).

В охотничьей речи отмечается большое количество эмоциональных характеристик значимых для промысла реалий. Так, немало характеристик связано с оружием. Любое ружье может быть названо современным охотником *ружбай (ружбайка)*, словом с несколько сниженной стилистической окраской. В речи традиционного охотника, который особенно дорожит ружьем как главным атрибутом, такие номинации нетипичны. Оценочные названия используются прежде всего для указания на недостатки ружья (*палка, весло, бадог, поле-но* характеристики ружья плохого качества, *карамультак* громоздкого ружья, ср. старое *клюка* о ружье эвфемического характера в речи охотника-коми-язвинца: «*Дед мой никогда не говорил ружьё, говорил клюка*» — Антипина, Красновишерский район).

Устойчивы в целом для охотничьей речи названия — характеристики ружей, оформленные как соотнесение их с человеком: *бельгиец* ружье бельгийского производства, *итальянец* ружье итальянского производства. Определенная персонификация ружей ощущается в названиях ружей по фирме-производителю (*Бенелли, Бенья, Бенелька* полуавтоматические итальянские ружья компании «Бенелли», *Бетти* итальянское ружье с вертикальным расположением стволов фирмы «Беттинсоли», *Бенелли, Бенья* самозарядное ружье-полуавтомат итальянской фирмы «Бенелли» (ср. *Бенья* ласкательная форма имен *Бенедикт* или *Бенцион*). Подобно образованиям, отмеченным в других мужских субкультурах, определенные неодушевленные реалии охоты получают женские метафорические характеристики: *Итальянка* — ружье итальянского производства, *Мурка* — полуавтоматическое самозарядное ружье Ижевского производства (из английской аббревиатуры MP, т.е. «mechanical plant», осмысленной как русская), *Светка* — снайперская самозарядная винтовка Токарева («*Светка, говорят, плохо гильзу выбрасывает*» — Пермь. — Обыгрывание номенклатурной аббревиатуры СВТ).

Также относятся к персонификациям характеристики ружей типа *коротыши* для ружья с укороченным стволом («*Коротыши при стрельбе глушит*» — Пермь); в этом названии использован суффикс лица — *ыш*. Персонификация ощущается и в метафоричности многих глаголов, характеризующих способность ружья к выстрелу: *живить* «ранить, не убивать дичь», *плевать* «стрелять без резкости боя», *питаться* «принимать патроны» (о вхождении патрона в ружье).

В словарном составе промысловых номинаций пермской охотничьей речи ярко проявляется развитость, дифференцированность словаря и сосуществование и взаимодействие русской и финно-угорской культурно-хозяйственной практики. Большое количество заимствований в промысловой речи придает русским говорам и промысловой речи Прикамья особую локальную окрашенность. Традиционная охотничья лексика Прикамья характеризуется тематическим разнообразием, развернутостью словаря, обеспечивающей детализации в характеристике большого количества охотничьих реалий и понятий. Охотничьи номинации показывают тесные контакты между народами Прикамья, выражают особенности промыслового взгляда на мир, характеризуются определенным сходством с сибирским охотничьим лексиконом и в то же время своей локальной окрашенностью.

Литература

- Конаков Н. Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX - начале XX вв. М.: Наука, 1983. 248 с.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I (А-Д). М., 2009.

Ружьё Remington Акмогу, 1917.
Личный архив А.И.Давыдова

Чучело тетерева-косача.
Усьолье, УИАМ, КП57-13

«Вобить на лося».
А.П. Филипенко, 2015.
Чердынский район,
с. Вильгорт

Утка — ману, манишка.
Усьолье, УИАМ, КП58-14

М.Е. Савельев,
Пермь

Охотничьи приметы и заговоры в фольклорной традиции коми-пермяков

Коми-пермяки в прошлом почитали животный и растительный мир, а также живущих рядом духов природы — чудов и кулей, не считая себя хозяевами земли, природы. Для духов «отводились» определенные места обитания: кулям и чудам — подземелье, откуда все видно, лешему — лес. Определив всему существу свое место, люди старались не нарушать установившийся порядок бытия. Знание о народном мифологическом восприятии мира отразилось во многих фольклорных жанрах. В наши дни это мистическое мироощущение достаточно отчетливо проявляется в тех культурах, которые предполагают тесную связь человека и природы, и в частности, в охотничьей среде.

Остановимся на бытовании в охотничьей культуре такого жанра, как примета. Этот жанр все больше интересует исследователей как источник информации об особенностях этнического мировосприятия, как уникальный способ отражения и фиксации познавательного опыта человека на различных этапах его развития (см., например, [Садова 2004]).

Как и в целом среди примет, в охотничьей речи немало таких прогнозных высказываний, которые имеют вполне научное объяснение. Так, в примете *Много маслят — много зверят* отмечается, что количество животных в лесу зависит от кормовой базы (белки едят около сорока пяти видов грибов, но предпочитают действительно подберезовики и маслята). Аналогичны приметы *Если много в лесу шишек, будет много белки*, *Большое количество комаров в начале лета указывает на то, что осенью будет много рябчиков* (основная пища птенцов рябчика — комары). *Обилие рябины говорит о том, что Боровой дичи будет много, но охота на неё силками будет сложной* (примета учитывает, что трудно будет приманить сытую птицу к подвесным силкам рябиновой приманкой, а значит, промысловику следует надеяться в основном на слопцы и наземные силки). В примете *Тулысён көч дыр оз веж гёнсё — кузь тулыс лоас* («Весной заяц долго мех не меняет — длинная весна будет») учтён тот факт, что животные, действительно, более тонко, чем человек, ощущают изменения погоды.

Другой тип примет — приметы суеверные, основанные на древних мифологических верованиях. Суеверные призваны были дать объяснения тем событиям, которые не были очевидными. В них отразилось представление древнего человека о том, что в мире всё взаимосвязано. Языческие охотники верили многочисленным поверьям и приметам, прибегали к обрядам, которые, по их мнению, предостерегали от неудач и вселяли уверенность в успешную охоту. Коми-пермяцкий охотник считал, что перед началом охоты следует обратиться не только к Ену, не только к хозяину леса, под присмотром которого находятся зверь и птица, а к самой намеченной жертве, потому что древний человек животных считал старшими братьями, а иногда — родоначальниками. Надо убедить зверя, что он, охотник, иначе не может, что так велит Небо, под крышей которого существуют все живое, так велит Ен. Д. Харин, житель поселка Гайны, рассказывал, что он слышал от прадеда, как надо «брать» медведя: *«Найдут спящего мишку, но про это никому не говорят, чтобы слух не дошел до «самого» и не разладилась охота. В тот же день, когда обнаружилась берлога, варят репную кашу и «угощают» ею зверя, поставив блюдо во дворе: «Кушай, не голодуй!» Если зверь «поест» — идут на него, если нет — охота откладывается».*

В охотничьих приметах задействованы самые разнообразные символы. Древняя символика женщины учтена в следующих приметах: *если, идя на охоту, встретил женщину, добычи не жди* (по старинным представлениям, женщина является существом опасным, нечистым, поэтому встреча с ней перед охотой нежелательна). Поэтому перед охотой ночь мужчина дол-

жен спать без женщины (считается, что мужчина пропитается запахом женщины, и звери будут его чувствовать; с этим же связано и правило, что свой рюкзак должен собирать сам охотник, женщина не должна этим заниматься). В одной из примет говорится, что *перед выходом из дома охотник должен отцепить от дверного косяка щепку и взять её с собой на удачу*. Здесь используется символика дверей: как в двери заходят много людей, так и в охотничьи ловушки будут попадать звери. По одной из примет, *идя на охоту, ты не должен об этом ничего говорить, иначе охота не состоится* (здесь идет речь о табу, это слова которые нельзя говорить; сказанное может «услышать» зверь). Аналогично *когда идешь на охоту нельзя брать собой ничего мясного* (В лес мы идём за добычей, а зверь «чувствует», что ты уже сыт). Интересна примета, в которой отражена вера охотника в магические способности самого ружья: *если при зарядании ружья упал патрон, это не к добру — «тебя подстрелят или же попадешь медведю»* (ружьё как бы «знает» будущее и оберегает охотника от несчастного случая). По примете, *если промахнулся, нельзя выбрасывать патрон, нужно его нести обратно домой* (неудачливый патрон как бы распространяет энергию своей неудачи на всю окрестность). Примета *дробинка из убитого глухаря, заряженная в новый патрон, гарантирует успешную охоту* также строится на наделении охотничьих припасов магическими свойствами.

Приведем примету, в которой использован универсальный культурный символ, известный в разных культурах. Коми-пермяцкая примета *Кепись уяс вывлань певнас — туй висьталö* («варежка упала вверх большим пальцем — дорогу предсказывает»), соотносящаяся также с русским гаданием (старое святочное гадание на суженого, сходное с известным гаданием по брошенной за ворота обуви), основана на символике варежки. Варежка, как и человеческая рука, ассоциируется с обладанием; кроме приметы со случайно упавшей варежкой, у коми-пермяков известно аналогичное гадание на удачу. Охотник перед выходом в лес узнаёт, будет ли удачной охота (стоит ли отправляться из дома), подбрасывая вверх варежку; если варежка упала большим пальцем вверх — повезёт. В гадательной, обрядовой версии задействован известный знак одобрения — поднятый вверх большой палец. Родственный гаданию текст приметы о случайно упавшей вверх большим пальцем варежке, предсказывающей дорогу, является, как видим, бытовым развертыванием специального промыслового ритуала.

В. Климов [Климов 1997] приводит тексты преданий, которые говорят о том, что охотник узнает свою удачу у священных деревьев. Легендарный Кудым-Ош перед походом в дальние края стрелял из лука в сосну, загадывая: попадёт в мету — к удаче, не попадёт — доброго пути не будет — значит, с походом надо подождать. У этих деревьев справляли поминки по умершим, особенно если старались задобрить родителей в связи с болезнями и несчастьями. Языческие охотники прибегали к обрядам, которые, по их мнению, предостерегали от неудач и вселяли уверенность в успешную охоту. Ставя ловушку на зайца, охотник натирал ее пихтовой лапкой, затем «наставлял» её, чтобы как следует поймать и удерживать пойманного зверька. Поставит ловушку на заячью тропу, привяжет к дереву и обратиться к зайцу: *«Мягкошерстный, солнцеглазый, не сворачивай с тропки, не ходи назад, не прыгай по верху, иди прямо в свою дыру, в мой чом (клеть, кладовка)»*. Зайца, будущую добычу, охотник задабривает, называет его идеализирующими эпитетами. Соотнесение глаз с солнцем известно в ряде мировых мифологий; ещё древние египтяне в своих мифах сравнивали глаз с Солнцем, а в поздних культурах с солнцем сравнивают любимого человека). Уходя надолго в тайгу, охотник «договаривался» не только с Еном, потому что на его пути были пармы и низины, болота и реки, озера и овраги, а в них свои хозяева. Говорят, добродушный кочевский мужик, отправляясь на долгое лесование, лесного царя угощал самой сладкой постряпушкой, замешенной на масле и меде-тулом. Входя в лес, охотник никак не мог обойти лесного хозяина, обращался к нему: *«Слушай меня, Большой: я тебе — табак, ты мне — белок. Я тебе — грибной пирог, ты мне — зайцев и птицу»*. Скажет так, завернет цигарку

и положит на пень — кури, мол, душу не мори, табачник! Иной и пирога не жалел». Здесь мы видим, что при общении со сверхъестественными существами знающий охотник выступает как равный с ними по силе, потому что ритуал похож на своеобразный товарообмен. Охотники заговаривали ловушки (силки, слопцы, капканы, сети), лук и стрелы, ножи и рогатины, лыжи и лесные кладовушки. По устным рассказам, у одного охотника из деревни Пятигоры Гайнского района была заговоренная нарта, которая никогда не возвращалась домой порожней. В селах Чураки и Пуксиб Косинского р-на по сей день рассказывают, как много «крылатого мяса» было у самых крылечек домов: *«Куда бы ни ступи, то куропатка, то тетерев, то глухарь вспархивает. Пельмени только если из мяса рябчика. Затопит хозяйка печь, скажет: «Сходи-ка, сынок, по мясо». Парень выйдет на крыльцо, бабахнет, не целясь, из ружья — два рябчика и глухарь на землю падают*». У тамошних охотников, говорят, до самой коллективизации были собственные охотничьи участки и тропы, лесные кладовушки на деревьях (тшамьи), места токовищ. Охотник, думая об удаче, задабривал и токовище, и тропу-чомкост — промежуток между двумя тшамьями.

Зачастую наблюдаешь за пожилым населением, как они воспринимают природу, окружающую среду, и удивляешься тому, что они по условным знакам могут распознавать дальнейшие события. О более молодых доходят лишь самые употребительные приметы, а самые интересные и ценные уходят из жизни со своими носителями, считаются суеверными, а значит, отсталыми. На самом же деле, использование заговоров, примет, древних ритуалов придает охотничьему промыслу особый одухотворенный смысл.

Литература.

Садова Т. С. Народная примета как текст и проблемы лингвистики фольклорного текста. Автореферат дисс. ... доктора наук. Спб., 2004.

Климов В. Заветный клад. Избранная коми-пермяцкая народная проза и поэзия. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1997.

Е.Н. Свалова,
Пермь

Особенности речевого этикета в охотничьей субкультуре¹

В охотничьей субкультуре отмечен такой специфический пласт словесности, часто используемой при исполнении тех или иных охотничьих ритуалов, как приветствия и особые пожелания, словесные этикетные формулы; одновременно выделен набор слов, которые нежелательны на охоте, при выходе на неё, а также при возвращении из лесу. Они маркируют разные этапы промысла, и все их отличает регулирующая и моделирующая функции, способность служить средством психологического, эмоционального и магического самонастроения. Многие из этикетных предписаний, естественно, прагматичны. Например, они продиктованы сугубо целями безопасности: полагается ружьё переламывать (речь идет о ружье с поворачивающимися на шарнире для заряжания стволами), когда случайно встретившиеся охотники подходят друг к другу. Неписанные правила указывают на требования экологии (недопустимо стрелять в птицу, не ставшую на крыло), подмечают самоценность охотничьего азарта (нельзя отстреливать гонного зверя из-под чужой собаки — запрет связан с тем, что, убив «чужого» зверя, вы лишаете кого-то радости преследования, гона, который для истинного охотника гораздо важнее самого трофея).

Известное пожелание удачи охотнику *ни пуха ни пера* (встречается также в варианте *ни шерсти ни пера*) строится на эвфемии перо «птица», пух — «звери» (аналогичную струк-

1 Статья выполнена в рамках гранта 029а-Ф «Этнические культуры Прикамья: генезис и современное состояние».

туру имеет современное напутствие охотнику *ни рогов ни копыт!*). Прогнозирование успеха в таких пожеланиях связано с действием от обратного — пожелание «неуспеха» в деле призвано скрыть истинный смысл намерений охотника. Очевидно также, что отрицается в приведенных примерах не добыча как таковая (мясо, мех животного), а то, что не представляет интереса для добытчика (рога, копыта). В шутовском пожелании неудачи охотнику *мясо мясоятам, кожа коженятам!* — также охотнику желают остаться без добычи (пересылая её мифическим мясоятам и коженятам). Неологизмы мясоята и коженята поддерживают шутовской характер выражения, за счет их введения охотник как бы устраняется из дела. Выражение *(чтоб) в белый свет как в копеечку* содержит совет охотнику промахнуться и также представляет попытку «засекретить» истинную цель охотника.

Отмечены в охотничьей речи особые «извинительные» формулы, используемые как оправдание перед убитым зверем: *извини, это не я тебя убил, а русская пишаль* (Б. Коча, Кочевский район). В выражении *не надо путать охотника с пнём* охотник намекает на невнимательность, несообразительность зверя. Таким образом, роль охотника в процессе добычи зверя снижается, а ответственность за убийство перекладывается на жертву.

Поздравление *с полем!* в адрес охотника, добывшего птицу или зверя, является традиционным и широко распространено в охотничьей среде. Само слово поле является основой для многих лексем, входящих в охотничий словарь: *вечернее поле* ‘охота на вечерней заре’, *заполевать* ‘добыть’ и т.д. Паремия *с полем!*, выражает солидарность с тем, кто причастен к охотничьей удаче, связана с пониманием охоты как вверения себя природным силам и воле случая (сходным образом в фольклоре богатыри выходят на поединок в чистом поле). Используется слово поле и в окрике, предупреждающем охотника о пришедшем на него звере — *Береги поле!* в этом предупреждении предписывается по сути беречь саму охоту (процесс), то есть быть начеку и суметь вовремя и верно среагировать на зверя, оценить каждый момент поединка со зверем. Данное выражение не содержит предупреждение об опасности, а выступает как некий условный пароль, дающий разрешение на выполнение конкретных действий; лаконичная форма делает его афористичным, легко воспроизводимым.

Особо ответственными на охоте считаются такие моменты, как выход на охоту, момент добычи зверя, возвращение домой. Именно они маркированы ритуалами, предполагают исполнение разнообразных обрядовых акций и соответственно особый этикет. Так, начальный этап включает в себя исполнение большого круга символических действий. В запрете перед охотой дуть в ствол ружья, чтоб не спугнуть удачу (Нытвенский район), используется идея сдувания, которое часто используется в обрядах как акт очищения (ружьё, очевидно, будет «лишено» хранящейся в нем силы). Известны разнообразные магические способы подготовки ружья и вообще снасти: *перед охотой клали в кружку с водой крестик и ставили её перед иконами — для удачи, а когда выходили из дому на охоту, этой водой брызгали ружьё, нож, топор* (Косинский район). Многие из такого рода действий сопровождалось произнесением особых ритуальных формул, а также чтением определенных наговоров, запретом на определенные действия или произнесение определенных слов. Так, *выходя из дома, охотник старался пройти по одной половице* (Верещагино), *Когда хозяин собирается на охоту, нельзя отдавать из дома соль* (Красновишерск), *нельзя мести и выносить мусор: «Хоть неделю проживет отец в лесу, хоть больше, пол в доме не трогают. Если отец завтра собирается идти в лес, мама пол вымоет или подметет. Всю неделю ждут, пока полный мешок белок не настреляет. Подметать нельзя в доме. И стирать нельзя. Ничего нельзя делать. Сиди и всё. Лес не шутка»* (с. Пуксиб, Косинский район).

С этикетными запретами связано использование в охотничьей речи лексики с «этической» коннотацией, и прежде всего эвфемической. Хорошо известно, что охотники чрезвычайно суеверны: в охотничьем промысле всегда велика роль везения, удачи. Кроме того,

нередко на охоте возникает прямая опасность для самого охотника; в целом ряде случаев в связи с этим охотники избегают прямых номинаций. Также запреты отражают бытующие в субкультуре морально-этические императивы и нормы.

Эвфемический, если даже не табуистический смысл носят названия некоторых зверей — чёрный зверь, космач, мохнач, хозяин о медведе. В одном случае эвфемия создается метонимической описательностью (общим указанием на цвет, форму шерсти), обращением к родовому названию (ср. также частое зверь лось), в другом — задабривающим уподоблением опасного зверя родственнику: *дядя, лесной свёкор* о медведе. Аналогично в народной речи табуируется имя болезни: *тетка, мачеха* лихорадка. Выражение *мохнато ухо* иносказательно обозначает медведя («*Мохнато ухо коров обижат*» — Светлица, Косинский район). Слово *остроушка* (и выражение острое ухо) используются как названия собаки лайки («*Острое ухо — это лайка. Исключительная собака, такой интуиции нет ни у какой другой*» — Пермь). Эти эвфемизмы строятся на перенесении на всё животное одного из наиболее его заметных (но не самых главных) признаков (ср. построенное также на указании на внешние черты животного коми-зырянское *кузькок лось* — букв. «длинная нога»). Если потребность в иносказательном обозначении медведя связана с его повышенной мифологичностью и с исходящей от него вполне реальной опасностью, то ассоциативно завуалированное, отстраненное название лайки мотивировано своего рода культом этого лучшего помощника охотника. Суеверные представления охотников о том, что ружье может постигнуть порча, отражаются в создании ряда эвфемизмов для слова *ружьё* типа *клюка* («*Дед мой никогда не говорил ружьё, говорил клюка*» — Антипина, Красновишерский район). Соотнесение ружья с палкой с изогнутым концом, тростью для ходьбы (а также с кочергой) осуществляется охотником из желания засекретить оружие.

Охотничья эвфемия проявляется в словах, входящих в семантическое поле «убивать»: *уронить зверя, стукнуть, взять, опустить (птицу) вниз* (выстрелив в нее влёт). Устойчивость некоторых эвфемизмов такова, что на их базе создаются все новые и новые номинации. Так, активны в пермской охотничьей речи слова *рон, ронкий*, родственные глаголу *ронять*. Если сочетание *ронкое ружье* обозначает ружье с высокой поражающей силой, то словом *рон* может быть названа и убойная сила ружья, и сама добыча: «*Что на ружьё взято, дома кошке нельзя давать. Пёрышка даже в зубах чтоб не держала. Кошка чтобы возле ружья не ходила, иначе удачи не будет, рону не будет*» (д. Чашкино, Соликамский район).

Показательны также запреты на прямое называние смерти зверя. Глагол *дойти* используется в пермской охотничьей речи в значении 'погибнуть от выстрела' — о звере («*Попал точно в темя под рога — тут лось сразу дойдёт*», Красновишерск). Устойчиво этот глагол используется как ритуальный возглас охотника, которым он сообщает коллегам, что зверь взят («*Если зверя охотник взял, он обязательно сообщает другим — «дошёл!»* — Пермь). Прямо охотники стараются не говорить о смерти или гибели своей собаки, используя вместо этого слова и выражения типа *истратиться* («*Кобелёк был, в прошлом годе истратился. Под конец и ходить не змог*» — Кебраты, Гайнский район), собаку *просватать* 'потерять собаку на охоте' («*Одну собаку просватал на охоте — волк поймал и передал. Шарик был, чёрной пес, здоровой, а куда ему с волком*» — Юрла).

Таким образом, разнообразные охотничьи правила поведения, складывавшиеся столетиями, закрепляются в словаре охотничьей речи. Многие из этих правил отражают архаичные культурно-мифологические формы, выражают сугубо охотничий взгляд на мир природы. В промысловой речи Прикамья отмечается большое количество устойчивых этикетных формул и слов, употребление которых вызвано установками на особое речевое поведение.

Рисунки Николая Шахова из собрания Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН как иллюстрация охоты народов нижнего течения Оби

Визуальные источники являются одним из важнейших средств познания во многих областях науки, в том числе и этнографии. Их использование не только позволяет фиксировать те или иные явления и события, но и дает возможность последующего, отсроченного во времени научного анализа. Современная визуальная антропология обладает блестящими возможностями фиксации почти всех сторон существования традиционной культуры народа. Подчеркивая таким образом значимость визуальных источников, мы должны помнить, что они появляются намного позже устных и письменных источников. Все это применимо и к Тобольскому Северу.

Хотя данная территория под именем Югры становится известной в русских летописях с XII века, основная масса сведений о ней появляется лишь в XV столетии. Как ни странно, это было вызвано в первую очередь громадным интересом западноевропейских ученых, купцов, да и просто авантюристов к той неизвестной земле, которая снабжала Московское государство, а через русских купцов и Европу пушниной. Появляется большое количество различных сочинений, в которых Югре и ее жителям уделялось значительное место (Аделунг.1864; Ключевский.1918; Алексеев.1932). Но в них мы встречаемся только со словесным описанием жителей этой далекой и загадочной страны. В первую очередь это было связано с тем, что издававшиеся как в Европе, так и в Московском государстве исторические и географические сочинения крайне скудно иллюстрировались.

Фактически такое положение сохраняется вплоть до второй половины XVIII века. Участниками Второй Камчатской или Великой Северной экспедиции и так называемых «академических» экспедиций был собран значительный научный материал по многим народам Российской империи. а так как эти экспедиции уже сопровождали специально назначенные рисовальщики и художники, именно с того времени начинает накапливаться и визуальная информация об этих народах. Впервые письменные сведения о народах Тобольского Севера попытался проиллюстрировать рисунками Иоганн Готлиб Георги (1729-1802), русский натуралист, путешественник, этнограф, историк, академик Императорской академии наук, в своем уникальном «Описании всех обитающих в Российском государстве народов...» (Георги. 1776, 1779).

К числу наиболее информативных иллюстративных источников по традиционной культуре народов Тобольского Севера до настоящего времени остаются уникальные рисунки Николая Шахова, которые хранятся в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (коллекция 5753). Они переставляют собой шесть многокомпозиционных живописных панно или штор, обрамленных орнаментальным бордюром и исполненных по миткалю водяными красками. Их размеры колеблются от 130 до 132 см. в длину и от 78 до 80 см. в ширину. Выполнены они на сшивной ткани, ибо у художника не было под рукой цельной полосы, которая бы устраивала его композиционный замысел, и он был вынужден сшивать в одно целое два разных по размеру куска. Эти полотна дают исследователю широкую картину хозяйства и быта, предметов утвари и орудий охоты и рыболовства народов нижней Оби.

Рыболовство. Из орудий лова на рисунках мы встречаем калданную сеть. Показан ряд способов лова рыбы: с лодки сплавом, неводом, т.н. «сежей», с помощью «морды», «заезки», «запора» и т.д. Тут же изображены различные рыболовецкие приспособления: весла, багры, колотушки, пешни и т.п. Мы видим несколько типов лодок: легкую долбленку — калданку,

большие каюки как с парусом, так и с веслами. Шторка 5753-5 фактически полностью посвящена рыболовству, на ней показан весь спектр приспособлений для ловли рыбы на реке.

Охота. Этому занятию посвящена шторка 5753-6, озаглавленная как «Волости сосвинские и лапинские промыслы». Она дает информацию о промыслах манси по рекам Сосьва и Ляпин. Композиционно он разделен на несколько горизонтальных полос, на которых в основном изображены охота и оленеводство местных жителей. Здесь мы видим ловчую изгородь с проходами в ней. В прошлом такие сооружения очень часто использовались при охоте на крупного зверя. Чаще всего такие изгороди ставились, чтобы ворота находились на тропе передвижения диких северных оленей или лосей. Такая изгородь могла тянуться на многие километры. В створе ворот обычно устанавливали настоженные самострелы, которые приводили в движение пробегающие олени. Иногда зверей загоняли в эти ворота сами охотники. Что здесь является примечательным, так это изображение убитого медведя. По большому счету, о таком способе охоты на медведя сведений нет. В.Н. Чернецов писал, что при описании этой технологии охоты Н. Шахов ошибается: на его рисунках оперенные стрелы, которые не могли употребляться в самострелах. На самом деле это не так. Но при внимательном и увеличенном рассмотрении видно, что олень и лось убиты неоперенными стрелами, а медведь — оперенной. Интересно художником выполнена охота на медведя с рогатиной. Именно такой способ охоты на этого зверя был характерен для обских угров. на этой шторе внимание В.Н. Чернецова привлекло то, что некоторые персонажи одеты в вязаные шерстяные чулки. Они не были характерны манси, и в этом исследователь усмотрел влияние родной для художника зырянской среды. В.Н. Чернецов считает сомнительным бытование зырянских вязаных чулок в начале XIX века в этом регионе. Действительно, вязаные шерстяные чулки широко бытовали у коми-зырян, в том числе и у ижемцев, которых на Тобольском севере до настоящего времени называют зырянами. У охотника в красном меховом колпаке как раз на чулках очень характерный для ижемской традиции узор в поперечную полоску. Когда они появились, определить трудно, но все исследователи, бывавшие у коми в течение всего XIX столетия, отмечают этот элемент народной культуры. А нельзя ли предположить, что изограф просто изобразил здесь коми-зырян? Ведь В.Н. Чернецов отмечает еще одну деталь, которая присуща именно этим персонажам — наличие платка, закрывающего сзади шею охотника, что также было принято у коми-зырян. Есть еще одна деталь, на которую не обратил В.Н. Чернецов. Именно одетые не по-мансийски охотники изображены с ружьями. Ружье как орудие охоты появляется только на этой шторке и причем только у нескольких охотников. Первая коми-зырянская семья обосновалась в Ляпине в 1842 г., хотя они кочевали и охотились в этих районах и раньше. Поэтому изображение коми-зырян на картине Н. Шахова вполне правомерно.

Все манси изображены только с луками. И это понятно, лук был основным оружием населения таежной полосы. Он делался из дерева, а его размеры довольно значительны: общая длина лука со снятой тетивой доходила до 2 метров. Процесс изготовления подобного оружия подробно описан этнографами в конце XIX - начале XX века. Лук делался из специально подобранной древесины тонкоствольной сосны, или, в крайнем случае, ели. Но предпочтение отдавалось сосне. Чаще всего использовали дерево, выросшее на опушке леса или на склоне оврага, обращенном к югу. Древесина такого дерева, постоянно находившегося на солнце, называлась «кренево́й» или «кремлево́й». Она отличалась повышенной прочностью, потому что под теплыми солнечными лучами хорошо пропитывалась смолой. Именно такой простой лук мы видим на рисунках Н. Шахова. Но были и сложные луки. Они с помощью специального рыбьего клея склеивались из сосны, березы и черемухи и обвязывались, стягивались саргой — тонким кедровым корнем. Чтобы придать луку согнутую форму, заготовку сгибали с помощью специального приспособления — гибала. Оно представляло собой доску с просверленными отверстиями, куда вставлялись деревянные

стержни, придававшие заготовке определённую форму. Тетива сплеталась из крапивного волокна. Заготовку несколько раз вымачивали в воде, высушивали и промазывали рыбьим клеем, затем полировали и натягивали на лук. Длина стрел колебалась в пределах 60-70 сантиметров. Изготавливались они из тщательно просушенных планок прямослойной древесины. На оперенье шли только маховые перья птиц. На одной стреле перья должны быть одной твердости и обязательно с одного крыла. Обские угры предпочитали для этого перья орла или ястреба.

Далее на этой шторке мы видим изображение Сартыннинского погоста и Ляпинской крепости. Внешний вид последней также интересен для историков, ибо, когда в 1884 г. это место посетил известный путешественник и писатель К. Д. Носилов, то он нашел уже только полуразвалившиеся остатки этой деревянной крепости. Вот что он писал об этой крепости: *«Против с. Саран-паул, на противоположном берегу р. Сыгвы (р. Ляпин) находится полуразрушенная, деревянная с бойницами крепость ... на невысоком, но прежде обрывистом берегу, в бору стоит четырехугольный, 250 фут квадратной площади при высоте стен в 24 фута сруб, сложенный из бревен в виде правильного четырехугольника. На высоте 18 фут стена расширяется на 2 фута с уступом для прохода, на который настлан деревянный из круглых бревен пол. Крыши нет, остались лишь боковые отверстия для стрельбы, как в нижних, так и верхних стенах. С западной и восточной стороны, по направлению берега, устроены полукруглые, аркой двери».*

Но в рисунках имеются и некоторые неточности. Так, например, еще В. Н. Чернецов отмечал несоответствие изображенных изогнутых луков прямым лукам, которые употреблялись манси. Есть одна странность — два лыжника держат в руках посохи, которые заменяли собой современную лыжную палку. Действительно, как манси, так и коми, пользовались таким приспособлением. Он представлял собой палку с кольцом на одном конце и металлическим наконечником и лопаткой на другом. Лопаточкой пользовались при установке ловушек зимой. Н. Шахов ошибся в том, что посох перевернут — лопаточка должна быть вверху.

На других дополнительно изображена охота на гусей путем загона в сеть, охота на белок луком, а также охота на диких оленей с помощью ловчей загородки. Автор несколько неверно изобразил загородку в виде жердевого забора в 7-8 прясел (жердей), тогда как ее обычно устраивали в 2 жерди. Художник отдельно выделил пешую охоту на оленей с луком и на лыжах в лесу, а также охоту на медведя. Имеется изображение охоты на уток с помощью «перевесов» — специальных сетей, натягиваемых на пути перелета уток с одного озера на другое. Это способ охоты сохранился у хантов фактически без изменений до 1930 годов [Руденко 1929].

Оленеводство. Изображены традиционные шестикопыльные нарты — ездвые и грузовые. Кстати, обозначенный способ обвязки поклажи на нартах такой же, как и теперь. Подробно нарисована богато орнаментированная оленья упряжь. Казымские ханты не занимались кочевым оленеводством, а содержали оленей около стойбища. Поэтому на шторке 5753-4 мы видим загон для оленей с сараем для дымокура, куда ставили животных для защиты от комаров и других насекомых. Зимнее кочевое стойбище сосьвинских хантов показано на шторке 5753-6.

Из средств передвижения очень тщательно изображена собачья нарта. Устройство нарт и способ упряжи очень архаичны, подобная встречается еще у кетов на Енисее. Имеется изображение запряженной в оленью нарту лошади. Ханты очень часто использовали нарту вместо саней.

Постройки. Жилые постройки представлены чумами и временными шалашами на летних рыболовецких стойбищах, хозяйственные — амбарчики «чамия» на столбах с лестницей в виде бревна с зарубками, лабазами, вешалами для сушки рыбы и сетей. Худож-

ник довольно подробно изобразил чум и его внутреннее устройство, в частности, деление на мужскую и женскую половину. Интересен вид зимнего стойбища ханты с бревенчатыми юртами и хозяйственными пристройками и загоном для оленей. Имеется изображение летней юрты, крытой или корой, или берестой.

В первый раз эти рисунки обстоятельно были описаны Валерием Николаевичем Чернецовым [Чернецов 1949] и Кирой Александровной Большевой [Большева 1949]. Тогда же В.Н. Чернецов, сам блестящий знаток истории и этнографии Тобольского Севера, отметил исключительно высокую информационную ценность этих рисунков. По его мнению, «они являются единственными или почти единственными иллюстрациями к таким темам, как собачья упряжка цугом, охота на крупного зверя с луком и т.д.». Несколько ранее известный советский историк А.И. Андреев также указал на эти рисунки как крайне мало используемый исследователями очень ценный источник по этнографии народов Сибири [Андреев 1939]. Эти рисунки упоминаются с 1878 г., когда академик Л.Н. Майков показал их на заседании Русского Археологического общества. По его сведениям, рисунки Н. Шахова были присланы в Географическое Общество в 1849 г. и датировались Л.Н. Майковым временем правления императрицы Екатерины Великой.

Так как никто из предыдущих исследователей не указывал, от кого именно и как они поступили, то мною в 2005 г. было высказано предположение, что в Петербург они были привезены участниками Уральской экспедиции Русского Географического Общества 1849-1850 гг. под руководством К.Э. Гофмана, члены которого работали на Полярном Урале и в низовьях Оби, в частности, в Обдорске (Салехарде) [Терюков 2005]. Где позднее хранились эти материалы неизвестно, ибо в МАЭ они поступили лишь в 1939 г., когда были куплены у гражданина Т.Л. Баранова. Тогда же они и попали в поле зрения А.И. Андреева и В.Н. Чернецова.

Сегодня можно конкретно сказать, что рисунки Н. Шахова были переданы в ИРГО действительно в 1849 г. березовским 3-й гильдии купцом Степаном Федоровичем Плехановым, который был избран членом-сотрудником ИРГО [Географические известия 1849: 4]. Позднее от него поступили в РГО предметы быта народов нижней Оби и план Обдорского Острога [Вестник ИРГО 1851: 29]. В 1865 г. на Годовом собрании ИРГО было отмечено о кончине «принадлежавшем к числу усерднейших членов-сотрудников Общества Степана Федоровича Плеханова» [Отчет ИРГО 1865: 11]. Только остается сожалеть, что имя С.Ф. Плеханова как дарителя этой коллекции рисунков было забыто на такое долгое время.

Конкретные сведения о самом художнике Николае Шахове до настоящего времени неизвестны. Авторство устанавливается только на основании подписей к картинам. Сегодня можно заметить, что он не был профессиональным живописцем, а был самоучкой, работавшим в жанре так называемого «примитивного искусства». В.Н. Чернецов считал его выходцем из обдорских (салехардских) коми, переселившихся туда из с. Ижма, среди которых, по его мнению, эта фамилия встречается достаточно часто. Здесь нам только остается согласиться с мнением В.Н. Чернецова, который неоднократно бывал на Оби и прекрасно знал жизнь обитавших по его берегам народов, но хотелось бы заметить, что Шаховы не ижемская фамилия, у коми она часто встречается на Верхней Вычегде. Известно, что по Вычегде пролегал один из первых путей в Сибирь, и часть вычегодских коми несколькими волнами переселилась за Урал по мере колонизации этой территории Русским государством. Там они записывались в казаки, становились мелкими торговцами, сборщиками дани, охотничали, сеяли хлеб и т.д. В.К. Белобородов считает этого художника одним из представителей популярной на Тобольском Севере русской казачьей фамилии. Но ему не удалось найти среди березовских Шаховых, кто бы из них был художником или же просто рисовал [Белобородов 2004].

Известна еще одна подписная работа этого художника, которая в настоящее время хранится в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповедни-

ке — «Война остяцких племен». Странно, что эта картина, по сути подписанная Н. Шаховым, опубликована недавно как работа «неизвестного автора». По данным В. Н. Чернецова еще в 1949 г. в Географическом Обществе находилась писанная маслом картина «Ярмарка в Березове», датированная 1855 г. и подписанная «Н. Шахов», к сожалению, местонахождение её в настоящее время неизвестно.

Вернемся к вопросу о датировке этих изображений. Л.Н. Майков, а вслед за ним и К.А. Большева считали, что рисунки были выполнены в конце XVIII века. Основанием для такого вывода послужило изображение на первой шторке стойбища обдорского князька, бывшего в то время фактически главой всех *«инородцев Обдорского края»*. В этот период им был самоедский (ненецкий) князь Матвей Тайшин. По-видимому, он и изображен Н. Шаховым в центре шторки в доме в окружении остальных старшин. Их одежда, украшенная золотным шитьем и галунами, была идентифицирована этими исследователями с той, которая действительно была поднесена М. Тайшину от имени императрицы Екатерины II. Кроме того, К.А. Большева в своей интерпретации датировки этих рисунков исходит из практики внешнего оформления рукописных и печатных карт XVIII века, в первую очередь, по наличию картуша с названием и автора карты. Но она не обратила внимание на то, что картуши в XVIII веке были круглые, а на рисунках Н. Шахова они прямоугольные, напоминающие больше таблички к картинам. Да и сам бордюр рисунков больше напоминает раму картины. С чем можно согласиться с К.А. Большевой, так с ее выводом о том, что рисунки Н. Шахова вписываются в ряд русских географических чертежей и карт XVIII века, начатый 1701 г. «Чертежной книгой Сибири» Семена Ремезова [Ремезов 1882].

Действительно, рисунки Н. Шахова можно назвать иллюстративным чертежом Обской губы и нижнего течения Оби, выполненным в плоской проекции без масштаба и географических координат. Но тут возникает другой вопрос, откуда Н. Шахов знал такие карты. Понятно, он мог знать ремезовский «Чертеж», исполненный в Тобольске, но он не имеет этнографических рисунков. Иллюстрированной была его «История Сибири». В истории русской картографии XVIII века есть только одна иллюстрированная карта, которую Б.П. Полевой ошибочно называет «Этнографической картой Сибири» [Полевой 1997]. на самом деле речь идет о рукописной карте 1729 г. лейтенанта Петра Чаплина «Карта пути 1 Камчатской экспедиции от Тобольска до Камчатки с этнографическими изображениями», участника экспедиции В. Беринга. Она представляла собой карту с изображениями некоторых народов Сибири, в том числе самоеда (ненца). Хотя о ней было известно и существовало несколько ее копий, хранившихся, кроме России, в Германии и Швеции, во времена Н. Шахова ее публикаций не было [Марков 1976]. Она была опубликована впервые лишь в 1996 г. [Monumenta Sibiriae 1996]. Правда, сам В.Н. Чернецов считал, что подобная датировка маловероятна, ибо начертание некоторых букв не позволяет отнести рисунки к XVIII столетию.

На наш взгляд, анализ рисунков дает нам материал, который позволяет не согласиться с мнением Л. Н. Майкова и К. А. Большевой. Это можно сделать с помощью изображения церквей, которые присутствуют на данных панно. Понятно, что в 1949 г. В. Н. Чернецов (как и К. А. Большева) сознательно прошел мимо этого сюжета. Но, тем не менее, он очень важен для наших разысканий.

Так, на шторке 5773-3, где показан Обдорск (Салехард), мы видим внешний вид деревянной Петро-Павловской церкви, построенной в 1823 г. на месте традиционных жертвоприношений ненцев и хантов. Она была воздвигнута после сноса первой, также деревянной церкви 1723 г. постройки, но несколько иного архитектурного вида. По-видимому, это одно из наиболее старых и чуть ли не единственных изображений этого храма, ибо он позднее был разобран и на его месте был выстроен в 1886-1894 гг. новый каменный храм на средства прихожан и купца А. М. Сибирякова. Этот храм был восстановлен в последние годы и действует в наши дни в г. Салехарде [Справочная книга 1913: 36].

На следующем панно 5753-4, озаглавленном художником как «Казымский городок», имеется изображение Казымской (Полоноват-Казымской) Успенской церкви. Ее изображение также уникально, ибо других до нашего времени не найдено, а сама она была разрушена в советское время. Она была построена в 1817 году [Справочная книга 1913: 37]. Изображение этого городка также исключительно важно для понимания структуры небольших крепостных сооружений — острожков, построенных русским правительством при освоении севера Сибири от Оби до Тихого океана. Большинство из них постепенно разрушалось и исчезало без следа. Так, когда И.Н. Шухов в 1914 г. был в этих местах, он сумел описать и сфотографировать уже разваливающиеся остатки этой Казымской или, как еще иначе называли, Юильской крепости, когда-то бывшей местом сбора ясака, суда и расправы, местом нахождения администрации [Шухов 1915: 104]. на картине же Н. Шахова мы видим устройство Казымского городка достаточно зримо, и её сопоставление с фотографиями, выполненными И.Н. Шуховым (фотографии хранятся в МАЭ), только подтверждает точность рисунков Н. Шахова.

Таким образом, используя эти сведения, можно сделать вывод о том, что эти рисунки были выполнены не ранее 1823 года и никоим образом не в конце XVIII века. И тогда не надо придумывать, как это делает К.А. Большева, двух художников-однофамильцев, живших в разное время. Рисунки, хранящиеся в МАЭ, в Тобольске и исчезнувшая картина, датированная 1855 г., выполнены одним человеком, который жил в первой половине XIX в. Причем следует заметить, что Н. Шахов был человеком, знающим не только местные условия жизни и быта. Об этом говорит то, что он был знаком с рядом образцов русских карт и чертежей, а также то, что в своих рисунках он использует некоторые экзотические детали, которые не присутствуют в этом регионе, например, пальмы на изображении г. Обдорска.

Литература

- Аделунг Ф.К.* Критическо-литературное обозрение путешествников по России до 1700-х годов и их сочинений. СПб., - Лейпциг. Т. 1-2.
- Алексеев М.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск. 1932.
- Андреев А.И.* Материалы по этнографии Сибири. XVIII в. // Советская этнография. № 3. 1939.
- Белобородов В.К.* Шаховы в Березове // Славянский ход. 1991-2002. Сургут-Ханты-Мансийск. 2004. С. 67-71.
- Список книг, рукописей и карт, поступивших в ИРГО в 1851 г. // Вестник ИРГО. 1851. Ч.3. С. 29.
- Большева К.А.* Стилевые основы композиций панно Н. Шахова из коллекции МАЭ // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. X. М.-Л. 1949. С. 34-38.
- Отчет о деятельности ИРГО за 1849 год // Географические известия, издаваемые Русским географическим обществом. СПб., 1849. Кн. 1. С. 4.
- Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и прочих достопримечательностей. Часть I-III, СПб. 1776., Второе издание в 1799 г
- Ключевский В.О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. Пгр. 1918.
- Марков С.Н.* Земной круг. Книга о землепроходцах и мореходах. М. 1976. С. 430-432.
- Отчет ИРГО за 1865 г. СПб. 1866.
- Полевой. 1997. — Камчатка XVII — XX вв. Историко-географический атлас. М. 1997. С. 44-45.
- Ремезов С.У.* Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским в 1701 г. Издание Археографической комиссии. СПб., 1882
- Ровинский Д.Р.* Подробный словарь русских граверов XVIII — XIX вв. СПб. 1895. Т. 2.
- Руденко С.И.* Перевес. // Материалы по этнографии. Т. IV. Вып. 2. Л. 1929.
- Справочная книга Тобольской епархии. Тобольск. 1913.
- Терюков А.И.* Материалы к иконографии населения Тобольского Севера // Славянский ход. 1991-2002. Сургут-Ханты-Мансийск. 2004. С. 50-66.
- Терюков А.И.* Шторы работы Н. Шахова из собрания МАЭ. к вопросу о датировке. // Радловские чтения. 2005: Тезисы докладов. СПб. 2005. С. 119-122.
- Шухов И.Н.* Из отчета о поездке весной 1914 года к казымским осякам. // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 3. Пг. 1915. С. 103-112.
- Чернецов В.Н.* Быт хантов и манси по рисункам XIX века. // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. X. М.-Л. 1949. С. 7-33.
- Monumenta Sibiriae. Quellen zur Geschichte Sibiriens und Alaskas aus Russischen Archiven. Gotha. 1996.

Томилина М.А.,
Пермь

Выражение представлений о смерти/гибели в русской и коми-пермяцкой охотничьей традиции

Наше сообщение посвящено эвфемизации образа смерти в речи русских и коми-пермяцких охотников. Эвфемичность смерти используется давно, она связана, прежде всего, с появлением в древности различных табу.

В лингвистике обычно под эвфемизмом подразумевают «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов и выражений, представляющих говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [ЛЭС 1990: 580]. Согласно мнению Д. Н. Шмелева, эвфемизм — воздержание от неподобающих слов, смягченное выражение, служащее в определенных условиях для замены таких обозначений, которые представляются говорящему нежелательными, не вполне вежливыми, слишком резкими. Эвфемизмом называют смягчающее обозначение какого-либо предмета или явления, более мягкое выражение вместо грубого, при этом обычно обозначение не прямое, перифрастическое.

Табу — этнографическое понятие, касающееся и языка. Табу обозначает запрет, возникающий в сфере общественной жизни на разных ступенях развития общества. Исходя из разных предпосылок, такой запрет может распространяться и на факты языка. Так, у народов, находящихся на разной стадии развития, табу на слова возникает в связи с мифологическими верованиями. Вся повседневная и обрядовая жизнь человека ограничена запретами, или табу. Существовали табу, связанные с охотой, рыболовством, со страхом перед болезнями, с верой в домовых, в “сглаз”, порчу и т.п. Видный этнограф и фольклорист Д.К. Зеленин считал, что первые словесные запреты возникли из простой осторожности первобытных охотников: они думали, что чуткие звери, понимающие человеческий язык, могут их подслушать и поэтому избежать капканов или стрел. с древнейшими представлениями о том, что животные понимают речь человека, Д. К. Зеленин связывал также переговоры с животными в быту, которые позже переросли в заклинания. Чтобы не разгневать «хозяина тайги», избежать болезни или другой беды, не потревожить души умершего, запрещалось произносить имена, названия болезней, животных. В настоящее время метафоризация названий животного сохранилась в некоторых заклинаниях: *Небыт гёна, шонді сина, тэ бо-клань эн кеж, бёрлань эн берт, вевдөрөт эн чеччөвт. Мун веськыта аслат осьтаё, менам чомё* («Мягкошерстный, солнцеглазый, не сворачивай с тропки, не ходи назад, не прыгай поверху, иди прямо в свою дыру, в мой чом (клеть, кладовка)» [Климов 2007: 269]; *Небыт бёжокиньёй, кузь пелёкиньёй, мун петля пыр, эн орддьы. Аминь, аминь, аминь* («Мягонький хвостик, длинноухонький, иди сквозь петлю, не обойди. Аминь, аминь, аминь»). В первой части наговора здесь используются задабривающие слова и выражения. Следующим выражением добыча направляется в ловушку, ей дается правильное указание, назначение места. В других заговорах идет обращение к ловушке, к деталям ловушки, для того чтобы не осеклось, чтобы все сработало вовремя и точно. Так, например, в наговоре на *клеста* (уркай) используются слова *ва* (вода) и *би* (огонь). Они несут магический характер: *Уркай, веж-кай, менам пезим вылө, калябуч, клёч, өтёрын би, мөдёрын ва, ме кутан вылын сiя* («Клест, желтая птица, садись на мою ловушку, калябуч, клеч, с одной стороны — огонь, с другой стороны — вода, на моей ловушке всегда»). Эвфемизм *вежкай* (буквально «желтая птица») создан за счет общего указания на цвет птицы.

Если табу, соблюдаемые охотниками и рыбаками до промысла и во время него, продиктованы суеверием, то столь же тягостными будут и табу после совершения убийства, еще более обязательные. Финно-угорские охотники вешали голову убитого медведя на дерево,

где, по их мнению, обитают души предков [Петрухин 2005: 73]. У некоторых народов существовал также запрет на уничтожение костей всех животных, употребляемых в пищу, потому что, по их мнению, если сохранить кости, они смогут со временем обрести мясом, и животное возвратится к жизни. Если нарушить этот запрет, то это приведет к сокращению добычи в будущем.

Особое почтение оказывалось убитому ценному зверю. Устраивался ужин из лучших продуктов, подчеркивалось, что еда варится в честь «почетного гостя». а перед началом трапезы его приглашали к котлу. Разговоры охотников были посвящены во время этого эпизодам прошедшей охоты, причем о добытом звере отзывались только доброжелательно [Конаков 1983: 191].

Отдельное место в охотничьем промысле занимает добыча медведя. Перед началом охоты варили в котлах ритуальное блюдо — сладкую кашу из ржаной муки и ставили перед охотничьей избушкой, чтобы «угостить» медведя, иначе охота будет неудачной. Если зверь «поел» — идут на него, если нет, охота откладывается. У убитого медведя нужно было сразу извлечь сердце, иначе он мог ожить (Записаны истории типа следующей: когда убитый медведь лежал в центре окруживших его охотников, а убивший его юноша хвастался своим мастерством. Вдруг медведь ожил и напал на людей, но более расторопный охотник добил его. После этого тотчас же вытащили сердце медведя. [Петрухин 2005: 218]). Также перед убитым медведем принято извиняться, говоря: «Эн лӧгав. Эг ме тӕнӧ вий, вийис роч пишаль» («Не сердись. Не я тебя убил, убило русское ружье»). У удмуртских охотников к убитому медведю обращались со словами: «Дедушка, не гневись! Юноши тебя убили по ошибке, случайно. Юноши не ходили тебя искать, запутанные собакой, они совершили ошибку». Хантыйские охотники бегали вокруг туловища медведя и вели с ним диалог: «Кто тебя убил?» — «Русские». — «Кто тебе голову отрубил?» - «Русский топор». — «Кто тебе распорол брюхо?». — «Нож, который сделали русские» [Конаков 1983: 194].

Эвфемизмы для наименования смерти возникают, когда источником табуирования служат суеверия и предрассудки. Например, из страха навлечь смерть, а также из морально-этических соображений вместо «умер» говорят «отправился к праотцам», «отдал богу душу», «приказал долго жить».

С большей очевидностью охотничья эвфемия проявляется в словах, входящих в семантическое поле «убивать»: *уронить зверя, стукнуть, взять, опустить вниз* (выстрелив в птицу в лёт). Устойчивость некоторых эвфемизмов такова, что на их базе создаются все новые и новые номинации. Так созданы в пермской охотничьей речи слова *рон, ронкий*, родственные глаголу *ронять*. Если сочетание *ронкое ружье* обозначает ружье с высокой поражающей силой, то словом *рон* может быть названа и убийная сила ружья, и сама добыча: «Что на ружьё взято, дома кошке нельзя давать. Пёрышка даже в зубах чтоб не держала. Кошка чтобы возле ружья не ходила, иначе удачи не будет, рону не будет» (зап. в д. Чашкино Соликамского района).

У коми-пермяцких охотников, как и у русских, также отмечено большое количество глаголов-эвфемизмов к понятию «убить» (обычно образного, метафорического характера). Это такие слова, как *кутны* 'поймать', *паздыны* 'разбить', *пишаллез насӧвтчӧны* 'ружьями размахивают', *керны (яй)* 'сделать (мясо)', *заптыны* 'запасти', *пӧрӧтны* 'уронить' и т.д.: *Кышаласӧ шатиннӧз вылӧ шёлковӧй казсьӧ, кӧдӧ Иван-царь козьналіс, сувтӧтасӧ ю пӧлӧн. Лӧбзясӧ уткаӧс да казяс и сюрасӧ. Не ӧтік сотняӧн, висьтасьӧны, шедлӧмась. Нюжӧтасӧ пуӧз вылӧ — сразу сто ур кыясӧ* ('Растянут на высоких шестах тенёта шёлковые, Иван-царём даренные, — летят утки по реке да в тенёта залетают. По триста, сказывают, залетало. Растянут на деревьях тенёта шёлковые, Иван-царём даренные, — сразу в тенёта сто белок имали'); *а тӧ, зонӧ, бурӧ вӧрмӧссӧ Сенькашор дорас пӧрӧтӧмыт* ('А ты, сын мой, хорошо лося возле речки свалил'); *Эг повзъы, но меным талун коліс бы видзӧтны лось петляз.*

Вотаси, бытътö ыджы-ы-ыт кышасьöма («Не испугался, но мне сегодня нужно было бы посмотреть ловушки для лосей. Приснилось, будто большой зацепился»).

Такая эвфемизация сохранилась и в детском фольклоре при ловле мелких птичек:

*«Кай, кай, прилетай,
Пезин вылö пуксьы,
Калябечсö чужйы»*

(«Птичка, птичка, прилетай, Садись на ловушку, Пни по насторожке!»)

[Конаков 1983: 229]

Стоит отметить также, что по многим языковым примерам проявляется почти мистическое отношение охотника к охотничьей собаке. О смерти, гибели охотничьей собаки всегда говорится иносказательно — собака *сгасла, завяла, истратилась*. Эвфемическое выражение *собаку просватать* ‘потерять собаку на охоте’ строится на известной народной аналогии смерти и брака (ср. о смерти пожилой женщины пермское выражение *Иван Грбович посватался*). Выражение *с собаки сбиться* ‘потерять везение на хороших собак после смерти особенно любимой’ также выражает суеверное представление о мистической зависимости охотника от собаки.

Иноговорение отражает рефлекс древнего мифологического сознания охотника-промысловика. Если когда-то, в давние времена, эвфемизмы были неотъемлемой частью охотничьего процесса, от их использования зависела удача при деле, то теперь это явление в большей степени несет эстетическую функцию.

Литература

Климов, В. В. Корни бытия. Этнографические заметки о коми-пермяках. / В. В. Климов. — Кудымкар: Коми-Пермяцкое книжное издательство, 2007. — 367 с.

Конаков, Н. Д. Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX — начале XX в. / Н. Д. Конаков. — Москва: Наука, 1983. — 248 с.

Петрухин, В. Я. Мифы финно-угров / В. Я. Петрухин. — Москва: Астрель АСТ Транзиткнига, 2005. — 463 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцева. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - 682с.

Чагин Г.Н.,
Пермь

Обряды и ритуалы, связанные с охотой, у крестьян верхней Колвы и Печоры

Охота в суровых природных условиях существования, сопряженная с риском промысла, сформировала на Урале особый тип русского охотника, характеристику которому высказали разные очевидцы. «Колвинский крестьянин самый истый охотник, если кто-то пожелает ему подражать, то не сможет; он сноровистый, смелый и очень удачливый» [Белдыцкий 1880:19-20]. «Охотники Тулпанской волости имеют врожденную сметливость, мудрый опыт дикаря, уже давно сжившегося с суровой северной природой и к ней вполне приспособившегося». [Чесноков 1908]. «Старого опытного охотника по всей Колве зовут лесным волком, он обязательно найдет следы зверя и домой возвратиться с добычей» [Воропай 1880:150].

Сложилось сезонное ведение охоты. Осенний сезон повсеместно начинался с Воздвиженья (14 сентября) и прерывался накануне Рождества (25 декабря). Весенний сезон открывали со Сретенья (2 февраля) и завершали накануне вскрытия рек. В целом «лесовали» каждый год по 5 месяцев. Естественно, этот показатель говорит о большом экономическом значении охоты.

Первый по времени промысел — охота на рябчиков обычно недалеко от дома. Охотились с собаками, с *пищиками* — свистками из гусяного или лебединого пера. Затем шли

на добычу глухарей, тетёрок, а если «*поспела*» белка — *векша*, то и на нее. На хорошую добычу белки можно было рассчитывать в том случае, если имелся урожай кедровых орехов.

Сезон охоты на белку назывался *белкованием*. «*Время белкования, — отмечал А.В. Елисе-ев, побывавший на верхней Колве в 1879 г., — это самое интересное время северного охотника. Он живет тогда в глухой тайге целыми артелями, добывая белок и прочее зверьё. Сколько искусства требуется при этом от него, чтобы маленькою пулькою из своей самодельной винтовки попасть в голову небольшому зверю*» [Елисеев 1894: 130].

Наравне с практическими навыками, охотники прибегали к различным магическим действиям, направленными на удачный исход промысла. В день отправления на охоту пол в избе не мели, чтобы «*не замести следов зверя*». Из дома ничего не отдавали соседям, «*чтобы удача подфартила*». Если возникала крайняя необходимость, «*могли отдать просимую вещь при условии, если просимый человек снимет крест и оставит его под заклад*». Крест возвращался тогда, когда отдавалась взятая вещь. Сам же охотник шел к тем соседям, которые не занимались охотой. Любую вещь нужно было получить, даже ненужную в данный момент: «*Делалось всё из расчёта на счастье в предстоящей охоте*» [Полевые материалы... с. Тулпан].

Охотники с. Нырб и близлежащих деревень обязательно заказывали молебен «*собачьему богу*» святому Христофору — перед изображением его на стене Никольского храма. Те охотники, которые не могли посетить храм, «*молились у себя дома и мысленно обращались к Христофору с просьбой*» [Полевые материалы... д. Нюзим]. Схожий обряд совершался в Христорождественском храме с. Искор, в котором также имелось изображение на стене святого Христофора [Полевые материалы... с. Искор].

В Нырбской волости совершался обряд очищения одежды, в которой охотник собирался отправиться на промысел. Очевидец обряда описал его так: «*Накануне охотник во всей своей походной одежде и обуви идет купаться в реке. Предварительно туго перевязывает под коленками бахилы, чтобы в них не попала вода. Он и зимой не боится мороза — купается в проруби. Поднявшись из холодной купели, он, что есть мочи, бежит домой. Одевает чистую сухую одежду и лезет греться на печку. Мокрую одежду и обувь сушат у железной печки. Охотник и семья считают, что теперь уж с его тела и одежды смыта всякая порча и злой сглаз*» [ЧКМ. Отдел рукописей: 150].

На *гайтан* — пояс на шее — пришивали маленькую изогнутую косточку, являющуюся остовом полового органа соболя. Такой талисман от «*дорогого зверя*», по убеждению охотника, непременно должен был «*принести охотнику фарт*». Эту же косточку, а также лапки куниц, белки, рябчика, убитых в первый раз, для удачи вшивали в *лузан* — верхняя одежда охотника. Надевали на шею амулет, приготовленный из когтя рыси для оберега охотника «*от внезапного нападения медведя*». Иногда к такому амулету привязывали осколок кости мамонта, рассчитывая на то, что «*у охотника будет сила и бесстрашие*». Кость мамонта считалась и как «*защита от постороннего глаза*». В качестве талисмана брали «*огненную стрелу*» — громовую стрелу (слиток песка от молнии). Верили, что она будет способствовать меткому выстрелу — «*убивать зверя и птицу наповал*» [ЧКМ. Отдел рукописей: 139].

Некоторые охотники не забывали взять с собой деревянные колодочки с вставленными медными иконами и текстами молитв, помещенными внутри коробочки. В начале охоты и после ее окончания читали молитвы и молились перед иконами. В деревнях по верхней Колве в 1920-е гг. можно было наблюдать, как охотник по давно заведенному ритуалу отправлялся на охоту. «*Охотник в полном сборе. Вся его семья садится на лавки. Сидят в молчании. Встают. Все отвешивают три поклона иконам. Отец подзывает детей для благословения. Они подходят к нему и встают на колени. Малого ребенка жена держит на руках. Каждому ребенку отец кладет свою руку на голову и трижды обводит по ней. Крестит ребят и целует. В назидание им говорит:*

– Смотрите, мать слушайте, не балуйте тут без меня.

Подходит к жене, целует ее и говорит:

Нарты. ЧКМ

— Ну, оставайся, живи тут ладом, да смотри, веди хозяйство по порядку, за ребятами следи. Может я месяца два не приду, смотря по тому, какой мне ноне фарт подвернет.

— Ну, ладно, иди уж с Богом. не первый ведь год, как-нибудь справлюсь одна без тебя. Вот только с тобой-то в парме-то ладно бы было. Пооберегайся там.

У самой навернулась слеза. Сморицились губы. Грусть на лице, но плача не слышно. Смахнула слезу и смотрит на последние приготовления мужа.

Охотник впрягся в нарты. Лыжи пока положил сверху на них. на левое плечо повесил ружьишко и легкой походкой двинулся в путь. Собаки вьются около него и пуце прежнего проявляют свою радость. Скрылись из виду. Жена перекрестила путь-дорогу и грустная вернулась домой. За деревней охотник встает на лыжи и идет к становой, затерявшемуся в парме» [ЧКМ. Отдел рукописей: 137-140].

Случалось на охоте, что ружье отказывало. Охотник считал это за порчу. Тогда он совершал обряд выведения порчи. Для «подкуривания» ружья брал пихтовые или вересовые ветки, богородскую траву. Зажигал и дым пропускал через ствол. При этом и сам перешагивал через дым. Для «исправления» ружья перед выстрелом клали на кончик ствола кусочек хлеба. Промывали ствол «кровью застреленного животного или птицы» [Чесноков: 1908]

Бывало, по мнению охотника, что и на собаку попадала порча. В этом случае он тоже «начинал порчу выгонять». В избушке у артельщика «отстригал осторожно клочок волос с головы и часть стельки из обуви». Брал верес, зажигал его и вместе с ним волосы, кусок стелек. Над дымом держал «испорченную собаку». Охотник верил, что «с дымом и порча улетит». Если у охотника падало подозрение на конкретного человека, «испортившего собаку», то он учинял над ним расправу.

Известен также следующий вариант избавления от порчи, записанный на Вишере в д. Потаскуевой: «На охоте лечили себя, ружье и собаку от сглазу подкуриванием. с девяти пихт ломали по одному сучку сухих прутьев, обязательно с красной хвоей и с северной стороны дерева. С одной березы срывали сухое берёсто, в том месте, где ствол дерева сам по себе от каких-то причин разодран. Собирают шерсть и перо в сумке или лузанае, оставшиеся от прежней охоты. Берут 5-10 волосинок со своей головы, часть волос от собаки. Все это перемешивают и кладут на костер, зажженный берестой. Через дым перебрасывают собаку. Охотник с ружьем тоже переходит через дым. Он окуривает себя дымом от собранных во едино всех колдовских предметов. После окуривания охотник был убежден, что свободен от

всех колдовских напастей и с уверенностью продолжал охотничий промысел» [Полевые материалы ... д. Потаскуево].

Иногда снимать «порчу» охотник шел домой: «Ружье в разобранном виде клал в сених у порога, закрывал досками, и все члены семьи ходили через него три или семь дней. После этого промывал ружье кровью дикого животного или четверговой солью» [Полевые материалы... с. Тулпан].

Существовали такие поверья: избегали показа дичи, шкурок зверей посторонним лицам «от сглаза», «не допускали, чтобы кровь зверей и перо дичи попали на нечистоты — погань вредила охоте» [Полевые материалы... д. Дий].

По наблюдениям А. Чеснокова, относящимся к началу XX в., у охотников верхней Колва и Печоры «существует много рассказов про лешаго, который всевозможными проделками пугает охотников, является, например, в виде охотника, предлагающего меняться или ружьями, или собаками и моментально пропадает, или гогочет диким голосом. Верят в лешаго и потому, что считают его покровителем дичи и зверей, и что леший, если кто имеет с ним таинственные сношения, то подставляет под выстрел и птицу и зверя, а у других прогоняет» [Чесноков 1908].

Зная приведенные примеры из жизни крестьян, занимавшихся охотой, естественно предположить, что обряды, приметы, ритуалы были направлены на удачу в промысле. Они отражали как рациональные знания, так и религиозно-мифологические представления. Благодаря им стимулировалось приобретение жизненных благ.

Литература и источники

- Белдыцкий П.В. Очерк современной охоты на Чердынском Урале по р. Вишере // Природа и охота. Т. 2. 1880.
- Воропай И. Записки и очерки о северном крае Чердынского уезда // Памятная книжка Пермской губернии 1880 г. Пермь, 1880.
- Елисеев А.В. По белу-свету: очерки и картины из путешествий. Ч. I. СПб., 1894.
- Полевые материалы автора, полученные в с. Тулпан в 1965 г.
- Полевые материалы автора, полученные в д. Нюзим в 1965 г.
- Полевые материалы автора, полученные в с. Искор в 1962, 1964 г.
- Полевые материалы автора, полученные в с. Тулпан в 1965 г.
- Полевые материалы автора, полученные в д. Дий в 1973 г.
- Полевые материалы Собянина Тимофея, полученные в д. Потаскуево в 1946 г.
- ЧКМ (Чердынский краеведческий музей им. А.С. Пушкина). Отдел рукописей, № НВ-983.
- Чесноков А. Среди кержаков: этнографический очерк // Пермская земская неделя. № 11. 1908.

А.В. Черных,
Пермь

Охотничий промысел в календарной обрядности русских Пермского Прикамья¹

Календарная обрядность представляют «энциклопедией народного знания о мире», вмещающей «целый ряд комплексов, в которых отражена хозяйственная, бытовая, фольклорная, мифопоэтическая и этнолингвистическая традиция народа» [Подюков 2001:4]. Промысловые хозяйственные занятия — рыболовством и охотой также нашли отражение в системе календарных праздников, обычаев и обрядов.

Русский народный календарь в Пермском Прикамье основывался на земледельческих и животноводческих традициях, которые значительно представлены в обрядности. В то же время промысловые занятия нашли слабое отражение в русском календаре Пермского

1 Исследование выполнено в рамках гранта РГНФ № 13-01-00072 «Этнокультурные процессы у народов Урала в конце XIX — начале XXI в.».

М.И. Исаков на охоте в лесу в группе с охотниками. СКМ, Ф1. ОП1

Прикамья, были менее актуализированы даже в тех районах, где охота и рыболовство занимали значительное место в хозяйственной деятельности (см., например о рыболовстве в календарной обрядности русских Пермского Прикамья: Рыболовный словарь Прикамья 2013: 62-66)). Тем не менее, отдельные даты и комплексы календарной обрядности региона связаны с промысловыми занятиями, в том числе охотой.

Праздники и обряды народного календаря выступали датами — сроками начала и завершения охотничьего промысла. В северных районах Прикамья зимний период отводился для промысловых занятий охотой: *«Охотничьих сезонов два — осенний начинается поздней осенью до рождества, весенний — с масленицы и заканчивается со вскрытием рек, когда охотники с упромышленной добычей сплывают на самодельных плотках по рекам...»* (Чердынский уезд) [Введенский 1946: 83].

Первый период охотничьего сезона длился обычно с осеннего *Воздвиженья* (27.09) до зимнего *Николина дня* (19.12) [Белдыцкий 1895: 6.; Чагин 1993: 63.], Рождества или начала Святков [Черных 2006: 281.]. Святочный период занимал особое положение в обычаях, связанных с охотой. В это время, оцениваемое в народной мифологии как мистическое, «страшное», время активизации мифологических персонажей, в том числе и лесных духов, накладывались запреты на охоту: *«На Святки на охоту не ходят, дома сидят»* (Красновишерский район, д. Щугор); *«От Рождества до Крещенья охотиться — грех. С охотником несчастье может случиться»* (Нытвенский район, с. Григорьевское). Этот запрет следует рассматривать в контексте других запретов, связанных со святочным периодом — не топить баню, не стирать и т. д., что также объясняли усилением действия в это время мифологических персонажей и потусторонних сил [Черных 2008: 57.]. С другой стороны, с этими представлениями связано и противоположное предписание: активизировать охоту в этот период, так как *«на Святках зверь лучше ловится»* (Красновишерский район, д. Бычина). В данном контексте мы сталкиваемся с распространенным в традиционной культуре явлением инверсии.

Второй период охоты начинался после Святков, во второй половине января — начале февраля, иногда — с праздника Сретенья (15.02) [Чагин 1993: 63], с Масленицы [Введенский 1946: 83]. Завершение охотничьего сезона приходилось на раннюю весну: охотники возвращались в деревни к моменту вскрытия рек, начала ледохода [Чагин 1993: 63]. Вишерские охотники делали это позднее, только «по большой воде»: *«А весной ведь вода большая, плоты начают, это все погрузят на плоты, мьясо и всё, надо плыть. Делают плоты, и это все на плоты»* (Красновишерский район, д. Акчим). Чердынские охотники временно возвращались в деревню к Масленице: *«Раньше охотники ходили на север, к оленеводам. До Масленицы уходили, к Масленице придут, помоются, опять уйдут до весны. Почти все мужики уходили»* (Чердынский район, д. Черепаново). Запреты на охоту на Святки и возвращение охотников на Масленицу подчеркивает и место праздника как перерыва в череде трудовых процессов. Выделение в охотничьем сезоне двух периодов, с одной стороны, несомненно, связано с разделением и зимнего времени на два периода — до Святков и после Святков, а с другой, и с особенностями промысла: осенью и в начале зимы больше всего охотились на рябчиков, тетеревов, белку, пушных зверей, преимущественно из-за пушнины, а ближе к весне — на лосей, оленей, медведей [Белдыцкий 1895: 6].

Среди весенних обычаев и обрядов — прогностические ритуалы, обеспечивающие удачный промысел в течение предстоящего года. Комплекс очистительных и прогностических ритуалов был приурочен к Великому четвергу — четвергу на Страстной неделе перед Пасхой, в некоторых локальных традициях он совершался непосредственно на Пасху. Чтобы обеспечить успех в охоте, «чтоб дичь попала», в Великий четверг предписывалось стрелять «до солнышка» из ружей (Бардымский район, с. Печмень). Одним из вариантов очистительных действий было окуривание охотничьего снаряжения. В Пасху «для успеха в охоте» окуривали охотничьи снасти: *«Охотники в этот день оружие свое подкуривали»* (Юрлинский район, д. Дубровка). Этот прием очищения промыслового снаряжения мог, кроме календарных праздников, применяться и перед началом охоты, когда «окуривали» и ружьё. С Великим четвергом связаны и обычаи выстраивания коммуникации с мифологическими персонажами, ответственными за охоту: *«В Великий четверг подарки лесному несут, кладут вино, хлебушко. Это сделаться гостем, к нему приходиться, когда идешь охотиться»* (Юрлинский район, д. Дубровка).

Охотник, как один из профессионалов в крестьянском социуме, отмечен как персонаж святочного и масленичного ряженья: *«Вот на Святки сряжались, пужало делали, в охотника наряжались, он с ружьём ходил, сумка такая была, там патроны, фуражка»* (Усольский район, д. Лысьва). Приемы и способы охоты разыгрываются в святочном театре в северо-восточных районах Пермского Прикамья во время игрищ [Альбинский, Шумов 1991: 171-188].

«Лесники были, лесоватъ ходили в простой одежде, какой-то бадог в руке, быдто ружьё... В солому завернули кал человеческий, «подганивали» в бане на полок [как белку на дереве], и «били» его бадагом, быдто ружьями. а малолетних-то ребят нарядят собаками... быдто собаки. Вставали на четвереньки, рвут [«добычу»] друг у друга [зубами], потом и говорят: «Чо-то вонько!» По том узнали, похохотали и ушли» (Чердынский район, с. Пянтег) [Альбинский, Шумов 1991: 180].

«Сделают белку. Вырядят, да на дверку вот посадят. И собаку «умну». Тожо из самих [себя] вырядят! «Умна, ну-ко белку сорви!» Это собаку звали умной. «Умна, Умна! Белку ну-ко сорви!» Белку-то она сорвет: чо, ить, собака, дак она трясет [«добычу»]! а в ей [белке] говна накладены. Она всех и обрызжот!... Вот над ей хохочут: «Умна, Умна! Ах, ты Умна! Ишь чо сделала!... Рострясла всех! Забрызгала!» Это ребята придумывали все» (Чердынский район, д. Нижнее Керчево).

Святочные игры «в охотников» в этот период следует рассматривать в широком контексте игр святочного театра, в котором представлены разные профессии и хозяйственные занятия крестьян: котовалы, рыбаки, кузнецы и другие [Альбинский, Шумов 1991: 171-188].

Спецификой масленичного ряженья и его атрибутов также следует считать активное включение в карнавал ряженных, демонстрирующих хозяйственные занятия, с характерными для них действующими лицами: охотником, кузнецом, шерстобитами. Включение в состав масленичной обрядности демонстрации хозяйственных занятий достаточно распространено и является одним из элементов обрядности праздника: как масленичного поезда, так и ряженья [Черных 2008: 228]. В Усольском районе, например, отмечен обычай обхода ряженными охотниками: *«Рядом охотники были: ружьё, патронташ, дичь какую-нибудь навесят, там на тесёмочке вывернут рукавицы, шапку ещё вывернут, оденут, одно ухо кверху, другое книзу. Ещё собаку живую в мешок посадит, ходит так из дома в дом»* (Усольский район, д. Поселье).

Прогностическую символику следует усматривать и в другом масленичном обычае — пожелания успехов в охоте участников масленичного поезда: *«Мужики устраивают импровизированную баржу. Берут шестеро дровней, ставят их по трое в ряд. На концы загнутых полозьев прибиваются доски, получается палуба. На ней устраивается мачта с развевающимися старыми штанами наверху. <...> на палубу взбирается лоцман и матросы. на лоцмане фуражка-бескозырка, с двумя черными лентами. <...> в оглобли впрягается ватага подростков-ребят. Они весёлые, задорные с криком снимают с места баржу и везут её по деревне. <...> Подъезжают к первому попавшемуся дому. Лоцман громким голосом зовет хозяина на выкуп товара. Тот выходит с пивом или кумышкой и угощает весь экипаж. Вместе с ними и хозяин выпить не прочь. Лоцман тотст ему говорит: «Чтобы нонешним годом в лешне (т.е. охоте) тебе подвезло. Лихоманка бы не захватила, да собака твоя не испортилась, а у Домны Петровны — хозяйки твоей — чтобы брага выходила покрепче, не закальный бы хлеб выпекался. За здоровье твое, Дмитрий Егорыч! За семью твою, за скотину по напёрсточку хлопнем!»* [Попов Л.73].

Образ охотника проявляется и в других элементах святочной обрядности — среди святочных гаданий известны, например, те, что определяли, будет ли будущий жених охотником: *«Мы в кругу, черти по-за кругу, где собачке взвять, там и замужем быть!»* Одна слышала: лес рубят — уехала на лесозаготовки, я услышала: собаки лаяли, вышла замуж за охотника» (Куединский район, д. Степановка).

Охотники часто становились основными участниками проводимого в весенний или летний период обряда изгнания волков из деревни: *«Существует здесь обычай пугать зверя в празднование Петрова дня. Собираются крестьяне гурьбой в этот день, забирают с собой ружья и патроны. Идут за деревню... Выйдя за деревню, мужики развертываются кольцом и сразу начинают палить в пространство холостыми зарядами... слышав стрельбу, сбегаются ребятишки и бабы поглядеть на охотников, как они зверя пугают. Закончилась стрельба, мужики начинают меж собой рассуждать: «звирь-то больно охоч до скотины-то, тово и гляди, может ополовинить скота-то, а вот попугали ево, смотришь он и остепенится, зверь-то»* [Попов Л.145]. Изгнание волков в весенний период проводилось во многих районах Пермского Прикамья, ритуал входил в цикл животноводческой обрядности весенне-летнего периода, однако только в северных районах его основными участниками были охотники.

Важной датой народного календаря русских Пермского Прикамья, связанной с представлениями о промысловом звере и охоте, считалось Воздвижение (27.09). Эта дата начала промыслового сезона имела и мифологическую основу, с этого момента начиналось время безраздельной власти хозяина леса и диких зверей. Воздвижение считалось днем, когда лесной хозяин «собирает зверей»: *«У их тоже есть день назначенный, в тот день*

нельзя в лес ходить, тут он собирает всех зверей в группу. Это Сдвиженье» (Юрлинский район, д. Келич). День считался опасным, на него накладывались запреты на посещение леса, с ним связывались приметы об активности медведей и волков: «27 сентября живёт Медвежье Здвиженье — медведи гуляют. Тогда уж в лес не ходи (Гайнский район, с. Монастырь); «Вот на Сдвиженье, Сдвиженска неделя была, так там волки ходили по деревне, стая-то» (Усольский район, д. Лысьва).

Таким образом, занятия охотой русского крестьянства Пермского Прикамья отразились в народном календаре. Промысловый календарь охотника не представлял четкую и развернутую структуру праздников, обрядов, поверий, представлений. Отдельные даты, приметы и комплексы обрядности, связанные с охотничьим промыслом, были органично вписаны в общую систему народного календаря русских Пермского Прикамья.

Литература и источники

- Альбинский В.А., Шумов К.Э. Святочные игры Камско-Вишерского междуречья. — Русский фольклор, вып. XXVI. Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991.
- Белдыцкий Н.П. Очерки Вишерского края. Пермь, 1895.
- Введенский А.А. Урало-Печерский край на рубеже XIX — XX вв. // Наукові записки. Київський державний університет. Київ, 1946. Т.V. Вып. 2.
- Подюков И.А. Круговорот жизни: Народный календарь Прикамья. Пермь, 2001.
- Попов В.И. Записки врача (рукопись). Чердынский краеведческий музей. НВ №983.
- Рыболовный словарь Прикамья / Бакланов М. А. [и др.]. СПб.: Маматов, 2013.
- Чагин Г.Н. Мироззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX - начале XX в.: Учебное пособие по спецкурсу. Пермь. 1993.
- Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX — середины XX в. Ч. 1. Весна, лето, осень. — Пермь: «Пушка», 2006.
- Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье: Праздники и обряды конца XIX — середины XX в. — Ч. II. Зима. — Пермь: «Пушка», 2008.

**В.В. Шилов,
Березники**

Охотничьи хозяйства Усольского района Пермского края в XXI веке

В настоящее время «Охотничьих хозяйств Пермского края» насчитывается — 214 (по состоянию на 01.08.2014 г.). В Усольском муниципальном районе (охотпользователь — ОО «Пермская краевая федерация охотников и рыболовов») находится два охотхозяйства — это «Березниковское» с площадью 287,535 гектара и ООО «Держава» с площадью 36,35 гектара. Последний «охотпользователь» — частное владение.

Березниковское общество охотников и рыболовов ведёт свою историю от 8 мая 1945 года, за время существования значительных изменений в обществе не наблюдалось, только вносились определённые поправки в Устав, связанные с изменениями в законодательстве СССР и РФ. В настоящее время членами Березниковского общества охотников и рыболовов является примерно 1200 человек; три года назад было зарегистрировано порядка 1400 членов. Уменьшение числа членов общества, связано, по-видимому, с принятием нового Закона РФ об охоте в 2012 году, который предусматривает не только единый билет (право охоты и владения оружием), но и специальное обучение (стоимость последнего — 3 тысячи рублей). Стоит отметить, что состоять в обществе удовольствие дорогое, даже не считая приобретения самого оружия (обязательно дома должен быть и сейф), существуют ежегодные взносы и различные другие расходы. Членам общества разрешается иметь и дорогое «нарезное» оружие, правда, для приобретения последнего необходим стаж владения гладкоствольным оружием не менее пяти лет.

Соликамское общество любителей правильной охоты. СКМ, б/н

В 2014 году годовой членский взнос был равен 1200 рублям. Участники Великой Отечественной войны не платят взносы (таких в Березниках двое), а участники «горячих точек» и пенсионеры, которые состоят в обществе не менее 30 лет, платят 50 %. Плюс к этому затраты на приобретение путёвки. Например, в этом году только на зайца (на сезон) нужно заплатить 1100 рублей. Отстрел практически всех видов зверей и птиц требует специальных разрешений. Охота на лося будет стоить 28 тысяч рублей, на медведя — 24 тысячи, на кабана — 16 тысяч рублей. Кроме того, необходимо уплатить и госпошлину: на глухаря она обойдется в 100 рублей, на кабана — в 450 рублей, медведь «стоит» 3000, лось — 1,5 тысячи рублей. Охота на лис и волков ещё два года назад была бесплатной, но сегодня волка приравнили к «пушному зверю», и в этом году на него можно охотиться, как и на зайца, с 15 сентября по 28 февраля 2015 года.

Разумеется, во все времена были и есть браконьеры (в прошлом году было возбуждено два уголовных дела по факту незаконной охоты). За незаконную добычу предусмотрены внушительные штрафы. Например, за убитого лося — 120 тысяч рублей, а за лосиху — 200 тысяч рублей, за убитого медведя штраф составляет 90 тысяч рублей.

Сезон открытия охоты строго регламентирован. В 2014 году открытие сезона на медведя и кабана — с 1 августа, на боровую дичь — с 16 августа, на зайца — с 15 сентября, с 1 октября — на копытных, с 1 ноября — на лис и куниц. Норма добычи тоже чётко определена: за сутки на одного охотника 2 зайца, 2 тетерева или 2 глухаря, 4 утки. Как отмечалось выше, нынче чётко поставлены сроки охоты на волков, «санитаров леса».

Учёт (статистика) дичи в Усольском муниципальном районе ведётся постоянно, для этого у егерей существует специальная методика. По данным председателя Березниковского общества охотников и рыболовов В. Ф. Шадрин, в лесах охотхозяйства «Березниковское» в 2014 году насчитывается медведей — 135 особей, лосей — 450, кабанов — 45, лисиц — 130, зайцев — 8600, белок — 2800, куниц — 260, глухарей — 2100, тетеревов — 3200, рябчиков 8000, волков — 18000 (нужно также учитывать, что часто

волки в Усольский район заходят из Соликамского и Добрянского районов). В.Ф. Шадрин также отметил, что в прошлом году охотники города Березники и Усольского района добыли 4 медведей, 4 кабанов и 19 лосей. В этом году добыча охотников ожидается не менее богатой, так как в общество поступило несколько заявок, и желающих уже больше, чем выделенных разрешений. Только на середину октября 2014 года березниковские и усольские охотники уже добыли 4 медведя и 1 кабана. Как отмечено выше, охота на них была открыта 1 августа.

Можно также отметить, что в последние годы, в Усольском районе лисы практически перестали бояться людей. Они, в частности, могут подходить к лункам рыбаков и даже не боятся в лесу подходить близко к человеку, когда, например, лесники им бросают остатки еды (не берут только с рук, отмечают последние). В то же время следует помнить, что именно лисы чаще всего болеют «бешенством» и их укусы опасны для человека (в Пермском крае в этом году случаи уже зафиксированы).

Несмотря на отлаженную многолетнюю работу, в настоящее время у охотхозяйств в Усольском муниципальном районе возникли определённые трудности (как и у всех охотхозяйств России). Прежде всего это связано с принятием Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями), а также Федерального закона Российской Федерации от 23 июля 2013 г. № 201-ФЗ г. Москва (О внесении изменений в Федеральный закон «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). В частности, все охотхозяйства РФ до 2017 года обязаны за свои охотугодья уплатить значительные суммы (10 рублей с 1 га), то есть в Усольском муниципальном районе охотхозяйство «Березниковское» должно заплатить государству свыше около трёх миллионов рублей (срок на 49 лет, плюс к этому ежегодно нужно будет платить и налог за пользование угодьями). То есть Березниковскому обществу охотников и рыболовов в соответствии с новым Законом РФ предстоит «заработать» довольно внушительную сумму. Можно было бы предложить получать средства (зарабатывать) и за счёт «иностранцев» охотников (основная отрасль компании — «Физкультурно-спортивные общественные объединения»), но в таком случае Березниковское общество охотников и рыболовов сразу попадёт под статус «иностранного агента», что, возможно, больше доставит проблем, чем дохода (такая проблема отмечалась в Ярославской области).

Подводя итог, отметим, что на территории Усольского муниципального района промысловая охота не предусматривается, ведётся только любительская (спортивная). Как показывает многовековой опыт, охота является неотъемлемой частью культуры многих народов, она формировалась на протяжении всей истории человечества, поэтому имеет право на существование наряду с другими формами культуры.

Согласиться с критикой любой «охоты», понимаемой некоторыми как уничтожение биосферы земли, тоже вряд ли будет правильно. Охотники не только часть нашего общества, но именно охотники — наиболее заинтересованная в сохранении дикой природы часть социума, что подтверждается тем, что именно они пролоббировали во многих странах мира принятие первых законов об охране животного мира. В современном мире, в том числе и в России, нормы добычи научно обоснованы и не приводят к уничтожению популяций дичи. Об этом говорят и исследования учёных. Например, согласно французскому орнитологу Жану Дорсту, основной причиной исчезновения видов животных, а также резкого падения их численности в XX веке является не спортивная охота, а разрушение мест обитания и гибель на путях миграций от воздействия техногенных факторов (под колесами транспорта, в турбинах ГЭС, отравление химическими веществами и т.п.).

Березниковское общество охотников и рыболовов тоже вносит свой вклад в дело сохранения флоры и фауны. В штате общества — 8 штатных егерей (зарплата у них невелика, порядка 7 тысяч рублей), но у каждого егеря есть 5-6 помощников (на общественных началах), с которыми они регулярно проводят рейды (в этом году было уже 8 рейдов, в них приняло участие 26 человек). Хотя егеря имеют право только составлять «сообщения» о нарушениях, но на основе этих сообщений охотоведы уже могут составлять «протоколы». Рейды часто проходят и с представителями полиции. Так, во время открытия в этом 2014 году охотничьего сезона ими было проверено более 50 участников охоты. Березниковское общество охотников и рыболовов регулярно выделяет финансовые средства на биотехнологии. В этом году в Усольском районе было засеяно 30 га овса (для подкорма диких животных и птиц) и 2 га картофеля (особенно его любят кабаны). Кроме этого, охотхозяйство «Березниковское» создало более 300 солонцов (для лосей, зайцев), ежегодно в них закладывается 12 тонн соли. Отметим, за 9 месяцев этого года доходы у общества составили 2 миллиона 600 тысяч рублей, а расходы 2 миллиона 250 тысяч рублей. Основная часть расходов и составляют биотехнологии, то есть средства на приобретение подкорма диких животных и птиц.

У компании ООО «Березниковское общество охотников и рыболовов» основным видом деятельности является физкультурно-спортивная. То есть, по большому счёту, охота — это и один из видов «здорового образа жизни». В идеале, разумеется, нужно пропагандировать и развивать фотоохоту (как альтернативу собственно охоте, традиционно считающейся самой гуманной и незаметной формой общения человека с животным миром). Заметим при этом, что и фотоохота тоже может приносить вред через недобросовестных натуралистов, подкармливающих животных (и в особенности крупных хищников) для постановки удачного кадра.

К.Э. Шумов,
Пермь

Охотник и пастух: мифологические связи **(на материалах сказочной прозы Северного Прикамья)¹**

В мифологической прозе Северного Прикамья отчетливо прослеживаются системные связи между четырьмя мифологическими персонажами: охотником (чаще всего охотником-промысловиком), пастухом (которого брали в найм всей общиной), колдуном (профессиональным или скрытым — «бесистым») и лешим. Сюжетные системные связи, которые объединяют этих персонажей, не линейны. Стабильными являются прежде всего связи леший — охотник; леший — пастух (см. о соотношении леший — охотник, леший — пастух в частности [Криничная 1994]). Реже выявляется соотношение колдун — леший, почти не встречаются связи колдун — пастух, колдун — охотник. В текстах о лешем, пастухе, охотнике реализуются следующие традиционные мотивы: «Пастух или охотник торгуются с лешим (договариваются, делают подношения)»; «Леший помогает охотнику или пастуху»; «Леший мешает/наказывает охотника или пастуха». Конкретно они представлены в следующих сюжетах:

1. Пастух торгуется с лешим — кто будет пасти стадо в сезоне на Егория или накануне. Предметом торговли является пасхальное яйцо. Пастух срубает ель и кладет яйцо на середину ствола, сам садится с вершинки, а леший с комля: кто заберет яйцо, тот и будет пасти.

¹ Для анализа были использованы архивные и полевые записи мифологической прозы, сделанные в Северном Прикамье с начала XX века по настоящее время.

Леший обычно выигрывает, так как пастуху мешают ветви. Если пастух срубает дерево, у которого ветви растут по направлению к вершине, с комля садится леший и тоже забирает яйцо. Другое условие — пастух должен «пропасти» двух-трех коров [Былички 1991: 190-192].

2. Мотив «торговли» охотника с лешим в русских текстах не фиксируется, но часто встречается мотив подношения. Охотник должен поднести на пень лешему водку, хлеб, соль, яйцо (пасхальное), табак, чтобы тот не мешал ему охотиться, при этом обещает, что не будет «жадничать» [Архив, 1993: дневник 321]. В этом мотиве есть некоторое противоречие, так как в традициях Северного Прикамья соль и табак — оберег от лешего (аналогичным образом соль выступает как оберег от «приходящего» покойника, лешего, сатаны). Чтобы избавиться от лешего вдова должна покормить его соленой пищей [Былички 1991: 211-213].

3. Охотник может принести жертву — свою кровь (из пальца) или первую добычу [Былички 1991: 190-192].

4. Леший пасет за пастуха, загоняет зверей и дичь охотнику [Архив, 1993: дневник 321].

5. Если пастух нарушает договор, леший «заводит» скотину больше, чем по договору [Архив, 1992: дневник 301].

6. Если охотник «жадничает», леший уничтожает его добычу, водит по лесу: *«Охотник окликнул жену. «Моя, — говорит, — и добычу всю, и собаку леший съел», — заплакал мужик. Потом он вышел в сарай. Смотрит: в сарае вся его добыча, ружьё и собака — всё вместе. Всё вернул, оказывается, леший»* [Рочев 1984: 211].

7. Леший может натравить зверя на неудачливого охотника [Архив 1993: дневник 321].

8. Леший не любит охотничьих и сторожевых собак. В некоторых деревнях считают, что собак, которых задрали волки, либо убил сам леший, либо волки, которых он наслал [Архив 1993: дневник 321].

9. Бесистому черти (биси) помогают на охоте: *«Мне помощнички всегда дичь в силки загоняют»* [Архив 1989: дневник 125].

10. Если в пастухи нанимался колдун, ему помогали пасти стадо черти [Архив 1993: дневник 322].

Непрямая сюжетная связь между колдуном и охотником прослеживается в мотиве «посвящение в колдуны». Одним из атрибутов в нем является охотничье ружье, в него заряжается при «раскрещивании» нательный крестик колдуна-неофита. Также вместо традиционной для обряда огненной или пёстрой собаки могут появиться медведь, тетерев, щука [Былички 1991: 125-127].

Отношения между лешим и колдуном в мифологической прозе Северного Прикамья практически не проявляются. В других традициях «встреча» лешего и колдуна происходит в контексте обряда «поиска скота». Сам обряд поиска скота является некоторым «перекрёстком», на котором встречаются сразу несколько наделённых особыми функциями персонажей (прежде всего — пастух, знаток и леший) [Горбачев]. Этот мотив встречается в традициях Северного Прикамья в рудиментарном виде.

«Вне контакта» также реализуются сюжетные связи между пастухом и охотником. Это оборотничество, подготовка инструмента, использование заговоров:

1. Оборотничество. Пастух сам оборачивается в волка, перекувыркнувшись через нож, воткнутый в пень [Архив 1986, дневник 99; 1992, дневник 134; 1995, дневник 211].

Охотник принимает за обороченных в медведей жениха и невесту. В свадебной прозе Северного Прикамья колдун, которого не позвали на свадьбу (или колдун, который не хотел выдавать дочь замуж), оборачивает жениха с невестой (всех свадебжан) в волков или медведей [Архив 1986, дневник 99; 1992, дневник 134; 1995, дневник 211].

2. Медведь в рассказах охотников предстает как первочеловек. Молодой охотник принимает освежеванную медведицу за женщину. В традициях Северного Прикамья

этот мотив устойчиво связывается с представлениями о том, что человек произошел от медведя. Тотемический мотив довольно устойчив не только для русского, но и финно-угорского населения.

Ещё один мотив, объединяющий охотника и пастуха — подготовка инструмента. У пастуха это совершение обхода, закатывание воска в трубу, использование рукописного заговора [Архив 1986, дневник 99; 1992, дневник 134; 1995, дневник 211]; у охотника окуривание капканов, силков, ружья, чтобы убрать запах человека [Архив 1992, дневник 134]. В традициях, связанных с колдуном, есть схожий мотив. При «закрывании» новой скотины, которую должны ввести на двор, колдун смазывал ночью ворота медвежьим или волчьим жиром, чтобы придать запах зверя. Чтобы корова вошла во двор, колдун смазывал ворота дегтем [Архив 1991, дневник 202]. При «остановке» колдуном свадебного поезда посох или кусок упряжи также смазывались звериным жиром [Архив 1992, дневник 134].

Таким образом, отчетливо прослеживается генетическая связь между четырьмя персонажами мифологической прозы Северного Прикамья — колдуном, лешим, охотником и пастухом. На уровне сюжетных мотивов выделяются как очевидные контактные связи, так и связи опосредованные. Колдун практически не взаимодействует с лешим, но взаимодействует с охотником и пастухом, леший взаимодействует с пастухом и охотником; охотник и пастух между собой не связаны.

Литература и источники

- Архив записей фольклорных текстов лаборатории ПГНИУ «Фольклор Прикамья» (рук. К. Э. Шумов).
- Бахматов А.А. и др. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор: материалы и исслед. / А. А. Бахматов, Т. Г. Голева, И. А. Подюков, А. В. Черных. Пермь: ОТИДО, 2008. 502 с.
- Былички и бывальщины: Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / Сост. К. Шумов. Пермь, 1991. 410 с.
- Горбачев А.В. Леший и колдун в обряде поиска скота: Фольклор и постфольклор. <http://www.ruthenia.ru/folklore/gorbachev1.htm>.
- Деревня Монастырь на Каме-реке: Сборник фольклорно-этнографических материалов по Гайнскому району / Сост. И. А. Подюков. Пермь, 2003. 60 с.
- Жданова Н.В., Подюков И.А., Хоробрых С.В. Вишерская старина: сб. фольклорно-этнографических материалов по обрядовой традиции Красновишерского района. Пермь: ПРИПИТ, 2002. 115 с.
- Криничная Н.А. Леший и пастух. (По материалам сев.-рус. мифол. рассказов, поверий и обрядов) // Обряды и верования народов Карелии: Человек и его жизненный цикл / КНЦ РАН. Ин-т яз., лит. и истории; Науч. ред.: И.Ю. Винокурова, Ю.Ю. Сурхаско. - Петрозаводск, 1994. - С. 154-181.
- Рочев Ю.Г. Коми легенды и предания. — Сыктывкар, 1984.

Николаев Ю.К.

Городские общества любителей охоты в Пермской губернии

В 70-х годах XIX века некоторые пермские хозяева обширных земельных участков (Строгановы, Поклевские-Козелл и др.) создали на своих землях собственные охотничьи хозяйства для так называемой «культурной» охоты. Правда, почти во всех этих хозяйствах дело ограничивалось установлением специальной лесной охраны, не допускавшей в охотничьи угодья посторонних охотников; если посторонние и допускались, то по специальным билетам. Тогда же на территории этих охотничьих хозяйств стала проводиться работа по сохранности дичи. Правда, на своей территории Поклевские-Козелл ввели и более рациональные формы охотничьего хозяйства; например, ими была произведена подсадка зайцев-русаков в Осинском уезде и косуль — под Талицким заводом.

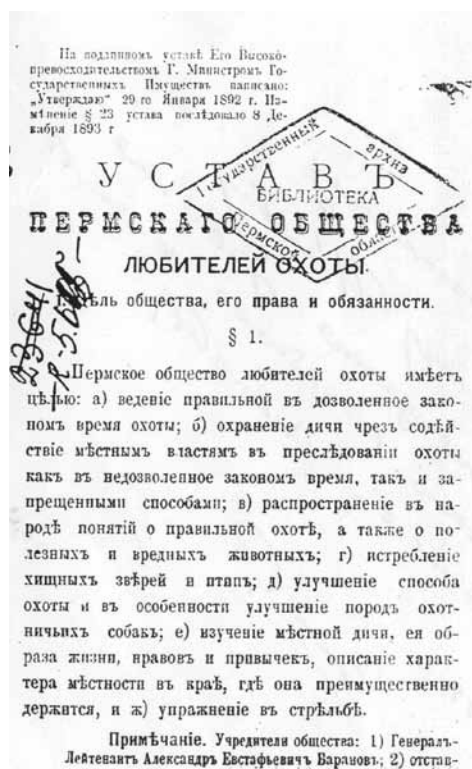
Известно, что пермский губернатор Андреевский Николай Ефимович (пермским губернатором он был с 1871 по 1878 годы) был заядлым охотником. В конце XIX века на территории Пермской губернии из местных, исключительно хорошо обеспеченных городских охотников-любителей организуются «Общества любителей охоты» и «Общества правиль-

ной охоты». В 1881 году появляются первые правила охоты, в Сысертском округе Пермской губернии. Охота для городских охотников стала допустима только по охотничьим билетам. Такие объединения существовали в Перми, Екатеринбурге, Н.-Тагиле, Усолье, селе Ильинском и в некоторых других городах и заводах. Эти организации, чаще всего арендовавшие охотничьи угодья у крестьянских обществ, исключительно стремились обеспечить себя привилегированными условиями охоты. С целью «...введения правильной охоты, улучшения способов охоты... распространении в народе идеи о непоправимом зле, какое создается благодаря истреблению дичи в недозволенное законом время и недозволенными способами, а также в преследовании лиц за нарушение законов об охоте, при содействии местных властей, как то полиции и чинов лесного ведомства...» в среде городских охотников создается Пермское Общество Любителей Охоты. Устав Пермского общества любителей охоты утверждён 29 января 1892 года министром Государственных имуществ. Среди учредителей общества были: генерал-лейтенант Александр Евстафьевич Баранов; отставной генерал-майор Михаил Александрович Сашин, действительный статский советник Иустин Яковлевич Голынец; Потомственный Почётный гражданин Александр Григорьевич Каменский; коллежский советник Александр Федорович Клигберг; статский советник Игнатий Михайлович Воропай.

Среди 42 учредителей общества можно встретить людей разного социального уровня: генерал-лейтенанта, генерал-майора, коллежских советников и статских советников, купцов, оханского мещанина, Потомственных Почётных граждан, действительного студента, просто дворянина, инженера путей сообщения, инженера-механика, ученого мастера и даже провизора. Согласно Уставу общество находилось «в ведении Министерства государственных имуществ, по лесному департаменту». В параграфе 7 отмечалось, что членами общества могут быть представители всех сословий, но не могли быть членами охотники-промысловики, солдаты и юнкера, ученики гимназий и училищ, а также лица, «подвергшиеся ограничению прав по суду».

Члены общества делились на почётных и действительных. Привилегией почётных членов являлось то, что они освобождались от уплаты членских взносов и от обязанностей исполнять поручения общества. Почётные и действительные члены общества избирались тайным голосованием «большинством двух третей голосов наличных членов собрания». Несколько неясно положение женщин. Судя по Уставу, ограничений для вступления женщин в общество не было. Но в тоже время в приложении № 3 к параграфу 23 прописано: «Лица женского пола к непосредственному участию в общих собраниях членов, а также к занятию должностей в правлении общества не допускаются». Видимо, членами общества они могли быть, но без права голоса.

Достаточно жёстко были прописаны «Правила обращения с оружием во время общественных охот». Начинаются правила со слов: «С оружием надлежит обращаться осторожно, дабы нечаянно не причинить смерть или увечье себе или другому лицу». Например, если при подходе к другим охотникам были не опущены курки у ружья — штраф 1 рубль. Насколько эта сумма была большой для охотника, свидетельствует годовой взнос члена обще-

ства — 5 рублей. При держании ружья за стволы в момент вынимания из повозки и саней, во время бега и т.д. — штраф 3 рубля.

Особо в правилах обращалось внимание на поведение охотника перед выстрелом. «Готовясь выстрелить, особенно пулей, охотник должен сообразить, не грозит ли кому-либо опасность от его выстрела, по избранному им направлению». В правилах было записано: «Лица, явившиеся на облавные охоты в нетрезвом виде, к участию в охоте не допускаются. Всякое сопротивление влечёт штраф 5 руб.». И далее: «Всякая выпивка на облавной охоте, до разрешения распорядителя — воспрещается. Штраф 3 руб.».

Своеобразное приглашение на участие в охоте в районе станции Валежной Уральской железной дороги было напечатано в 1896 году в Пермских губернских ведомостях: «Вследствие отдалённости берлоги от населённых мест и, следовательно, невозможности собрать народ в достаточном числе для облавы, Правление общества может предположить только охоту по медведю на берлоге. Охоту эту Правление устраивает только для того, чтобы несколько познакомить г.г. членов с охотой на медведей, на которых большинство г.г. членов, по всей вероятности, не бывало. Так как, возможно, что на эту охоту соберётся довольно много членов и, следовательно, при массе выстрелов по зверю трудно будет решить, кто сделал более всего удачный выстрел, для того чтобы владеть медведем, наконец, может быть таких удачных выстрелов много, правление решило поставить эту охоту на следующих условиях: убитый медведь или несколько принадлежат обществу охоты и будет продан по привозке в Пермь одному из членов общества охоты, давшему большую цену».

В Правилах Пермского общества любителей охоты подробно описана деятельность распорядителя облавной охоты. Роспись обязанностей свидетельствует о наделении распорядителя охоты особыми полномочиями, причём на момент проведения охоты поведение распорядителя носило диктаторский характер:

«§ 33. К обязанностям распорядителя относится:

а) нанимать, в случае надобности, помещения для охотников и подводы для проезда на места охоты;

б) назначать линию стрелков и места на ней для охотников;
в) размещать охотников на линии стрелков по порядку их номеров;
г) тщательно указывать каждому охотнику места, занимаемые его соседями и направление гона;

д) назначать линию облавщиков и окладчиков и управлять ими во время гона.

К обязанностям распорядителя, согласно § 31, относились следующие:

а) вести денежный счёт и производить уплату всех расходов на облавной охоте;
б) объяснять охотникам, в первый раз участвующим на облавных охотах общества, параграфы устава общества и правил;
в) наблюдать за точным исполнением участвующими устава и правил общества и в случае возникших недоразумений разрешать оные немедленно, на месте;
г) немедленно подвергать штрафу лиц, виновных в нарушении или неисполнении Устава или правила общества.

§ 32. Участвующие в охоте обязаны беспрекословно подчиняться решениям распорядителя, сохраняя своё право обжаловать правлению его распоряжения не позже 14 дней по окончании охоты.

§ 34. Никакие споры участвующих на охоте лиц с егерем и окладчиками не допускаются и все обязаны обращаться со своим заявлениями только к одному распорядителю.

§ 35. Жалобы на действия егеря и окладчиков приносятся на месте распорядителю или подаются письменно правлению общества. Жалобы эти окончательно разрешаются в ближайшем заседании правления.

§ 37. Прибыв на место охоты, охотники берут у распорядителя номера по жребию. По окончании каждого гона, если облава идёт по зверю, номера возвращаются распорядителю и разбираются вновь по жребию; при охоте на птицу и зайцев — охотники чередуются номерами каждый гон по восходящему порядку; номера по жребию в сем последнем случае могут быть взяты вновь только после первой половины охоты (после объезда).

§ 44. Никто не имеет права перемещаться и покидать свой номер до конца гона. Исключение допускается в случае нападения зверя на кого-нибудь из охотников, когда каждый обязан подать помощь. Штраф 1 рубль.

§ 48. Пулями дозволяется стрелять по медведям, лосям, оленям и кабанам.

§ 49. По волкам, рысям, лисицам, козам дозволяется стрелять только картечью или крупной дробью. За несоблюдение сего правила члены исключаются из общества.

§ 50. По зайцам стрелять картечью не дозволяется. За несоблюдение сего правила, члены исключаются из членов общества.

§ 51. Когда охота назначена на лосей и оленей, то по волкам, лисицам, зайцам и птицам стрелять воспрещается; равно как при охоте на медведей, рысей, волков, коз и лисиц воспрещается стрелять по зайцам и птицам. Но, согласно § 52, если в окладе находятся различные виды зверей, кроме зайцев, на которых назначена охота, то присутствующие охотники улавливаются по большинству голосов, по каким зверям стрелять или не стрелять, без исключения по всем. Лица, заявившие о желании участвовать в облаве, но не прибывшие на охоту, несут расходы на равных с прочими участниками в облаве.

§ 53. Перед линией стрелков стрелять дозволяется только со своего номера. Стрелять на чужой номер (в сторону) стоящего на соседнем номере охотника наказывается штрафом от 1 рубля до 10 рублей, кроме того, стрелок лишается убитого зверя.

§ 55. Выстрел, сделанный охотником по зверю перед линией на расстоянии более половины от своего номера в обе стороны, называется выстрелом на чужой номер. Исключение составляет выстрел, сделанный при этих условиях: при нападении зверя на охотника или по просьбе самого охотника, имеющего право стрелять по зверю. По зверю, идущему параллельно, или наискось линии стрелков, стрелять тогда, когда он поравняется с за-

нимаемым охотником номером. По зверю, идущему перпендикулярно линии (на штык) стрелять только тому, на чей номер идёт зверь. Штраф от 1 рубля до 10 рублей и лишается убитого зверя. Зверь, убитый выстрелом на чужой номер, конфискуется в пользу того, против чьего номера был убит зверь. Выстрел, сделанный охотником на облавной охоте, так что снаряд прошёл около соседнего номера ближе, чем на пять шагов, называется выстрелом по линии. Штраф 5 рублей. В случае выстрела по линии, виновный в том лишается права участвовать в облавной охоте общества. По миновении годичного срока право участия может быть возвращено постановлением общего собрания.

Стрелять по зверю, упавшему от выстрела другого охотника, воспрещается, если зверь лежит или поднялся, но не сошёл с места или не перешёл в пределы выстрела другого охотника. Исключение допускается для медведей и сохатых, которые могут быть стреляемы на дозволенное расстояние пока стоят на ногах. Штраф 5 рублей» [1].

Читаешь и понимаешь, что эти охотничьи правила, созданные более ста лет тому назад, не потеряли свою актуальность и в XXI веке.

Хорошо обеспеченные пермские городские охотники одевались в одежду, специально пошитую для ношения на охоте. В начале XX века у пермских охотников были в моде «куртки, брюки, фуфайки, вязаные чулки из чистой верблюжьей шерсти... Куртки и пальто на меху... Шведские кожаные куртки и брюки на меху... Брезентовые непромокаемые костюмы, пальто и накидки, непромокаемые кожаные сапоги и теплые валенки...». Экипировка пермских охотников не уступала европейским.

Для приобретения охотничьих ружей особого разрешения не требовалось, но лица, приобретающие охотничьи ружья, обязаны были сообщить о покупке в полицию для обязательного регистра ружья в специальной «шнуровой книге». Патроны для охотничьих ружей продавались в магазинах без каких-либо ограничений.

При подготовке к проведению общественной облавной охоты направлялось уведомление, например: «В Пермское уездное полицейское управление. Имею честь уведомить Полицейское управление, что в воскресенье, 6-го сего сентября 1892 года, в 6 часов утра, около деревни Заниной Нижнемуллинской волости Пермского уезда будет произведена членами Пермского общества любителей охоты общественная облавная охота по птицам и зайцам».

Результат проведённой облавной охоты отражён в отчёте, в котором сообщается, что «Охота состоялась при участии 29 членов общества, с 5 обходчиками и 58 загонщиками... Убито 2 вальдшнепа, 19 тетеревей и 32 зайца». Каждый обходчик получил по 1 рублю, а загонщик от 40 до 20 копеек. Но, кроме того, загонщикам было выдано 3 рубля «на водку». Охотнику охота обошлась в 1 руб. 45 коп. В конце отчёта приписка: «В общем, охота прошла весело и с удовольствием. Погода была прекрасная».

Об этой облавной охоте сообщали в №74 за 1892 год «Пермские губернские ведомости». В опубликованной заметке под названием «Дневник» сообщался интересный случай, который произошёл перед началом охоты: «Отмечаем между прочим имевший на этой охоте случай из области суеверий. Доставшийся одному из участников охоты 13-й номер, как

Городской охотник в полном снаряжении.
80-е годы XIX в.

Пороховница и дробница.
БИХМ, КП-888

несчастливый, был переименован на другой, надо думать, счастливый, за 2 рубля. Каковы деньги обладателем несчастного номера, были переданы в пользу общества».

Все члены Пермского общества любителей охоты, по мере возможностей, принимали участие в рейдах по выявлению нарушителей правил охоты. На них составлялись протоколы и передавались в уездные полицейские управления. Правлением общества велся «Список лиц, привлечённых к ответственности Пермским обществом любителей охоты».

Лесные угодья на различные сроки для проведения охоты брались в аренду Пермским обществом любителей охоты у сельских обществ, которые являлись хозяевами лесов. Судя по документам, хранящимся в Государственном архиве Пермского края, все лесные угодья в Пермском уезде для проведения охоты арендовались Пермским обществом любителей охоты. В 1912 году Шумковское сельское общество Култаевской волости Пермского уезда сдали в аренду обществу «все лесные, луговые и полевые угодья, принадлежащая нашему сельскому обществу... в полное безвозмездное и исключительное распоряжение Пермского общества любителей охоты на три года».

Подобный «приговор» был составлен с Усть-Качкинским сельским обществом в 1910 году сроком на 6 лет. Стоимость данной аренды была 50 рублей за весь срок. Судя по документам, хранящимся в Государственном архиве Пермского края, все лесные угодья в Пермском уезде арендовались Пермским обществом любителей охоты.

Бесплатный билет Ф.А. Теплоухова, члена Пермского Общества Любителей Охоты, главного лесничего Пермского нераздельного имения Строгановых, 1894. Личный архив И.А.Подюкова

Своеобразным примером того, как удачно и одновременно расточительно охотились городские охотники г. Екатеринбурга, является количество добытой птицы известным на Урале зоологом Л.М. Ушковым. Промышлял он боровую дичь и куликов, особенно увлекался добычей глухаря, тетерева и дупеля. Только за пять лет (1873-1877 годы) Л.М. Ушков добыл 5198 птиц, из них 948 глухарей, 2508 тетеревов и 941 дупеля. Выходит, в среднем по 190 глухарей, 502 тетерева и 188 дупелей в год.

Вспоминая об охотах под Екатеринбургом в 1886 году, А.П. Алексеев писал: *«Осенью стали охотники ездить на заячьи облавы; мне удалось быть лишь на одной, устроенной Л.М. Ушковым около с. Арамили. Охоту эту действительно стоит вспомнить. Порядок на ней был образцовый, все существующие правила облавных охот были соблюдены до мельчайших подробностей, так что все участвующие могли быть твердо уверены в том, что не получат заряда по ногам или в глаз»*. [3] Из охотничьих путешествий Ушков выносил интересные наблюдения о жизни зверей и пернатых обитателей леса. О них он систематически делился своими впечатлениями на страницах журнала «Природа и охота» и в «Охотничьей газете» с российскими охотниками.

Интересное сообщение было сделано на 1-м годовом общем собрании Пермского общества любителей охоты 1 марта 1893 года: *«20-25 лет тому назад Пермская губерния в отношении охоты и охотничьих угодий по праву могла стоять в числе первых... Масса пернатого и животного царства, их разнообразие... давали возможность каждому охотнику — богатому и бедному, свободному или обременённому работой и служебными обязанностями — воспользоваться свободной минутой, забыть всё дрязги, неприятности, часто тяжёлые невзгоды и отдаваться вполне тем наслаждениям, которые так милы и дороги охотничьему сердцу. Не было надобности ехать или идти, как, например, Пермскому охотнику за 20-30 вёрст, когда под самыми городами в 5-10 верстах каждый мог вволю, что называется, отвести душу. Кто из здешних старожил-охотников не помнит, как почти за чертой города били дупелей, бекасов, тетеревей, вальдшнепов и глухарей на току; били не случайно, а постоянно, затрачивая на это удовольствие несколько часов времени.*

...Словом, всё что так мило и дорого охотничьему сердцу, всё, что могло волновать охотничью душу и оставить в памяти массу ярких картин пережитых охот, могла дать Пермская губерния ещё так недавно....

Через 20 лет те благословенные места, которые ещё теперь живы в памяти и заставляют замирать охотничье сердце только от одного воспоминания, превратились в пустыню».

Далее в докладе констатируется, что органы власти — полиция и лесная стража — не исполняют закон об охране животного мира: *«неисполнение своего служебного долга по отношению преследования виновных за неисполнение законов об охоте... Полнейшее равнодушие агентов правительства (полиция, суд — Ю.Н.) к соблюдению закона об охоте... надолго принесли охотничьему хозяйству непоправимый вред.*

На отсутствие зверя и птицы в Пермской губернии, главное влияние оказали культивирование сельскохозяйственных угодий и страшное истребление лесов... Полное истребление лесов и кустарников составят крупную ошибку, которую придётся исправлять десятками лет». [2] Заметим, что докладчик умолчал о том, что многочисленные облавные охоты городских охотников дали свои печальные результаты.

Как ни странно, но уже только констатация фактов в докладе, озвученном более ста лет тому назад, не потеряла свою актуальность и в наши дни.

Источники

1. ГАПК. Фонд печатных изданий. Устав Пермского общества любителей охоты.
2. ГАПК. Фонд 42. Оп. 1. Д. 23.
3. А. П. Алексеев. Охота близ г. Екатеринбурга. — «Природа и охота», 1890, декабрь. С. 71.

Сведения об авторах

Антипина З.С.,

канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры Журналистики и массовых коммуникаций ПГНИУ

Багдасаров Р. В.,

религиовед, главный редактор интернет-портала «Россия для всех»

Варнакова О. Н.,

ст. науч. сотр. Березниковского историко-художественного музея им. И. Ф. Коновалова

Вершинина М. Г.,

ст. преподаватель кафедры Общего языкознания ПГГПУ

Головин В. В.,

д-р философии, д-р филол. наук, проф., руководитель центра ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Кылосова Т.П.,

студент филол. ф-та ПГГПУ

Николаев Ю.К.,

канд. ист. наук, доцент кафедры туризма, ПГНИУ

Пантелеева Л. М.,

канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры Русской и зарубежной филологии СГПИ (филиал) ФГБОУ ВПО ПГНИУ

Подюков И. А.,

д-р филол. наук, проф., зав. кафедрой Общего языкознания ПГГПУ

Савельев М. Е.,

студент ПГГПУ

Свалова Е. Н.,

аспирант ПГГПУ

Терюков А. И.,

канд. ист. наук, заведующий Отделом этнографии восточных славян и народов Европейской России МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Томилина М. А.,

магистрант филол. ф-та ПГГПУ

Фирсова А. В.,

канд. геогр. наук, ст. преподаватель кафедры туризма, ПГНИУ

Чагин Г. Н.,

д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой Древней и новой истории России ПГНИУ

Черных А. В.,

д-р ист. наук, главный научный сотрудник Отдела истории, археологии и этнографии Пермского научного центра УрО РАН

Шилов В. В.,

канд. ист. наук, заведующий кафедрой Общенаучных дисциплин БФ ПНИПУ

Шумов К. Э.,

канд. филол. наук, доцент ПГНИУ

**ТРАДИЦИОННАЯ
ОХОТНИЧЬЯ КУЛЬТУРА**
**по археологическим, фольклорно-этнографическим
и языковым данным**

Материалы всероссийской научной конференции
Строгановские чтения — VI

Усолье, 25-26 октября 2014

Под редакцией **Ивана Алексеевича Подюкова,**
доктора филологических наук,
профессора ПГПУ,

Макет, компьютерная верстка **В.В. Сидоров**

Корректурa **Н.Н. Хоробрых**

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

При перепечатке материалов ссылка
на данный сборник обязательна.

Подписано в печать 30.08.2015 г. Гарнитура Minion Pro.
Бумага офсетная. Формат 60x90/8.
Печать цифровая. Усл. печ. листов 18. Тираж 50. Заказ 340.
Отпечатано ИП Сидоров В.В.
618540, г. Соликамск, ул. Молодежная, 15/8. Тел. 8 (90247) 917-88.